ПРОФЕССОРЪ Е. Ѳ. БУДДЕ.

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГІИ РУССКАГО ЯЗЫКОЗНАНІЯ.

Пособіе для преподавателей русскаго языка въ средней школѣ и для самообразованія.

КАЗАНЬ.
Изданіе книжнаго магазина М. А. Голубева.
1917.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
1450
61

Лито-типографія „УМИДЪ" быв. Харитонова. Казань. 1917.

Вопросы методологіи русскаго языкознанія.

Учитель всю свою жизнь самъ учится!

Еслибы учитель писалъ свой дневникъ для себя самого и повѣрялъ бы ему всѣ свои профессіональныя думы, муки и стремленія, то потомство въ такомъ дневникѣ навѣрное нашло бы много для себя поучительнаго и еще болѣе нашло бы полезнаго для начинающихъ учителей. Въ самомъ дѣлѣ, какъ много времени употребляетъ учитель на то, чтобы обдумать и приготовить матеріалъ для своего урока въ той формѣ, въ которой этотъ матеріалъ станетъ удобопонятнымъ, легкимъ и интереснымъ для его учениковъ! Изложеніе матеріала должно быть и посильнымъ и увлекательнымъ, а каждый урокъ долженъ быть содержательнымъ и двигать весь классъ впередъ. Когда старый и опытный учитель—педагогъ задумается надъ приготовленіемъ очередного урока по своему предмету, то для него станетъ очевиднымъ и яснымъ, что онъ не можетъ быть готовымъ къ этому уроку разъ навсегда: одна и та же тема урока уже не разъ излагалась имъ въ классѣ въ теченіе его преподавательской дѣятельности, но лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ учителю удавалось подмѣчать, что способъ изложенія одной и той-же темы въ разные годы у него выходилъ совершенно одинаковымъ; въ большинствѣ же случаевъ, имѣя ежегодно обновленный составъ класса, т. е. учениковъ уже въ новомъ возрастѣ, а иногда и въ новомъ составѣ, учитель все время приспособляется къ общему уровню развитія и познаній своихъ учениковъ. Слѣдовательно, учитель не стоитъ духовно на одномъ мѣстѣ: его нервное напряженіе все время растетъ, его духовныя силы все время напрягаются, а все его учительское существо изощряется въ способахъ преподаванія учебнаго матеріала. Docendo discimus! И никогда учитель въ дневникѣ своемъ не напишетъ, что онъ израсходовалъ весь возможный запасъ способовъ изложенія и преподаванія своего предмета. Жизнь учителя наиболѣе живая, и дѣятельность его наиболѣе подвижная! Иначе и быть не можетъ: сами ученики, какъ дѣти и молодые люди, имѣющіе разнообразныя наклонности и способности, различныя дарованія и различныя особенности своихъ духовныхъ силъ, при своихъ отвѣтахъ на вопросы учителя, при своемъ недоумѣніи и даже на своихъ лицахъ отражаютъ результаты своего духовнаго воспріятія преподаннаго учителемъ матеріала и, помимо своей воли, будятъ учителя, заставляютъ его подвергать себя самоанализу и подводить оцѣнку способу своего изложенія урока. Это постоянный взаимообмѣнъ между классомъ и преподавателемъ; это

тотъ огонь, въ которомъ горитъ и въ тоже время приготовляется учитель. Если мы теперь назовемъ *способы* изложенія и преподаванія учителемъ своего предмета въ школѣ *методами*, то совокупность такихъ способовъ, испытанныхъ учителемъ на практикѣ, будетъ называться *методикой* предмета. Возьму свой предметъ—*русскій языкъ*. Буду излагать дѣло, какъ оно наблюдается въ дѣйствительности. Учитель, положимъ, застаетъ въ школѣ принятый учебникъ русскаго языка (грамматики, этимологіи и синтаксиса). Учитель усвоилъ матеріалъ, изложенный въ учебникѣ, но въ классѣ, вѣдь, онъ не читаетъ по учебнику: онъ излагаетъ *самъ* этотъ же матеріалъ, разучиваетъ его вмѣстѣ съ классомъ, провѣряетъ знаніе учениковъ и удобопонятность своего собственнаго изложенія. При этомъ онъ наталкивается самой практикой на цѣлый рядъ вопросовъ, которые будятъ его творческую самодѣятельность и открываютъ передъ нимъ далекіе и любопытные горизонты; онъ строитъ идеалъ и къ нему стремится. Въ этомъ процессѣ преподаванія и обдумыванія зарождается и развивается *методика преподаванія*. Методика тоже живетъ: она не стоитъ на мѣстѣ,— и чѣмъ опытнѣе преподаватель, тѣмъ болѣе хорошій онъ методистъ.

Совсѣмъ другое—*методологія науки!*

Методика всегда имѣетъ цѣлью *научить другихъ* какому-либо знанію наиболѣе совершеннымъ способомъ; методологія же имѣетъ цѣлью дать человѣку возможность *сдѣлаться самому ученымъ современнаго типа*, независимо отъ того, придется-ли обучать другихъ тому, что самъ знаешь, и какъ обучать ихъ. Согласно сказанному, методологія науки должна представить весь процессъ развитія даннаго современнаго знанія въ его современной, принятой наукой формѣ. Для методолога науки должно быть ясно то, чѣмъ обусловлено современное направленіе данной науки, какъ дошелъ ученый міръ до тѣхъ научныхъ положеній, на которыхъ онъ остановился въ данной наукѣ въ данное время, и какимъ представляется все содержаніе изучаемой имъ науки въ связи съ современными открытіями, изслѣдованіями и господствующими теоріями, гипотезами и результатами. Отсюда и отношеніе методолога къ школьному учебнику, взятому имъ въ руки, совершенно иное, чѣмъ у методиста: послѣдній, въ лучшемъ случаѣ, можетъ переставить порядокъ статей учебника, приспособить ихъ изложеніе къ уровню своего класса, но не измѣнить *существа содержанія* самаго учебника или его отдѣльныхъ главъ. Не касаясь вопроса о доброкачественности матеріала учебника, методистъ принимаетъ этотъ матеріалъ цѣликомъ и изощряется только надъ способами его преподаванія ученикамъ. Матеріалъ стоитъ выше методиста; методистъ его разрабатываетъ для разучиванія съ учениками, но не становится его судьею, его критикомъ. Методологъ же оцѣниваетъ учебникъ своего предмета съ точки зрѣнія соотвѣтствія матеріала и его освѣщенія въ учебникѣ съ матеріаломъ науки и его освѣщеніемъ современной наукой. Если мы теперь согласимся въ томъ, что учебникъ для средней школы, какъ бы онъ элементаренъ ни былъ, долженъ

однако стоять *въ своихъ основныхъ положеніяхъ на уровнѣ современной науки*, т. е. что въ средней и низшей школѣ должна преподаваться наука не въ искаженномъ по существу видѣ, а только въ упрощенномъ примѣнительно къ требованіямъ цѣлей школы и ея методики, то мы придемъ къ заключенію, что *выборъ учебника* долженъ быть сдѣланъ по указанію методолога, въ особенности, если на книжномъ рынкѣ и въ школѣ одновременно существуютъ самые разнообразные учебники: и болѣе близкіе къ положеніямъ современной науки, и совершенно отсталые и по матеріалу, и по изложенію, т. е. удержавшіеся какимъ-то образомъ пережитки. Стало быть, *критика учебниковъ* входитъ въ методологическій курсъ. Я опять предупреждаю, что я говорю только о своемъ предметѣ, о русскомъ языкѣ, и объ учебникахъ по русскому языку. Такимъ образомъ, методологъ, держа научный курсъ, руководится имъ и при выборѣ учебника и при изложеніи своего предмета.

Едвали мы найдемъ въ учебной литературѣ по какому-либо предмету школьнаго преподаванія такое разнообразіе опредѣленій самаго предмета преподаванія и его составныхъ частей, какъ въ такъ называемомъ „русскомъ языкѣ!“ Эти разнообразія опредѣленій, нерѣдко взаимно исключающихъ другъ друга, сбиваютъ съ толку „учителей“, порождаютъ недоумѣнія въ образованномъ обществѣ, вызываютъ справедливыя нареканія на школу и затрудняютъ пониманіе учениковъ и ученицъ. Начать съ того, что въ каждомъ учебномъ заведеніи до сихъ поръ въ „расписаніи уроковъ“ значится въ разныхъ классахъ „русскій языкъ“. А, если зайдешь въ классъ на урокъ „русскаго языка“, или спросишь, что задано по „русскому языку“, то нерѣдко рискуешь *ничего не услышать о „русскомъ языкѣ“*: то слышишь толкованіе стихотвореній, то изложеніе какого-либо разсказа, то объясненіе правописанія какихъ-либо словъ, то характеристику какого-нибудь писателя, его главнѣйшихъ сочиненій и проч. и проч. А письменные отвѣты, напр., на тему: „Каковы наши представленія объ Отечественной войнѣ 1812 года по учебникамъ исторіи и по роману графа Л. Н. Толстого: „Война и миръ?“ и под. называются „Письменными отвѣтами *по русскому языку*“, и съ этими отвѣтами *по языку* ученики и выпускаются изъ средней школы, по ея окончаніи, въ возрастѣ 16—20 лѣтъ отъ роду. Такимъ образомъ, ученики до 20-тилѣтняго возраста какъ-бы учились въ школѣ „русскому языку“. Если просматриваешь ученическія работы на вышеприведенную и другія темы, исполненныя въ VIII-мъ классѣ гимназій или въ VII-мъ классѣ реальныхъ училищъ, то очень часто недоумѣваешь: оцѣнка цѣлой комиссіи „учителей“ совершенно не соотвѣтствуетъ то *содержанію* работы, то ея *изложенію* (со стороны плана, синтаксиса и стиля), то ея *орѳографіи*, а иногда—и ни тому, ни другому, ни третьему вмѣстѣ! И, дѣйствительно: за чѣмъ слѣдить экзаменаціонной комиссіи? За „языкомъ“, но „языкъ“ въ средней школѣ, какъ увидимъ ниже, не проходится! За орѳографіей,—но обучить орѳографіи оказывается почти невозможно—

за весь восьмилѣтній періодъ ученія (см. мои отчеты по Каз. Уч. Округу за 1912, 1913 и 1914 годы). Слѣдить за изложеніемъ оказывается въ провинціи тоже трудно, т. к. нѣтъ такихъ дѣятелей школы, которые бы достаточно тонко различали норму русскаго *литературнаго* языка (московскій говоръ) и діалектическія его отклоненія, (напр., „учителя“ не замѣчаютъ недостатковъ въ выраженіи: „рѣка встала“ вм. „стала“, „замерзла“; или: „рѣшеніе осталось за немъ“ вм. „за нимъ“; или: „благодаря судьбы“ вм. „благодаря судьбѣ“ и мн. др.), а въ курсъ средней школы не входитъ русская діалектологія, не входитъ вовсе изученіе классовой рѣчи; поэтому мѣщанская рѣчь провинціальныхъ городовъ (см. мои отчеты по Округу, напр., Вольск. Реал. Уч. 1914 г. и друг., напр., „не такъ, чтобы ужъ очень богатый, а такъ — *самостоятельный*“ и др.) укореняется въ школѣ и при помощи самихъ „учителей“ и сопровождаетъ молодыхъ людей всю ихъ жизнь...

Такимъ образомъ, самый объектъ школьнаго предмета—„русскаго языка“ остается не выясненнымъ, не опредѣленнымъ. Отсюда выходитъ, что учитель—методистъ, преподающій въ школѣ „русскій языкъ“, не зная въ сущности своего настоящаго дѣла, своего предмета, изощряется въ обученіи учениковъ всему по-немногу: это—какой-то энциклопедистъ, безъ настоящаго знанія своего *прямого* дѣла. Этотъ энциклопедизмъ школьнаго „русскаго языка“ постоянно питается и учебниками „русскаго языка“, которые только отражаютъ печальную дѣйствительность. Вотъ отъ такой-то *неразграниченности* области „языка“ въ средней школѣ, въ нашемъ отечествѣ едва-ли не хуже всего поставленъ „отечественный“ языкъ въ школѣ!

Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ *методологія* ставитъ основнымъ требованіемъ разграниченіе объекта изученія въ данной наукѣ отъ другихъ объектовъ другихъ наукъ, и самые методы, по требованію методологіи, являются въ результатѣ глубокаго изученія одной спеціальности, *методика* рекомендуетъ учителю только приспособить учебный матеріалъ къ уровню даннаго класса, не вдаваясь въ анализъ самаго учебнаго матеріала съ точки зрѣнія *доброкачественности* этого послѣдняго. Возьмемъ учебники по русскому языку („Учебникъ русской грамматики“).

1) Ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ общаго введенія въ изученіе языка. Не объясняется, что за явленіе языкъ. Не опредѣлено понятіе „языкъ“; не отграниченъ „языкъ“, какъ явленіе, отъ прочихъ явленій міра. Не выяснено, какое отношеніе между языкомъ и его грамматикой и т. д. Словомъ, сразу въ учебникѣ грамматики дается матеріалъ, о которомъ ни учителя, ни ученики, ни общество не знаютъ, какъ и почему этотъ матеріалъ, и, именно, *этотъ*, а не другой какой-либо, попалъ въ учебникъ русской грамматики. Изложеніе грамматики начинается прямо съ ученія о звукахъ, причемъ всегда звуки смѣшиваются съ буквами (Лавровъ и др.), и съ отдѣльныхъ словъ, а не съ ихъ сочетанія (Лавровъ и др.). Физіологическая классификація звуковъ рѣчи и вообще звуковая физіологія такъ странно отразились

въ школьныхъ учебникахъ (Лавровъ, Бѣлоруссовъ, Петровъ и др.), что нельзя совершенно понять, почему такъ, а не иначе дѣлятся звуки русской рѣчи, причемъ они дѣлятся въ одномъ учебникѣ такъ, а въ другомъ—иначе!

2) При дѣленіи именъ сущ. на склоненія не замѣчается никакого разумнаго основанія для даннаго дѣленія; да оно нигдѣ и не объясняется! Изъ-за этого отсутствія принципа дѣленія (fundamentum divisionis), чуть не въ каждомъ учебникѣ—свое особое дѣленіе: то два, то три, то четыре, то пять склоненій. Была попытка приспособить русское склоненіе даже къ склоненію именъ въ древнихъ классическихъ языкахъ (греч. и лат.: Преображенскій), и этотъ учебникъ тоже служилъ школьнымъ руководствомъ наравнѣ съ прочими; но зато, правда, въ немъ была оригинальная попытка объяснить основаніе для дѣленія именъ сущ. въ русскомъ языкѣ на склоненія. Именно, къ *первому* склоненію принадлежатъ имена на—*а*: вдов*а*, жен*а*... срв. греч. и лат. первое склоненіе: φιλί*α*, ros*a*, naut*a*... А вмѣстѣ съ этимъ нигдѣ такъ ядовито не отражается смѣшеніе звука съ буквою, какъ въ отдѣлѣ склоненій: у Лаврова и у др. буквы *ъ* и *ь* въ склоненіи приняты за *звуки*, а въ ученіи о звукахъ—за *буквы*. Выходитъ, что *слова дѣлятся на склоненія на основаніи не существующихъ въ этихъ словахъ* (именахъ сущ.) *признаковъ*, и школа не замѣчаетъ въ лицѣ своихъ „учителей“ этой *нелогичности*, т. к. всѣ „учителя“ учатъ такъ, какъ написано какимъ-то „учителемъ“ въ учебникѣ.

3) Предложеніе опредѣляется, то какъ *мысль* (Абраменко и др.), то какъ *слова*, то какъ *словосочетаніе* (Гусевъ и Сидоровъ и др.). Такимъ образомъ, если ввести въ грамматику языка изученіе мысли (хотя бы и выраженной *словами*), то это должно завести учителя русскаго языка въ такія области, изъ которыхъ ни онъ, ни его ученики не смогутъ выбраться! Такъ оно и есть: я знаю по личнымъ наблюденіямъ, что кто училъ „русскій языкъ“ по Абраменку, тотъ не могъ различить видовъ предложеній и упражнялся вмѣстѣ со своими учителями въ такихъ „сокращеніяхъ“ предложеній, въ которыхъ не оставалось уже никакого мѣста занятіямъ *по языку*. А кто училъ „русскій языкъ“ по учебнику Петрова, тотъ выучилъ, что „междометіе есть неразвитое предложеніе“, что междометіе „ой“ означаетъ „булавка уколола“ и т. п.

Ясно, что допустить, чтобы какая-либо научная дисциплина, преподаваемая въ какой-бы то ни было школѣ, *не могла себѣ дать отчета въ томъ, какой же предметъ ея занятій*, рѣшительно нельзя: это не просвѣщеніе, не образованіе, а пустая болтовня! Точно такъ же допустить, чтобы какой-бы то ни было предметъ школьнаго преподаванія состоялъ изъ отрывочныхъ, и при томъ невѣрныхъ, свѣдѣній по разнообразнымъ наукамъ,—тоже безсмысленно! Наконецъ, преподавать предметъ въ школѣ, не продумавъ и не заставивъ учениковъ предварительно продумать того, какъ и почему занимается такая-то наука такимъ-то дѣломъ, какъ возникла эта потребность заниматься

даннымъ дѣломъ,—значитъ самому ходить впотьмахъ и водить за собой другихъ впотьмахъ. Все это и сказывается на нашихъ познаніяхъ по отечественному языку!

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что всѣ указанные недостатки учебнаго матеріала, его классификаціи, его усвоенія и его приложенія должны быть устранены, т. к. указанными недостатками въ постановкѣ преподаванія „русскаго языка“ заглушается въ молодомъ поколѣніи въ его руководителяхъ—„учителяхъ“ естественная, общечеловѣческая *логика*, и это „заглушеніе логики“ отражается въ рѣчахъ, разсужденіяхъ и вообще въ практической дѣятельности нашихъ „присяжныхъ“ учителей „русскаго языка“ и ихъ питомцевъ; въ лучшемъ случаѣ, при такой постановкѣ дѣла „учитель русскаго языка“ становится просто *въ сторонѣ* отъ дѣла обученія, а ученики находятся въ невѣдѣніи относительно того, зачѣмъ это ихъ учатъ „русскому языку“, и стараются скорѣе забыть это обученіе.

Я утверждаю, что состояніе учебной литературы по „русскому языку“ самымъ пагубнымъ образомъ вліяетъ на всю постановку этого дѣла въ школѣ и служитъ главнѣйшей (если не единственной) причиной отсталости нашего „учителя русскаго языка“ отъ университетской науки. Само собой разумѣется, что вся система „одобренія“ нашихъ учебниковъ по русскому языку, находящаяся въ рукахъ лицъ, *нерѣдко совершенно невѣжественныхъ въ области языковѣдѣнія*, особенно содѣйствуетъ паденію самаго предмета и его школьныхъ представителей. Вотъ *методологія* науки и способствуетъ устраненію всѣхъ вышеуказанныхъ недостатковъ. Она держится слѣдующихъ принциповъ:

1) Необходимо знать *исторію данной науки*, т. е. ознакомиться, хоть въ главнѣйшихъ очертаніяхъ, съ ходомъ развитія научной мысли въ данной области и съ постепенностью ея завоеваній до послѣдняго, настоящаго, современнаго намъ момента.

2) Необходимо знать, *какими способами наука старалась овладѣвать своими объектами*: съ какими фактами она считалась, что̀ считала за фактъ, почему одни факты отбрасывала, а другіе накопляла, сравнивала ихъ между собой, дѣлала выводы изъ сравненія, подводила итоги сравненія, извлекала общіе признаки, устанавливала послѣдовательность явленій по степени распространенности ихъ общихъ признаковъ, *строила законы*, какъ указаніе неизбѣжнаго пути, по которому явленіе шло въ своей жизни и по которому оно пойдетъ до столкновенія съ болѣе сильнымъ препятствіемъ для дальнѣйшаго его хода *въ отмѣченномъ закономъ* направленіи.

3) *Необходимо знать, гдѣ и въ какихъ случаяхъ наука употребляла индукцію*, гдѣ—*дедукцію и гипотезы*, гдѣ—*анализъ*, до какихъ глубинъ доходилъ этотъ анализъ, и гдѣ ограничивалась однимъ *сравненіемъ*, не рискуя идти дальше.

4) *Необходимо знать, какими результатами обязана современная намъ наука*, благодаря перечисленнымъ въ 3-мъ пунктѣ спосо-

бамъ изученія научныхъ данныхъ, *и какой результатъ добытъ въ частности какимъ путемъ.* Наконецъ,

5) *Необходимо знать отношеніе изучаемой науки къ другимъ наукамъ и прикладное значеніе изучаемой науки, ея горизонты и перспективы.* Соблюденіе всѣхъ этихъ принциповъ внесетъ *сознательность* въ усвоеніе науки, *разграниченіе ея области и интересъ къ ея изученію.* Всѣ эти принципы должны быть положены *въ основаніе построенія всякаго учебника для школы.* Такое построеніе учебника является гораздо болѣе легкимъ и единственно полезнымъ, потому что такое построеніе сдѣлаетъ предметъ изученія *понятнымъ и приложимымъ на практикѣ.*

Только такой *учебникъ, составленный согласно съ методологическими принципами,* является учебникомъ *достойнымъ* высокихъ цѣлей всякой школы. И *только къ такому учебнику* должна приспособляться *методика преподаванія предмета.* Отсюда слѣдуетъ, что методика преподаванія должна появиться, какъ послѣднее слово техники, послѣ методологически-правильно составленныхъ учебниковъ. А методистъ—учитель долженъ изощряться на примѣненіи и изученіи способовъ преподаванія *того матеріала,* который выбранъ, обработанъ и поставленъ *методологически-правильно,* подобно *правильно поставленному опыту* въ натуралистическихъ наукахъ, безъ котораго нѣтъ истиннаго знанія, нѣтъ пониманія.

Однимъ изъ главнѣйшихъ въ методологическомъ отношеніи отдѣловъ языкознанія является отдѣлъ *словообразованія.* На этомъ отдѣлѣ я намѣренъ, какъ на правильно-поставленномъ опытѣ въ экспериментальныхъ наукахъ, показать, *къ какимъ познаніямъ* ведетъ изученіе *языка* и *какъ* эти познанія добываются.

Такимъ образомъ, мы указали пока, что *введеніе въ языковѣдѣніе* (въ самыхъ общихъ чертахъ) должно входить въ область изученія языка (въ учебникъ грамматики р. языка). Затѣмъ,—*физіологія звуковъ,* затѣмъ—*фонетика, морфологія* (словообразованіе и словоизмѣненіе), причемъ принципы обоихъ отдѣловъ морфологіи сообщаются предварительно, затѣмъ—*синтаксисъ,* но *всѣ названные выше отдѣлы изучаются на анализѣ словосочетанія, съ котораго изученіе языка и начинается.* Всѣ эти отдѣлы удобно демонстрируются въ отдѣлѣ словообразованія, въ которомъ и состоитъ анализъ словосочетанія на первыхъ порахъ изученія языка.

Отдѣлъ словообразованія.

На отдѣлѣ словообразованія удобнѣе всего, какъ показалъ мнѣ многолѣтній опытъ, приложить и примѣнить научные принципы *методологіи,* согласно указаніямъ этой послѣдней науки. Въ интересахъ преподаванія въ средней школѣ придется только сокращать и упрощать изложеніе, но не видоизмѣнять, и тѣмъ болѣе, не искажать научныя

положенія. Такъ, напримѣръ, пользуясь матеріаломъ, внесеннымъ въ мой учебникъ грамматики русскаго языка (ч. I. Этимологія. М. 1914 г. 4-е изданіе) и его освѣщеніемъ (тамъ-же, стр. 66—102), можно примѣнить научные принципы фонетики и морфологіи (стр. 103—164). Укажу только на упрощеніе въ интересахъ дидактическихъ. Именно: мы всѣ привыкли расчленять цѣлый звуковой рядъ (рядъ звуковъ языка, связанныхъ другъ съ другомъ извѣстной послѣдовательностью и внутреннимъ значеніемъ, доступнымъ нашему пониманію) на звуковые комплексы, называемые нами *словами*, т. е. *на слова*. Это несомнѣнно представляетъ собой громадное удобство при изученіи языка; къ этому удобству мы всѣ привыкли, и нашъ языкъ называемъ *языкомъ словъ*, хотя мы должны при этомъ постоянно помнить, что словъ въ отдѣльномъ ихъ употребленіи мы почти не знаемъ. Что мы называемъ и считаемъ „словомъ?“ Какъ возникаютъ наши представленія о словахъ и ихъ формахъ? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, удобнѣе всего взять для наблюденій *неграмотнаго* человѣка, усвоившаго языкъ *по наслышкѣ* и употребляющаго свой языкъ *по привычкѣ къ извѣстнымъ артикуляціоннымъ движеніямъ органовъ рѣчи съ дѣтства*; языкъ такого человѣка или языкъ еще неграмотнаго ребенка въ возрастѣ 5—6 лѣтъ представляетъ собой языкъ въ его *естественномъ* видѣ, *и такой-то языкъ и есть настоящій объектъ чистой науки языковѣдѣнія*. Въ самомъ дѣлѣ, такой человѣкъ вамъ скажетъ, напримѣръ: „унáслюдиубилифчерáмедьвѣдяраспорóфшыемубрюхоножóм“. Онъ скажетъ приблизительно такъ, не зная формы „распоровши“, не зная, что это форма отъ гл. „распороть“ и пр. А на вопросъ собесѣдника: „кто убилъ“? „Какіе люди“? онъ отвѣтитъ: „мой отецъ, братъ и зять“, примѣрно. Такой отвѣтъ могъ составиться послѣ привычки къ словамъ: „отецъ“, „братъ“, „зять“, „мой“ въ отличіе отъ „твой“ и проч. Такъ точно и относительно прочихъ частей этого звукового ряда, звукосочетанія, въ которомъ мы мало-по-малу лишь узнаемъ такія *части*, которыя считаемъ за отдѣльныя слова, узнавая изъ практики, что эти части возможны и въ отдѣльномъ ихъ употребленіи: „распоровши брюхо“, срв. „я распоролъ брюхо“, „хочу распороть брюхо“. Чѣмъ? „Ножомъ“! „У охотника есть такой ножъ“! И проч. под. При словахъ: „ножъ“, „ножны“, „ножикъ“, „ножницы“, „поножовщина“, „ножовая расправа“, „ножовая линія“ и под., мы мысленно чувствуемъ, что во всѣхъ этихъ словахъ есть связь *по значенію*: всѣ они вызываютъ въ насъ представленіе значенія, связаннаго съ предметомъ „ножъ“. Такимъ образомъ, звукосочетаніе, „нож“ является въ нашемъ сознаніи *центромъ*, около котораго группируются всѣ перечисленныя выше слова, и это звукосочетаніе мы *условно* называемъ *корнемъ* словъ, отъ котораго пошли всѣ вышеприведенныя слова, разнообразя свое значеніе лишь по тѣмъ оттѣнкамъ его, которые возникли не въ самомъ звукосочетаніи „нож“, т. е. *не въ носителѣ коренного значенія, не въ корнѣ, а въ присоединеніи къ этому центру значенія, къ корню, различныхъ побочныхъ элементовъ*: „нож-н-ы“, „нож-ик“, „нож-ик-ом“, „нож-н-иц-ы“,

(срв. „хлѣб-н-иц-а“ и под.), „по-нож-ов-щ-ин-а“, „нож-ов-ая“ и под. (срв., напр., „Разин-ов-щ-ин-а“; „Разин-ов“ [приказъ, тулупъ, отрядъ...]; „Разин-ов-ск-ій“; срв. „горб-ат-ов“, „горб-ат-ов-ск“; „горб-ат-ов-щ-ин-а“; „жен-ск-ій“; „жен-щ-ин-а“; „ден-ь“; „ден-ск-ой“; „ден-щ-ин-а“; „по-ден-щ-ин-а“; срв. „сел-ьск-ій“; „бог“; „бож-ьск-ій“; „бож-еск-ій“ и под.). Изъ такихъ примѣровъ и сопоставленій мы извлекаемъ слѣдующія свѣдѣнія: къ корню присоединяются побочные элементы или слѣва (по-) отъ корня, или справа (н, ьн, ен, ик, иц, ов, щ, ин...). Первые мы называемъ *префиксами*, а вторые—*суффиксами* или *инфиксами*. Всѣ эти побочные элементы служатъ *словообразовательными* частями, или элементами готоваго уже для рѣчи слова (образованіе словъ происходитъ собственно въ процессѣ рѣчи) и видоизмѣняютъ значеніе корня. Эти элементы словообразованія (префиксы, суффиксы, инфиксы) надо однако отличать отъ другихъ побочныхъ элементовъ въ словѣ, которые находятся *только справа отъ корня и служатъ средствомъ* не для того, чтобы видоизмѣнять значеніе корня, придавая этому послѣднему различные оттѣнки смысла, а для того, *чтобы связать слово въ рѣчи опредѣленной связью съ другимъ словомъ въ сочетаніи. Эти элементы слова называются формальной связью словъ въ ихъ сочетаніи другъ съ другомъ*, потому что при посредствѣ этихъ элементовъ образуются тѣ звуковые виды одного и того же слова, которые *называются формами отдѣльныхъ полныхъ словъ. Такія формы словъ*, обнаруживающіяся и появляющіяся лишь въ связной рѣчи, въ словосочетаніи, не затрагиваютъ значеній корня, но *выражаютъ въ рѣчи лишь взаимоотношеніе ея частей (словъ)*, прикрѣпляясь въ нашемъ сознаніи къ тѣмъ новымъ категоріямъ значеній, которыя получаются словомъ лишь въ связной рѣчи, т. е. въ его формахъ, и называются поэтому *синтактическимъ значеніемъ слова* (т. е. собственно формы слова). Эти формальные элементы словъ въ словосочетаніяхъ выступаютъ ярко въ нашемъ сознаніи, какъ *подвижныя части словъ, измѣняющіяся въ зависимости отъ измѣненія синтактическаго значенія*, т. е. служатъ какъ бы элементами измѣненія формъ словъ („flexion“), а потому и называются обыкновенно *флексіями* и находятся на самомъ концѣ слова, образуя его *окончаніе*. Эти флексіи („flexions“), какъ показываетъ само значеніе этого французскаго слова (лат. flecto; flexio-ionis; сгибать, склонять; изгибъ, наклоненіе, склоненіе), сообщаютъ нашему языку гибкость его элементовъ въ связной рѣчи, а потому такіе языки, имѣющіе флексіи, и называются *флективными*, или *флексійными*. Такимъ образомъ, если слово способно въ нашемъ сознаніи распадаться на части: корневую (основную) и формальную, то такое слово признается *формою*, а такъ какъ форма сообщаетъ слову способность вступать въ связь съ другими словами въ рѣчи, то *такая формальная связь называется грамматической связью*. Если мы въ своемъ сознаніи отвлекаемъ („абстрагируемъ“) формальные элементы при сравненіи различныхъ словосочетаній и распредѣляемъ для удобства эти элементы по категоріямъ звуковъ и связан-

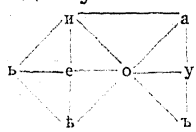
ныхъ съ ними значеній, то мы получаемъ *грамматическія категоріи падежей, лицъ, чиселъ, временъ, наклоненій и родовъ*, т. е. тѣ категоріи, которыя въ отдѣльномъ представленіи нашемъ и въ системѣ изложенныя образуютъ ученіе о формахъ словъ, или *грамматику языка*, *ученіе о грамматическомъ строѣ языка*. Понятіе о грамматикѣ языка, или о его грамматическомъ строѣ, составляется постепенно изъ наблюденія надъ живой связной рѣчью, изъ ея изученія путемъ анализа, сравненія и обобщеній ея составныхъ элементовъ и частей. Само собой разумѣется, что извѣстный *строй* языка вырабатывается въ живомъ языкѣ путемъ *силы употребленія*, образующей мало-помалу опредѣленные *навыки*. Грамматика же, какъ ученіе о строѣ языка, составляется наблюдателями и учеными значительно позже, когда сила употребленія уже высказалась опредѣленнымъ образомъ, и строй языка чувствуется говорящими уже, какъ *привычный*. Возьму примѣры: „я отойду *шагъ* назадъ", „я ѣду *шагомъ*", „панталоны узки *въ шагу*", „въ этомъ его *шагѣ* я не нахожу ошибки". Или: „*верхъ* совершенства", „дѣти занимаютъ *верхъ*", „*верхо́мъ* не проѣдешь", „иди *ве́рхомъ*" и под. Ясно, что во всѣхъ этихъ словосочетаніяхъ мы имѣемъ дѣло съ *синтактическимъ* значеніемъ словъ: „*шагъ*" и „*верхъ*", между тѣмъ какъ *коренное (этимологическое)* значеніе этихъ словъ остается *неизмѣннымъ и не пріобрѣтаетъ новыхъ значеній внѣ словосочетанія*: новыя значенія („узки въ шагу") получаются только въ словосочетаніи, въ *связной* рѣчи, *т. е. въ синтаксисѣ*. Побочные (словообразовательные) элементы сло́ва вмѣстѣ съ корнемъ, но безъ флексій (безъ окончаній), составляютъ *основу* слова, *осно́вную* часть слова, которая остается неизмѣняемой при перемѣнѣ флексій (падежныхъ или личныхъ окончаній). „Неизмѣняемой" по существу, какъ составная этимологическая часть слова, хотя съ точки зрѣнія *фонетическаго* состава основы мы можемъ и въ ней примѣтить *звуковыя* измѣненія: въ силу фонетическаго закона ассимиляціи рядомъ стоящихъ звуковъ въ словѣ, мы замѣчаемъ, что основа слова, напр., „*жен-а*" въ формѣ им. п. ед. ч. имѣетъ звукъ „*н*" твердый, а въ формѣ дат. п. ед. ч. этотъ же „*н*" палатальный, мягкій: „*жен'ѣ*" и проч. Но это измѣненіе основы не является существеннымъ при расчлененіи слова на его *этимологическія* составныя части. Вообще, неправильно думаютъ нѣкоторые лингвисты, что въ подобныхъ случаяхъ измѣняется *основа* слова: *здѣсь измѣняется не основа слова, а тотъ или другой звукъ вслѣдствіе его фонетическаго положенія и независимо отъ того, входитъ ли онъ въ составъ основы, или нѣтъ*. Срв., напр., основы словъ: „жэн'щин-а" и „жэнск-ая" и проч. Корень можетъ совпадать съ основой слова, если это послѣднее является *первообразнымъ*, но въ *производныхъ* словахъ корень, входя въ составъ основы слова, долженъ имѣть при себѣ справа или слѣва побочные элементы, т. е. можетъ и не совпадать съ основой слова, и тогда слово называется *производнымъ* (напр., корень—*нож*; основа—*ножик-* въ формахъ словъ: ножик-а, ножик-у, ножик-омъ, ножик-ѣ и т. д.). Въ словосочетаніи „но-

жикъ лежитъ на столѣ“ слово „ножикъ“ является формою имен. падежа („подлежащаго“) ед. числа. Взятое же *искусственно* отдѣльно изъ словосочетанія это слово по звуковому своему виду совпадаетъ *съ формою имен. п. ед. ч.*, т. е. съ формою *„ножик“*, *которая* при сравненіи по составляющимъ ее звукамъ съ отдѣльнымъ словомъ *„ножик“ обнаруживаетъ, что она не имѣетъ формальнаго элемента.* Слѣдовательно, въ нашемъ языкѣ *слова типа „ножъ“ не имѣютъ въ им. п. ед. ч. особаго падежнаго окончанія, т. е. формальнаго элемента. Значитъ, признакомъ формы въ такихъ словахъ служитъ отсутствіе формальнаго элемента.* Срв. грамматическое словосочетаніе: „отец добр“, „вол пал“, но: „корова пала“ и проч.

Изъ всего предыдущаго мы видимъ, что понятіе о составныхъ этимологическихъ частяхъ слова (корень, префиксъ, суффиксъ, флексія, иначе сказать, понятіе о корнѣ и *аффиксахъ*, подъ которыми разумѣются *всѣ* побочные элементы и словообразованія и словоизмѣненія по формамъ заразъ) есть *понятіе чисто условное*, т. к. мы не можемъ *въ точности указать корень съ его первичнымъ значеніемъ* вслѣдствіе того, что каждый языкъ пережилъ столько вѣковъ своей жизни (своей исторіи), постоянно видоизмѣняясь въ устахъ говорящихъ на немъ людей при смѣнѣ поколѣній, что *мы не можемъ въ точности указать въ современныхъ намъ слѣдахъ стараго, отжившаго, языка тѣ подлинные оригиналы и звуковъ и значеній, отдаленнымъ отраженіемъ которыхъ служатъ современные намъ звуки въ словахъ и ихъ современныя значенія послѣднихъ.* Однако мы имѣемъ въ историко-сравнительномъ методѣ изученія языковъ надежное средство приблизиться къ тому виду изучаемаго этимъ методомъ языка, который давно погибъ и потому условно называется *праязыкомъ*: по отраженіямъ старой эпохи въ современности, (т. е. въ старомъ языкѣ древнихъ письменныхъ памятниковъ и въ современныхъ намъ нарѣчіяхъ этого языка), а также путемъ сравненія звуковыхъ соотвѣтствій въ языкахъ, близко родственныхъ другъ другу по всему фонетическому и грамматическому строю своему, мы можемъ *приблизительно* возстановить былое прошлое языка, а при помощи изученія работы органовъ рѣчи (т. е. при помощи физіологіи звуковъ рѣчи) можемъ даже *довольно точно* установить качество и прочія особенности звуковъ данной рѣчи въ ея *древнѣйшемъ* видѣ, наблюдая способы и виды физіологическаго перерожденія звуковъ путемъ физіологическаго измѣненія и модификаціи въ работахъ органовъ рѣчи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ надо всегда помнить, что, такъ какъ мы знаемъ языкъ всегда или въ письменномъ его отраженіи болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ насъ временъ, или въ его современныхъ нарѣчіяхъ, причемъ въ самыхъ памятникахъ письменности, какъ бы древни они ни были, замѣчаются діалектическія особенности, признаки распада языка на его діалекты, *то мы лишены навсегда возможности возстановить состояніе языка задолго до его распаденія на нарѣчія*: самая отдаленная эпоха жизни языка, которую мы можемъ возстановить указаннымъ выше методомъ, это—*эпоха на-*

канунъ распаденія, ибо *языкъ каждой доступной намъ эпохи въ его отраженіи тѣмъ или другимъ способомъ таитъ въ себѣ признаки распаденія, указываемыя намъ его діалектами, доступными нашему изученію.*

Вотъ только послѣ всѣхъ этихъ замѣчаній мы можемъ поставить требованіе, которому должно удовлетворять *опредѣленіе корня слова*, корня, какъ нашего представленія о центрѣ, въ которомъ сходятся по значенію всѣ данныя слова („семейство корня"), и о звуковомъ составѣ, который является первичнымъ, древнѣйшимъ и простѣйшимъ звуковымъ выразителемъ найденнаго центра значенія. Вотъ почему отдѣлъ грамматики—словообразованіе—предполагаетъ у учащихся наличность познаній фонетики (звуковыхъ явленій, подчиненныхъ *законамъ*), физіологіи звуковъ (установленія возможности и естественности того или другого звукового измѣненія) и морфологіи (измѣняемости словъ по формамъ склоненія и спряженія). Я старался до сихъ поръ показать, какъ составляется научное опредѣленіе корня: „Корнемъ слова называется *простѣйшая, односложная, неразложимая и неизмѣняемая* часть слова, отъ которой образуется *цѣлая группа словъ сходнаго значенія*, называемая *семействомъ* корня". (См. мою Этимологію, 4-е изд. Стр. 81).

Установивъ въ фонетикѣ вышеуказаннымъ методомъ *чередованіе звуковъ* на пространствѣ доступнаго намъ періода исторіи русскаго языка, именно, звуковъ: 

, мы, во-первыхъ, можемъ осмыслить данное слово, напр., „заторъ" (льда на рѣкѣ), во-вторыхъ, указать связь значеній совсѣмъ уже разошедшихся нынѣ словъ: „торная" (тропа, дорога), въ-третьихъ,—приблизиться къ первичному значенію слова и понять отжившій, старый языкъ, связавъ его съ настоящимъ, современнымъ намъ языкомъ; въ-четвертыхъ, слѣдя за измѣненіемъ значеній въ связи съ измѣненіями звуковъ словъ, возстановить по даннымъ языка живую лѣтопись народа, т. е. эволюцію его міросозерцанія. („Торная" дорога „протертая", которую постоянно „трутъ", „натираютъ". Срв. наши проселочныя дороги въ сухое время: онѣ натерты колесами до блеска...). Наконецъ, въ-пятыхъ, на отдѣлѣ словообразованія, изучаемаго на основахъ научнаго языкознанія, мы можемъ научиться устранять возможныя и нерѣдко встрѣчающіяся ошибки и въ употребленіи словъ, и въ указаніи значенія словъ, и даже въ системѣ убѣжденій, взглядовъ учащагося поколѣнія. Напр., я помню изъ своей педагогической практики случай, когда одинъ „ученикъ" (употребляю здѣсь данное слово въ обширномъ его значеніи—родовомъ и этимологическомъ, первичномъ) объяснилъ выраженіе „торная дорога", какъ выраженіе, означающее „дорогу, заросшую терномъ, терніемъ", т. е. „трудную для прохода", „непроходимую". Хотя стоило только мнѣ указать на фактъ отсутствія при словахъ: „тернъ", „терніе", „терно-

вый", „тернистый" словъ съ кореннымъ *о* и *и* въ *сходныхъ по значенію словахъ*, чтобы семейство словъ стараго корня „тьрн-" обособилось въ особую группу и отмежевалось въ сознаніи говорящихъ отъ семейства корня „тьр-" („тьру"—„тру"—„подтирка"—„затирать"—„затёръ"—„заторъ"...). Въ опредѣленіи корня мы, конечно, тоже *условно* называемъ звуковой комплексъ, напр., „тьр"—(„тру"), *простѣйшимъ* видомъ корня, исходя изъ научнаго положенія о различныхъ видахъ корня („слабый" и „сильный") или о различныхъ базахъ корня. Само собой разумѣется, что въ словѣ „ръта" (род. „рта") въ формѣ имен. п. ед. ч. будетъ *сильный* видъ корня (ъ=о: „рота"), а въ формѣ „ръта" (род. п. ед. ч.)—слабый видъ (наше: „рта") и проч. Срв. также: тьр—въ формѣ „тру" („тьру") и тер—въ формѣ „теръ": „затеръ" и проч.

Звуковая исторія языка и законы измѣненія звуковъ даютъ намъ возможность правильно усвоить себѣ представленіе о корневыхъ базахъ, однослоговой и двуслоговой. *Упрощая* изложеніе вопроса о корняхъ, мы вносимъ тоже *условно* въ опредѣленіе корня его признакъ *односложность, во избѣжаніе болѣе грубой въ методологическомъ отношеніи ошибки*, которая, какъ показалъ опытъ, неизбѣжна при указаніи корня такъ называемыхъ *полногласныхъ* сочетаній, если не внести въ опредѣленіе корня признака односложности его. Напр., при допущеніи и двусложныхъ корней неизбѣжно корнемъ слова „солома" окажется „солом-", между тѣмъ какъ этому будетъ противорѣчить тогда стрсл. „слам-а" и проч. под. Не погрѣшая противъ научности представленій, проще изобразить дѣло такъ, какъ оно и есть: двусложныхъ корней сохранилось вообще мало; можетъ быть, это намъ обычно такъ представляется оттого, что возстановить *первичные виды корней* полностью не удалось еще и для прочихъ индо-европейскихъ языковъ и для самого общаго индо-европейскаго праязыка, что̀ объясняется несовершенствомъ многихъ пріемовъ, а, можетъ быть, оттого, что многіе факты различныхъ родственныхъ языковъ навсегда утрачены въ теченіе ихъ жизни, и сама наука *по существу* является фактически недостаточной, неполной. Это послѣднее, кажется, дѣйствительно составляетъ настоящую причину дефектовъ отдѣла словообразованія. Но какъ бы то ни было, при прохожденіи этого отдѣла *проще для пониманія и вѣрнѣе по фактическому состоянію дѣла* указать *въ русскомъ языкѣ*, что такихъ двусложныхъ корней, какъ: „*хребет-*", „*баран-*", „*голуб-*" и др. мы имѣемъ сравнительно немного, и потому ради нихъ нельзя въ опредѣленіе корня вносить *многосложность*, какъ *существеннный* признакъ корня. (Срв. „тулупъ", „барабанъ", „тараканъ", „стрекоза" и проч.). Что касается нашихъ терминовъ: „неразложимая" и „неизмѣняемая" часть слова въ нашемъ опредѣленіи корня, то терминомъ „неразложимая" противополагается корень *формѣ слова*, распадающейся, разлагающейся въ нашемъ сознаніи на основную часть и формальную (на корень и аффиксъ). А терминъ „неизмѣняемая" *ограничиваетъ ту область, въ предѣлахъ которой корень можетъ из-*

мѣнять свои звуки, оставаясь по значенію тѣмъ же самымъ корнемъ, напр., „забрать“, „заберу“, „заборъ“, „забирать“: здѣсь—измѣненія звуковъ *въ рамкахъ, указанныхъ закономъ чередованія звуковъ*. Объ измѣненіи звуковъ въ зависимости отъ ихъ фонетическаго положенія я говорилъ выше.

Къ важнымъ вопросамъ методологіи языкознанія относятся еще вопросы о *законахъ* языка, объ образованіяхъ *по аналогіи* и о *системѣ склоненій и спряженій*.

Отдѣлъ фонетики.

При изученіи фонетики русскаго языка очень важно обратить вниманіе на *условія измѣненія звуковъ*. Для указанія *сущности* дѣла я ограничусь современнымъ состояніемъ русскаго языка въ его литературномъ (московскомъ) произношеніи, не вдаваясь въ исторію звуковъ (см. мои Лекціи по исторіи р. языка. Каз. 1914.²). Въ русскомъ языкѣ звуки *ж, ш* и *ц являются твердыми во всякомъ положеніи*, т. е. независимо отъ какихъ-бы то ни было условій, въ которыхъ они встрѣчаются въ русской рѣчи. Напр., „шалый“, „шэс'т'“, „шыр'“, „шоры“, „шутъ“ и др. Или: „цар'“, „цэл'“, „цырк“, „купцом“, „купцу“ и др. Или: „жар“, „жэс'т'“, „жыр“, „жоны“, „ножом“, „служу“ и др.

По этимъ звукамъ мы можемъ легко отличить говорящаго московской рѣчью, съ литературнымъ русскимъ произношеніемъ человѣка отъ провинціала, говорящаго не литературнымъ языкомъ, а діалектическимъ произношеніемъ. Срв. въ моихъ діалектологическихъ трудахъ данныя изъ говоровъ Казан. губ., Свіяж. и Лаишев. у.у., Вятск. губ., Нолин. у. и друг. Въ литературномъ же (московскомъ) произношеніи звукъ *ж* и *ш* палатализуется лишь при удлиненіи, при долготѣ его: *виж'ж'ать*, пиш'ш'ать... Другіе звуки (кромѣ *ж, ш, ц*) русскаго языка могутъ быть и твердыми и мягкими, въ зависимости отъ ихъ положенія въ словѣ и среди другихъ звуковъ слова. Напр., „хвор“ и „хвор'“, „хворат'“ и „ныр'ат'“, „кору“ и „кор'у“ и др. Въ отдѣлѣ же фонетики очень важно обратить вниманіе также на тѣ неправильности, которыя возникаютъ въ нашемъ представленіи звуковъ русской рѣчи вслѣдствіе нашей привычки къ тѣмъ зрительнымъ впечатлѣніямъ, которыя мы получаемъ при постоянномъ чтеніи печатныхъ книгъ, при письменномъ изложеніи нашихъ мыслей и вообще при нашихъ соприкосновеніяхъ съ общепринятой орѳографіей. Въ методологіи языкознанія чрезвычайно важно указать самымъ обстоятельнымъ и тщательнымъ образомъ на отношеніе русской общепринятой орѳографіи къ русскому языку. Въ этомъ отношеніи весьма важенъ трудъ *Д. Н. Ушакова* („Русское правописаніе“... и проч. М. 1911), который дѣйствительно содѣйствуетъ уразумѣнію и развитію научныхъ представленій о фактахъ русскаго языка въ отличіе ихъ отъ фактовъ правописанія. Нѣтъ ничего удивительнаго, если даже взрослые люди при изученіи или

просто при употребленіи названій звуковъ русскаго языка смѣшиваютъ звуки языка съ буквами; причины этого поголовнаго смѣшиванія объясняются развившимися съ дѣтства привычками представлять себѣ *слово языка въ оболочкѣ орѳографическаго его изображенія*. Такъ, напр., чтобы добиться сознательнаго представленія качественнаго различія звуковъ въ словахъ: „посредствомъ“ и „посредствѣ“, приходится употреблять немало времени въ курсѣ русскаго языка при преподаваніи, а между тѣмъ безъ такихъ представленій (звуковыхъ) нѣтъ знаній языка и его настоящаго предмета. Такъ какъ русскій языкъ тѣмъ-то и выдѣлился изъ среды другихъ славянскихъ языковъ, что прежде всего въ немъ проявился законъ полной ассимиляціи въ способѣ артикуляціи рядомъ стоящихъ звуковъ въ словѣ, слѣдствіемъ чего уже при началѣ отдѣльной жизни русскаго языка явился въ немъ цѣлый рядъ новыхъ по качеству гласныхъ и согласныхъ звуковъ, неизвѣстныхъ дотолѣ, то отчетливое знаніе того, что въ общепринятой орѳографіи не можетъ быть фонетически-точнаго изображенія звуковъ русскаго языка, и что орѳографія далеко отстаетъ отъ языка въ его историческомъ движеніи, является основной базой, на которой только и возможно добыть и основать научно-правильныя языковыя представленія. Такъ, еще давно покойный академикъ Я. К. Гротъ прочно установилъ и привилъ и къ школѣ тотъ взглядъ, что въ русскомъ языкѣ есть разнообразные по качеству звуки „*e*“: „мѣлъ“ и „мель“; „цѣлъ“ и „цѣль“ и под.; что мы имѣемъ звукъ „e^a“ и „e^i“. А академику Шахматову удалось установить, на основаніи данныхъ исторіи и діалектологіи русскаго языка, еще и прочіе виды этого звука „*e*“ (для котораго имѣется *единственная* буква въ нашемъ алфавитѣ и въ орѳографіи) по эпохамъ и говорамъ русскаго языка, именно: *e* въ *n'ebo, *moje; *ö*—въ *jömu, *žöna, *kъnęžö; *ê*—въ *śêsti; *ä*—въ *žäniхъ, *žitijä. Слѣдовательно, изъ положеній современной науки мы можемъ видѣть явное несоотвѣтствіе между орѳографическимъ знакомъ, буквою, и звукомъ языка. А потому *методологически* необходимо *при изученіи языка отвлекаться отъ привычныхъ зрительныхъ (орѳографическихъ) представленій*, чтобы получить *чистый* фактъ языка *безъ посторонникъ примѣсей*. Этого требуетъ методологія науки, на основахъ которой должна строиться и школьная научная дисциплина, и школьное преподаваніе, и учебники для школъ! Эту способность отвлеченія отъ письменныхъ знаковъ необходимо уже чисто школьнымъ способомъ, дидактическими пріемами, съ самыхъ младшихъ классовъ школы, развивать и сообщать ради правильныхъ научныхъ представленій, которыя лишь содѣйствуютъ развитію интереса въ учащихся къ наукѣ и повышаютъ уваженіе среди учащейся молодежи къ предмету науки и къ научнымъ трудамъ. А такъ, какъ дѣло стоитъ сейчасъ, когда все преподаваніе *языка* сводится къ упроченію *зрительныхъ* представленій въ школѣ, наука остается въ сторонѣ, ея настоящаго предмета ученики не знаютъ и наивно думаютъ (ученики въ этомъ и не виноваты), что умѣнье орѳографически-правильно писать и есть *настоящее*

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

дѣло науки о языкѣ, и что всю эту науку можно постигнуть изъ „орѳографическаго справочника“; поэтому де интересоваться тутъ нечѣмъ, что де все дѣло заключается въ „буквоѣдствѣ“... Въ самомъ дѣлѣ, если мы для поясненія своей мысли относительно важности *языковыхъ представленій* сошлемся на постоянное и справедливое желаніе преподавателей математики выработать и возбудить въ учащихся способность, напр., *геометрическихъ представленій*, то мы нисколько не будемъ удивляться тому, что безъ языковыхъ представленій не можетъ быть успѣховъ по языку, не можетъ быть знаній языка, какъ не удивляемся тому, что учащійся геометріи человѣкъ до тѣхъ поръ не будетъ имѣть надлежащихъ знаній и успѣховъ по стереометріи, напримѣръ, пока онъ не разовьетъ способности къ геометрическимъ представленіямъ. Такъ, напр., въ ученіи о геометрическихъ измѣреніяхъ всѣхъ видовъ *геометрическихъ тѣлъ* (линій и плоскостей въ пространствѣ, круглыхъ тѣлъ и проч.) необходимо умѣть различать *физическое тѣло* и *геометрическое тѣло*, необходимо умѣть представить себѣ фигуры, получаемыя отъ перемѣщенія на плоскости, отъ вращенія въ пространствѣ различныхъ геометрическихъ тѣлъ и ихъ сочетаній. Всякій ученикъ хорошо знаетъ, что безъ этихъ данныхъ онъ не вычислитъ ни объема, ни поверхности даннаго геометрическаго тѣла и проч.

Само собой разумѣется, что *каждая* наука имѣетъ *свой* предметъ, *свой* методъ, *свою* задачу, *свое* содержаніе, и что истинное знаніе, какъ бы оно элементарно ни было, заключается въ дифференцированномъ усвоеніи, а не въ смѣшеніи различныхъ предметовъ различныхъ наукъ, смѣшеніи, доходящемъ нерѣдко въ нашей школѣ до *полнаго слитнаго сознанія*, въ которомъ невозможно разобраться ученику даже и по достиженіи имъ вполнѣ зрѣлаго возраста. Въ самомъ дѣлѣ, если бы въ нашей школѣ изучались математика и физика такъ, какъ изучается въ нихъ русскій языкъ, т. е. безъ разграниченія предметовъ математики и физики, то невозможно было бы отличить и законовъ математики отъ законовъ физики, саму математику отъ самой физики, какъ у насъ въ школѣ невозможно теперь найти ученика, который бы точно различалъ *законы языка* и *законы логики*, или орѳографическія написанія и звуковыя, фонетическія представленія. Странно, а все-таки приходится повторять, что, вѣдь, не выводятъ же заключенія о тождествѣ математики и физики, какъ наукъ, изъ того факта, что и математическія формулы (или законы), и физическіе законы излагаютъ однимъ и тѣмъ же средствомъ, именно, звуковымъ языкомъ или пишутъ однимъ и тѣмъ же орудіемъ письма (мѣломъ или перомъ)! А между тѣмъ и до сихъ поръ въ школѣ изъ разсмотрѣнія фактовъ языка выводятъ выводы, принадлежащіе совсѣмъ другой наукѣ—логикѣ, и обратно. *И все это изъ-за того, что звуковой языкъ состоитъ изъ словъ, какъ и логика, которая, имѣя своимъ предметомъ однако не слова, а понятія, но пользуясь тѣми же самыми звуковыми словами, что и языкъ, за отсутствіемъ какого-либо*

другого средства для передачи понятій собесѣднику, читателю или потомству, должна бы, кажется, въ силу этого не смѣшиваться съ предметомъ языкознанія!

Понятно, что представитель логики, какъ науки, долженъ прежде всего *считаться съ предметомъ своей науки, которая изучаетъ условія сочетаемости понятій, но не условія сочетаемости словъ, что, какъ главный предметъ, входитъ въ содержаніе науки о языкѣ.* Отсюда слѣдуетъ, что представитель философской дисциплины—логики справедливо признаётъ *сужденіе:* „душа имѣетъ форму треугольника“ неправильнымъ, нелогичнымъ, несостоятельнымъ, между тѣмъ какъ языковѣдъ признаётъ то же самое *предложеніе:* „душа имѣетъ форму треугольника“ совершенно правильнымъ, грамматическимъ и вполнѣ состоятельнымъ. Для представителя логики „душа“ и „треугольникъ“, какъ *форма души,*—понятія не сочетаемыя, потому что душа, по современнымъ представленіямъ, не имѣетъ никакой опредѣленной воспринимаемой нами формы. Въ *предложеніи* же: „душа имѣетъ форму треугольника“ законы сочетаемости словъ (условія связи) всѣ соблюдены: въ этомъ предоженіи—налицо всѣ элементы грамматической связи словъ, всѣ формальные признаки сочетанія входящихъ въ него словъ: здѣсь есть и связь *согласованія* и *связь управленія* словъ. *И всѣ эти виды словосочетаній выражены средствами языка, т. е. тѣми средствами, которыя и составляютъ дѣйствительный и настоящій предметъ науки о языкѣ,* но не относятся къ другой наукѣ—логикѣ. На первыхъ же порахъ изученія *языка* необходимо выяснить (и въ отдѣлѣ фонетики это болѣе всего удобно!), что логика пользуется *языкомъ* (иначе она не можетъ: нѣтъ другого средства сообщить свои мысли собесѣднику!), а это обстоятельство давно уже служило и до сихъ поръ служитъ поводомъ къ печальному смѣшенію двухъ совершенно различныхъ наукъ. Въ отдѣлѣ синтаксиса, въ ученіи о сложныхъ предложеніяхъ, мы ниже увидимъ, какъ ошибаются тѣ ученые лингвисты, которые хотятъ учитывать при анализѣ предложеній въ языкѣ не только формальные элементы, но и *смысловые элементы,* или *смысловые моменты.* (См. ниже).

Теперь же мы примѣнимъ изложенные выше методологическія основы къ отдѣлу фонетики изучаемаго языка. Возьму опять примѣры изъ практики и постараюсь на нихъ указать, что́ они собою освѣщаютъ. Обычное распредѣленіе въ учебникахъ именъ существительныхъ по отдѣламъ *на твердое и мягкое склоненія* неизбѣжно влечетъ за собой *смѣшеніе звука языка и буквы алфавита у учащихся,* т. к. это учебное распредѣленіе само основано на различіи *зрительныхъ,* а не *слуховыхъ* представленій, т. е. на различіи письменныхъ знаковъ, буквъ, а не звуковъ. Такъ, напримѣръ, учебники русской гримматики представляютъ дѣло такъ: изображаютъ въ таблицахъ склоненіе именъ по слѣдующей, примѣрно, схемѣ для именъ муж. рода:

раб-ъ	кон-ь
раб-а	кон-я

раб-у	кон-ю
раб-омъ	кон-емъ
раб-ѣ	кон-ѣ

и выводятъ, что каждому твердому окончанію падежа соотвѣтствуетъ мягкое окончаніе: { а у о ы ъ / я ю е и ь.

Естественно, что получается представленіе только о соотвѣтствіи *буквъ*, т. к., напр., буква *я* есть, именно, *буква, но изображаетъ она* въ нашемъ алфавитѣ не одинъ звукъ русскаго языка, а *заразъ два звука*: j + а или й + а (i̯ + а). Если же представить себѣ дѣло такъ, какъ въ учебникахъ, которые имѣютъ цѣлью, какъ видно, обучить *только буквамъ*, т. е. *орѳографіи, а не языку*, то выходитъ, что и въ словѣ „рабъ“ и въ словѣ „конь“ основы одинаковы по конечнымъ своимъ звукамъ, т. е обѣ основы оканчиваются на *твердый* согласный *б* или *н*. Съ такой точки зрѣнія и дѣленіе именъ сущ. на склоненія происходитъ лишь по окончаніямъ (буквеннымъ) падежей, а не по основамъ. Срв., напр., *кон-ъ* и *кон-ь*: основы по буквамъ тождественны, а окончанія *ъ* и *ь* въ языкѣ даже отсутствуютъ: *это буквы безъ звуковыхъ значеній*, слѣд., *въ основѣ дѣленія положены буквы*, т. е. *орѳографическіе знаки*. Совсѣмъ другое, если мы соблюдаемъ основной методологическій принципъ—различіе звука и буквы: тогда легко учащимся видѣть и провѣрить свои знанія слухомъ,—что, напр., въ словѣ *кон* основа оканчивается на твердый *н*, а въ словѣ *кон'* основа будетъ оканчиваться на мягкій *н'*. Если такъ, то и все склоненіе приметъ другой видъ:

кон	кон'
ко́н-а	кон'-а́
ко́н-у	кон'-у́
ко́н-ом	кон'-о́м
ко́н'-ѣ	кон'-ѣ́
или: (кон-у́)	(кон'-у́).

При такомъ изложеніи предмета учащійся пріучается различать то, что́ принадлежитъ языку (звукъ), и то, что́ принадлежитъ письму (букву); пріучается не смѣшивать задачи науки о языкѣ съ задачей искусства правильно (по общепринятому образцу) писать. Кромѣ того, ясно видно, что слова *конъ (рабъ* и под.) и *конь*, дѣйствительно, принадлежатъ къ *одному* типу склоненія, къ *одному* склоненію; что, наконецъ, основы могутъ измѣнять свой звуковой составъ въ зависимости отъ фонетическаго положенія составляющихъ ихъ звуковъ въ формахъ полныхъ словъ.

Такимъ образомъ, фонетика языка уясняется по мѣрѣ развитія привычки и навыковъ фиксировать свое вниманіе на *звукахъ* языка, а не на буквахъ алфавита. Такое методологически-правильное изученіе посильно и въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, и въ низшихъ школахъ; оно же утверждается и звуковымъ методомъ (въ его чистомъ видѣ) обученія чтенію и письму. Далѣе, при разграниченіи задачъ языка и задачъ орѳографіи, а также—задачъ языка и за-

дачъ логики мы устраняемъ возможность печальныхъ послѣдствій смѣшенія различныхъ задачъ и различныхъ наукъ. Зная, напримѣръ, что звукъ *ч* въ русскомъ литературномъ языкѣ извѣстенъ *только*, какъ звукъ мягкій, мы не ожидаемъ такихъ представленій, какія встрѣчаются при методологически-неправильномъ изложеніи предмета языкознанія теперь ежедневно и повсемѣстно. Напримѣръ, учитель подчеркиваетъ написаніе „лучомъ“ и въ то же время подчеркиваетъ написаніе „дѣвченка“. И подобные случаи представляютъ затрудненіе даже и для учителей русской орѳографіи. Между тѣмъ мягкость звука *ч, единственно* извѣстная въ литературномъ произношеніи (твердое *ч*, т. е. съ разложеніемъ аффрикаты на составные элементы: т'ш или ч^{ш},— извѣстно только въ *діалектахъ* русскаго языка; по такому произношенію мы узнаемъ *провинціала*, и надо къ этому узнаванію пріучать и учащихся), сама по себѣ совершенно достаточно гарантируетъ литературно-правильное произношеніе слова, независимо отъ того, какую букву поставить послѣ *ч: о*, или *е; а*, или *я; у*, или *ю*; *ы*, или *и* и пр. Поэтому въ интересахъ *истиннаго* (а не ложнаго) знанія, образованія и умственнаго развитія учащихся необходимо и учителямъ уразумѣть это и вырабатывать въ себѣ методологически-правильный пріемъ анализа и усвоенія языковыхъ явленій. При изученіи этихъ послѣднихъ или при обученіи *языку*, нужно только *предварительно* и разъ навсегда выставить принципъ, правило: будемъ ли мы обозначать мягкость согласнаго звука послѣдующей буквой, принятой въ нашемъ алфавитѣ для обозначенія мягкости предшествующаго согласнаго (т. е. буквами: *ь, я, е, ю, и, ь)*, или запятой (апострофомъ) надъ буквой, означающей согласный звукъ. И въ послѣднемъ случаѣ гласный звукъ придется обозначать уже не перечисленными выше буквами, а буквами: *э, а, у*, т. е. такъ: *д'эло, д'ад'а, д'ад'у* и проч. Установивши предварительно тотъ или другой принципъ обозначенія палатальности (мягкости) согласнаго, мы не вносимъ ничего новаго или противорѣчащаго всему строю нашего орѳографическаго кодекса. Въ самомъ дѣлѣ, надо же при изученіи *языка* обратить вниманіе на то, что мы пишемъ, напримѣръ „*чудо*“, но при этомъ не понимаемъ, что въ этомъ правописаніи кроется совсѣмъ другой принципъ обозначенія мягкости согласнаго, чѣмъ „*блюдо*“ и под. Тамъ, въ словѣ „*чудо*“ мы должны и сами знать и доводить учащихся до сознанія того, что написаніе „*чудо*“ выражаетъ собственно произношеніе *ч'удо*, т. е. мягкость звука *ч* остается *не обозначенной* въ орѳографіи ни въ послѣдующемъ гласномъ *у*, ни въ согласномъ *ч*; между тѣмъ какъ въ словѣ „*блюдо*“ мягкость звука *л* обозначена въ гласномъ *ю*. На эту непослѣдовательность обозначенія слѣдуетъ обращать особое вниманіе, дабы не путать явленій языка съ явленіями графики (орѳографіи). Срв., напр., обозначенія: „чудо“ и „шуба“; „рощу“ и „отцу“. Или: „чай“ и „шайка“, „ключомъ“, „ножомъ“ и „шалашомъ“ или „плащомъ“ (прежде, еще недавно, предпочитали даже писать: „плащемъ“ и „ключемъ“ и проч. под.). Между тѣмъ какъ звуки *ч* и *щ вездѣ мягкіе* въ русскомъ литературномъ

произношеніи, а звуки *ж, ш* и *ц вездѣ твердые* въ русскомъ литературномъ произношеніи. Если при началѣ обученія или изученія мы *условно* примемъ за правило обозначать мягкость согласнаго *въ послѣдующемъ гласномъ*, то у насъ получится *методологически безупречная* система обозначеній „чюжой", „щюка", „чюдо", „чяшка", „четверть", „чистъ", „печь" и проч. Срв. „Ваню" и „рану" и проч. Тогда и обученіе *орѳографіи* выступитъ отдѣльно отъ языка со своими особенностями, съ присущей ей *своеобразностью*. Нужды нѣтъ, что при этомъ на первыхъ порахъ начертаніе *чю, чя* и под, будетъ мозолить непривычный глазъ, зато это начертаніе не будетъ сбивать съ толку начинающихъ учиться *языку* и само по себѣ не повредитъ дѣлу просвѣщенія, т. к. оно основано *на фактахъ языка, на особенностяхъ природы звуковъ русскаго языка*, а не на временной и условной орѳографіи, которая заставляетъ и учителей видѣть и считать ошибки тамъ, гдѣ въ сущности ихъ нѣтъ. Кромѣ того, необходимо (хотя бы по книгѣ *Д. Н. Ушакова*: „Русское правописаніе. Очеркъ его происхожденія, отношенія его къ языку и вопроса о его реформѣ". М. 1911.) съ самаго начала обученія и изученія развивать надлежащій взглядъ на отношеніе письма и орѳографіи къ языку; необходимо установить и въ интересахъ образованія, и въ интересахъ школьной успѣшности правильную точку зрѣнія на отличія нашего правописанія отъ нашего литературнаго произношенія; необходимо указать на возможность фонетической транскрипціи въ интересахъ усвоенія природы языковыхъ явленій. Отчасти это и теперь дѣлается въ низшихъ школахъ, при обученіи грамотѣ *по звуковому методу*, но дѣлается не методически, безпорядочно, и *потомъ все это бросается при вступленіи въ среднюю школу*. Между тѣмъ весь этотъ звуковой методъ (въ его *чистомъ* видѣ, *безъ смѣшенія и примѣси элементовъ, относящихся къ предмету обученія общепринятой орѳографіи*, какъ это, къ сожалѣнію, дѣлается въ низшихъ школахъ *теперь въ угоду искусству „правильно писать"*) пригоденъ и полезенъ и въ средней школѣ: тогда генетически свяжется въ представленіи и учителей, и учениковъ курсъ русскаго языка младшихъ классовъ и тотъ курсъ, который придется проходить въ старшихъ классахъ, гдѣ при чтеніи памятниковъ письменности предстоитъ и учителямъ, и ученикамъ встрѣтиться съ написаніями: чюкши, чюдо, чимь, чело, чѧдо, притѣчѧ и притѣча и под. И учителя, и ученики *увидятъ въ старой русской графикѣ, въ старомъ письмѣ, бо́льшую близость къ фонетическому письму, къ фонетической транскрипціи, чѣмъ въ современной намъ орѳографіи*, и легко поймутъ, съ одной стороны, звуковую консервативность русскаго языка, историческую преемственность въ природномъ качествѣ русскаго звука *ч*, съ другой,—*звуковыя отклоненія и измѣненія* въ нарѣчіяхъ (діалектахъ) русскаго языка, отклоненія отъ старины, *происшедшія уже послѣ распаденія русскаго языка на нарѣчія; легко узна́ютъ въ произношеніяхъ: т'ш́исто (чысто), про́т'ш (прочъ)* и друг. *провинціаловъ, не усвоившихъ литературнаго русскаго произношенія*.

Нынѣ же нерѣдко приходится встрѣчаться съ недоумѣнными взглядами даже учащихся и въ *высшей* школѣ при объясненіи написаній южно-русскихъ памятниковъ: *ничого, чоботомъ*, и др. въ діалектологической исторіи звука *ч*. А сами учащіеся въ своихъ отвѣтахъ утверждаютъ, что *ч* въ словѣ *„дѣвчóнка“ твердое, п. ч. послѣ него слышится и пишется* **о** (!). На этомъ основаніи можно сказать, что въ словахъ: *„однóмъ“* и *огнёмъ, конёмъ* звукъ *н* твердый, т. к. послѣ него слышится *о*. (!). Такимъ образомъ, *научная методологія русскаго языкознанія приводитъ на практикѣ къ пріобрѣтенію навыковъ различать звуки языка и буквы письма, явленія языка (фонетики) и явленія графики (орѳографіи)*. А это—такіе важные результаты указаній научной методологіи, которые обезпечиваютъ собой сознательность и успѣшность въ усвоеніи курсовъ отечественнаго языка *во всѣхъ видахъ русской школы*.

Присутствуя при обученіи дѣтей и взрослыхъ русской грамотѣ, я не разъ наблюдалъ и убѣждался, что учащіеся грамотѣ по звуковому методу пишутъ, напр., „тьотьа“ (=тетя), „Митьу“ (=Митю) и под. Такъ, въ письмѣ солдата изъ дѣйствующей арміи написано между прочимъ: „вашымъ дѣтьамъ“. (Письмо 1916. I. 4). И такъ они пишутъ до тѣхъ поръ, пока не собьютъ ихъ съ толку правилами нашей орѳографіи! А при чтеніи они же читаютъ, напримѣръ, „лъюди“ (=люди), „менъја“ (=меня) и под., пока не привыкнутъ. Это—замѣчательно разительные примѣры естественной, природной логичности дѣтей и взрослыхъ людей! Мнѣ думается, что этой естественной здравой логикой человѣка необходимо воспользоваться при изученіи фонетики русскаго языка: въ такихъ примѣрахъ чтенія и письма „малограмотныхъ“ заложено, помимо воли и сознанія учащихся, различеніе палатализованныхъ и непалатализованныхъ согласныхъ звуковъ (твердыхъ и мягкихъ согласныхъ звуковъ) по слуху и по артикуляціи органовъ рѣчи, т. е. различеніе звуковъ: *л* и *л’*; *т* и *т’* и под. Если такъ, то слѣдуетъ и учить въ школахъ, основываясь на всеобщности и однородности слуховыхъ воспріятій (впечатлѣній), на естественности и необходимости логическихъ заключеній у каждаго ученика, тому, что у насъ есть два звука *л*, два звука *т* и др. Тогда понятно будетъ и утвержденіе, что звукъ *ж* у насъ имѣется одинъ, т. к. звука *ж’* въ нашемъ литературномъ произношеніи нѣтъ, какъ нѣтъ у насъ и звука *ш’*, и звука *ц’*: срв. произношенія: „сидиш“, „дрош“ и написанія: „сидишь“, „дрожь“ и под., хотя: „писецъ“ вмѣсто стараго писєць—письць. Въ произношеніи же послѣдовательно *твердое ц*, какъ и *ш* и *ж*: *писéц, сúтец, молодéц* и проч. под.

Такимъ образомъ, если, согласно съ методологіей научнаго языкознанія, исходить изъ слуховыхъ воспріятій и изъ физіологической артикуляціи органовъ рѣчи при изученіи звуковъ русскаго языка, т. е. *при изученіи фонетики*, то придется, во 1-хъ, опираться на тѣхъ данныхъ, которыя уже заложены въ природѣ человѣка, т. е. на различіи слуховыхъ ощущеній, обусловленныхъ различіемъ артикуляціон-

ныхъ движеній органовъ рѣчи при прохожденіи звучащей струи воздуха изъ легкихъ черезъ ротъ, а, во 2-хъ, на данныхъ естественной здравой логики человѣка. Послѣдствіемъ такого изученія является *развитіе языковаго слуха и чутья и естественная дифференціація языковыхъ знаній и орѳографическихъ представленій.* Иначе говоря, происходитъ въ сознаніи учащагося естественное отпаденіе орѳографіи отъ языка, и каждая изъ этихъ отраслей ассоціируется со сродными ей спеціальными выводами и запасами духовной сокровищницы у учащихся разныхъ возрастовъ. Въ училищахъ глухонѣмыхъ, гдѣ по необходимости приходится вызывать представленіе звука рѣчи путемъ демонстративныхъ уроковъ изъ области физіологіи звуковъ, различеніе звука и буквы достигается при бо́льшемъ сознаніи и усваивается поэтому болѣе прочно, чѣмъ въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ смѣшана логика съ языкознаніемъ. Въ этомъ отношеніи я могъ бы рекомендовать очень полезные труды учителей школъ для глухонѣмыхъ, напр., *М. И. Тимоѳеева*: „Азбука для обученія грамотѣ по естественному методу съ изображеніемъ видимыхъ органовъ рѣчи и съ рисунками по американской системѣ“ и *Л. Мищенка*: „Звуковая сторона родного языка“. (Фил. Зап. 1915 г., начиная съ IV-го выпуска).

На основахъ научной методологіи языкознанія усваивается естественнымъ путемъ (сознательно) и понятіе о звуковыхъ законахъ языка, и объ ихъ измѣненіяхъ *во времени*, т. е. объ ихъ преходящемъ, временномъ значеніи и временной силѣ ихъ дѣйствія въ языкѣ. Напримѣръ, усвоивши артикуляцію и слуховыя впечатлѣнія отъ звуковъ палатализованныхъ, смягченныхъ, мягкихъ, учащіеся могутъ легко вникнуть въ характерное выраженіе и обнаруженіе законовъ палатализаціи (смягченія) согласныхъ звуковъ и могутъ сами придти къ заключенію, что при сравненіи произношеній „друга“ и „дружно“, „дружить“ и под. *не наблюдается никакого смягченія звука* г *въ звукъ* ж *въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ.* При этомъ становится ясно, что въ словахъ: „дружить“, „пружина“ и под. мы имѣемъ букву *и* не на своемъ мѣстѣ, т. к. она, согласно предыдущему, обозначаетъ у насъ *мягкость* предшествующаго согласнаго, а звукъ *ж* не мягкій, а *твердый.* Слѣдовательно, уясняя себѣ въ данномъ случаѣ непослѣдовательность нашихъ орѳографическихъ обозначеній, мы видимъ, что языкъ властно требуетъ обозначеній: „дружыть“, „пружына“, „жыла“ и под. Слѣд., законъ смягченія выражается теперь не въ чередованіи звуковъ *г* и *ж*, а въ чемъ-то другомъ. Срв., напр., выше: *кон* и *кон'*, *сад'и́т'* и *с'а́ду*, *с'а́д'еш* и проч. Кромѣ того, ясно становится, что законъ такъ называемаго „переходнаго“ смягченія согласныхъ, напр., г-ж-з, к-ч-ц, х-ш-с и проч., обнаруживши *въ былое время* въ языкѣ силу своего обязательнаго дѣйствія, оставилъ слѣды своего дѣйствія въ языкѣ до современной намъ эпохи уже въ готовомъ, унаслѣдованномъ отъ старины, видѣ, напр., *слуга—служба, лугъ—лужокъ, страхъ—страшно* и под., но самъ законъ уже пересталъ нынѣ дѣйствовать и отжилъ свое время, что́ видно изъ слѣ-

дующихъ фактовъ современнаго діалектическаго разнообразія русскаго языка: „пекéтъ“, „стерегéтъ“ и под. Современное же смягченіе—*не переходное* наблюдается въ другихъ процессахъ, *въ палатализаціи* звука безъ перехода этого послѣдняго въ область новыхъ артикуляцій органовъ рѣчи; напр., въ произношеніи слова „средство“ звуки *д, с, т, в*, стоящіе передъ окончаніемъ, передъ звукомъ *о*, и послѣ корня вмѣстѣ со звукомъ *д*, на который оканчивается самый корень *(сред-)*, имѣющій въ произношеніи *т* вм. *д* передъ глухимъ *с*, звучатъ безъ палатализаціи, твердо, но въ мѣстномъ (предложномъ) падежѣ этого же слова — „средствѣ“ — всѣ эти звуки уже палатализованы, *смягчены, вслѣдствіе закона полной ассимиляціи рядомъ стоящихъ звуковъ въ словѣ.* А извѣстно, что этотъ послѣдній законъ обусловилъ, между прочимъ, обособленіе восточной вѣтви славянства, распаденіе общеславянскаго языка на группы, и въ частности,—выдѣленіе восточной его отрасли, именно, языка прарусскаго. Срв. общеславянское **nebo*, возстановляемое изъ показаній отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, и русское (общерусское—во всѣхъ нарѣчіяхъ) н'ебо. (Малорус.—украинское небо—явленіе позднѣйшее, образовавшееся *по распаденіи русскаго языка на нарѣчія*, т. е. къ концу XII-го вѣка или въ началѣ XIII-го вѣка, когда уже обнаружились діалектическія явленія южнорусской отрасли русскаго языка). По палатализованному произношенію согласныхъ звуковъ въ такихъ фонетическихъ положеніяхъ мы безошибочно можемъ узнавать русскаго человѣка (великоросса и бѣлорусса) и отличать его произношеніе отъ иноземнаго, а равно и отъ малорусскаго. Если методологически-правильно поставлено преподаваніе и изученіе фонетики, то легко убѣдиться (а это весьма важно въ практическомъ отношеніи!), что русскій человѣкъ, имѣющій своимъ *роднымъ* языкомъ языкъ *великорусскій* (въ томъ числѣ *и московскій, ставшій литературнымъ русскимъ языкомъ)*, всегда въ своемъ произношеніи имѣетъ *палатализованные* (смягченные) *согласные звуки* въ положеніи ихъ *передъ гласными передняго ряда или передъ j*, если только этотъ человѣкъ не привыкъ къ *искусственному, дѣланому* произношенію, или если онъ не хочетъ порисоваться иностраннымъ произношеніемъ. Напр., наши произношенія *естественныя* (согласныя съ духомъ русскаго языка): *Вúт'т'е, Бýд'д'е, Грáх'е, кар'é* (франц. *carré)*, *фил'é* (франц. *filet)*, *жыл'éтъ, кад'éтъ, кор'н'éтъ* (и *кар'н'éтъ)*, *консом'é, суп'é, клоз'éтъ, крок'éтъ, к'ин'ематóграфъ, г'ен'ет'и́ческій, шос'с'é, кóф'е, Л'óз'е, Фрот'é* и проч. и проч., между тѣмъ какъ произношенія: „гэнэтическій“, „тэма“, „тэзисъ“ и под. будутъ искусственными, приспособленными къ иностранному. Только звуки *ц, ж, ш*, согласно вышесказанному, остаются твердыми даже и въ иностранныхъ словахъ, т. к. *мягкихъ* звуковъ *ц, ж, ш нѣтъ въ распоряженіи русскаго литературнаго произношенія*: *цыфра, цыркъ, цыбикъ, центръ, центральный, Цетинье* и проч.

Изслѣдуя далѣе вопросъ о методѣ извлеченія и опредѣленія звуковыхъ законовъ русскаго языка изъ данныхъ русскаго произношенія,

мы должны установить: 1) *современное намъ* русское произношеніе и его отличіе отъ древняго русскаго произношенія по отношенію къ каждому звуку и въ различныхъ его фонетическихъ положеніяхъ. 2) *Эпоху измѣненія звука* въ томъ или другомъ направленіи и въ той или другой его зависимости отъ условій времени, мѣста (діалекта) и фонетическаго положенія его въ словѣ. 3) *Мы должны исходить изъ фактовъ живого современнаго намъ языка* и при ихъ помощи *возстановлять путемъ сравненія* данныхъ изъ живыхъ *ближайшихъ по родству языковъ съ данными современнаго русскаго языка* въ его нарѣчіяхъ (включая и литературное нарѣчіе) *направленія физіологическаго измѣненія разсматриваемыхъ звуковъ, выдѣляя при этомъ фонетическіе факторы* изъ общей массы факторовъ, между которыми мы встрѣтимъ и психологическіе факторы звуковыхъ измѣненій, *и стараясь опредѣлить звуковой законъ языка въ его чистомъ видѣ*. Такъ, напр., взявши слова: *пукъ, кругъ, другъ, пухъ* современнаго намъ русскаго языка, мы, во-первыхъ, устанавливаемъ звуковое тождество конечныхъ согласныхъ звуковъ *въ трехъ первыхъ словахъ*, въ литературномъ, московскомъ ихъ произношеніи: *пук, крук, друк*; во-вторыхъ, устанавливаемъ звуковое тождество конечныхъ согласныхъ звуковъ *въ трехъ послѣднихъ словахъ*, въ южно-великорусскихъ нарѣчіяхъ, въ діалектическомъ ихъ произношеніи: *крух, друх, пух*; въ-третьихъ, устанавливаемъ *фактъ замѣны задненебныхъ* звуковъ въ концѣ *всѣхъ этихъ четырехъ словъ* при образованіи отъ ихъ основъ именъ существительныхъ уменьшительныхъ (=ласкательныхъ) съ суффиксомъ—*ьк—ек* (см. мою Грамматику рус. яз. Каз. 1914[4]. § 29, стр. 87 и 93) звуками *передненебными* (простыми и составными, аффрикатами, альвеолярными звуками. См. Грам. ib. §§ 16 и 21), такъ что получается: *пучькъ, кружькъ, дружькъ, пушькъ*. Въ-четвертыхъ, устанавливаемъ такіе суффиксы со звукомъ *ь—е (ьк- ек-)* только для *древней* эпохи русскаго языка, и то этотъ суффиксъ въ древнее время болѣе извѣстенъ въ формѣ—*ьц-* (ьць), гдѣ звукъ *ц* изъ *к* получился подъ вліяніемъ *предшествующаго* гласнаго звука передняго ряда *ь*, а, такъ какъ звукъ ц, какъ звукъ, полученный общеславянскимъ языкомъ послѣ прекращенія дѣйствія закона объ измѣненіи *к* въ *ч* изъ *кj* или изъ *к*+гласный передняго ряда, былъ извѣстенъ только въ качествѣ палатальнаго (т. е. *мягкаго), и таковымъ же перешелъ* отсюда и въ языкъ восточно-славянскій, т. е. *въ русскій языкъ*, то суффиксъ—*ьк-*, измѣнившись въ *-ьц-*, повлекъ за собой сочетаніе съ гласнымъ *передняго-же* ряда послѣ звука *ц*, т. е. вызвалъ образованіе суффикса *-ьц-ь*, напр., въ такихъ словахъ, какъ: соучьць — др. рус. при стрсл. сѫчьць (Остр. Ев.) отъ др. р. соукъ (до X-го вѣка—*sąkъ) при стрсл. сѫкъ и под. При этомъ безразлично, будемъ ли мы исходить изъ того, что въ суф. *ьк* такихъ словъ, какъ „пушькъ“ и под. или какъ „соучькъ“,—„соучьць“ и под., звуку *к* пришлось стоять передъ звукомъ j (ь = jъ), или здѣсь и не было звука *j*, во всякомъ случаѣ,—появленіе звука *ц* вм. ожидаемаго *ч* не можетъ быть объяснено фонетическимъ *закономъ*, т. к. эпоха дѣйствія закона объ измѣненіи *к* въ *ч* и проч. передъ

гласными передняго ряда или согласнымъ *j* уже прошла, миновала еще въ *общеславянскій* періодъ жизни всѣхъ слав. языковъ, на что указываютъ звуки *ц, з, с* изъ *к, г, х* въ положеніи послѣднихъ передъ *ē* дифтонгическаго происхожденія (передъ ѣ и его эквивалентомъ ꙗ въ извѣстномъ фонетическомъ положеніи) изъ старыхъ oi, ai: пророцѣ, пророци, рѫцѣ и проч. Срв. современное млр. „жінці“, „руці“; блр. дарóзе('а). Въ-пятыхъ, устанавливаемъ этапы исторіи звука *ц* въ русскомъ языкѣ и изъ сравненія др. р. (и стрсл.) отьць и под. съ болѣе позднимъ (съ XIII-го в.) русскимъ „*отецъ*“ видимъ, что *въ эпоху измѣненія древнихъ гласныхъ неполнаго образованія* относительно качества и количества (долготы) этихъ гласныхъ („ирраціональныхъ“) въ гласные *полнаго* образованія, т. е. въ *о* (изъ *ъ*) и въ *е* (изъ *ь*), *стало быть, къ концу XII-го вѣка*, когда такіе гласные *ъ* и *ь* *въ сильномъ положеніи* (т. е. въ первомъ слогѣ слова подъ удареніемъ и въ слогѣ, за которымъ слѣдовалъ слогъ тоже съ ирраціональнымъ гласнымъ *ъ* или *ь*) переходили въ гласные полнаго образованія *о* и *е*, *согласный* **ц** *былъ еще въ русскомъ языкѣ звукомъ* **мягкимъ**: писецьь— Добр. Ев. 1164 г. (Послѣсловіе) и др., т. к. современныя „*писецъ*“, „*отецъ*“ и под. своимъ звукомъ *е* (а не *'о*) указываютъ на то, что они сохранили свое произношеніе отъ эпохи мягкаго согласнаго *ц* въ русскомъ языкѣ и отъ эпохи „проясненія“ *ъ* и *ь*, т. е. отъ эпохи XII—XIII-го вѣка. И, наконецъ, въ-шестыхъ, устанавливаемъ *фактъ отвердѣнія* звуковъ исконно-мягкихъ *ж, ш* и *ц* послѣ перехода *ъ* въ *о* и *ь* въ *е* въ указанныхъ положеніяхъ, а независимо отъ этого отвердѣнія и гораздо ранѣе его (т. е. ранѣе XIII-го вѣка) мы устанавливаемъ и появленіе звука *'о* вм. стараго звука *е* передняго ряда въ положеніи звука *е передъ твердымъ согласнымъ или слогомъ*. При этомъ надо однако имѣть въ виду, что звукъ *е*, какъ звукъ *передняго* ряда, смягчалъ собою предшествовавшій ему согласный, и это смягченіе, какъ мы выяснили выше, совершилось въ русскомъ языкѣ еще раньше, т. е. *и до появленія* звука *'о* изъ *'е* въ указанномъ фонетическомъ положеніи, *и до перехода* *ъ* въ *о* и *ь* въ *е*, *и до отвердѣнія* исконно-мягкихъ звуковъ *ж, ш* и *ц*. Намѣтивъ эту послѣдовательность эпохъ, мы имѣемъ въ виду слѣдующіе факты: срв. малорусскія: чому́, чоловік, лядáщому (по преимуществу послѣ ж, ч, ш, щ) и сѣв.-великорусскія: ч'оло́, с'оло́, в'оду́, н'осу́, сл'о́зы и проч., но и млр. и свр. *е* передъ слѣдующими мягкими звуками: нэси́ть, бэри́ть; веди́, челе́ и проч. Въ южновеликорусскомъ нарѣчіи присоединилось къ этому условіе *ударяемости* такого звука *е*: *н'ос, с'óла, в'ол, пл'óтка*, но: *пл'éть* или *пл'ету́* и проч. Въ бѣлорусскомъ—такъ же, какъ въ южновеликорусскомъ и въ русскомъ литературномъ языкѣ. Обильное количество данныхъ изъ др. р. памятниковъ письменности *всѣхъ русскихъ областей*, начиная съ XII—XIII в., приведено ак. А. И. Соболевскимъ въ его „Лекціяхъ по исторіи р. языка“. (М. 1907 г. Изд. 4-е. Стр. 59—67). Сопоставляя данныя др. р. языка съ данными современныхъ намъ русскихъ нарѣчій, мы можемъ заключить о слѣдующемъ: 1) Въ эпоху до распаденія русскаго языка на нарѣчія, т. е. въ эпоху относитель-

наго (см. ниже) единства всего русскаго языка на всей площади поселенія восточной отрасли славянства (включая сюда и собственно Русь, древнюю Кіевскую область съ населеніемъ полянъ), согласные полумягкіе звуки въ положеніи ихъ передъ гласнымъ *е* становились смягченными, сдѣлались мягкими: с'ело́, с'е́лъ и проч. (Не забудемъ, что согласные: *ж*, *ч*, *ш*, *з*, *ц*, *с*, были получены еще изъ общеславянской эпохи праязыкомъ общерусскимъ уже смягченными, возникши тамъ еще изъ сочетаній задненебныхъ согласныхъ разнаго происхожденія съ слѣдующимъ гласнымъ передняго ряда или согласнымъ j. Далѣе, что самъ согласный средне-небный j былъ также исконно-мягкимъ. Кромѣ того, согласные *р*, *л*, *н* въ извѣстномъ положеніи были получены общерусскимъ праязыкомъ тоже въ смягченномъ видѣ. См. Лекціи по исторіи русскаго языка). 2) Послѣ исконно-мягкихъ и смягченныхъ согласныхъ самъ звукъ *е* въ эту же эпоху сталъ приближаться къ звуку *о*, въ положеніи *передъ твердымъ* согласнымъ или слогомъ, оставляя передъ собой *мягкій* согласный разнаго происхожденія и разной древности, черезъ цѣлый рядъ промежуточныхъ звуковыхъ звеньевъ. Такъ возникли звуки *'ö* изъ *е*, въ положеніи этого *е* передъ твердымъ согласнымъ или слогомъ, независимо отъ положенія звука *е* относительно ударенія. Напр., n'ösú, žönά, čöło, t'ökú и под. 3) Судьбу этого звука *е* въ означенномъ выше фонетическомъ положеніи раздѣлилъ и старый звукъ *ь*, прояснившійся къ XII-му вѣку въ опредѣленныхъ фонетическихъ положеніяхъ (см. выше) въ звукъ *е*. 4) Старый звукъ *ē* (ѣ), напротивъ того, не раздѣлялъ судьбы звука *е* различнаго происхожденія, находясь въ положеніи передъ твердымъ согласнымъ или слогомъ. Новый же ѣ (=*ē*), появившійся только къ концу XII-го вѣка, и то діалектически, въ южнорусскомъ нарѣчіи, послѣ исчезновенія *ъ* и *ь* въ слабомъ положеніи и перехода ихъ въ *ō* и *ē* въ сильномъ положеніи, взамѣнъ утраты слоговъ со слабыми *ъ* и *ь*, раздѣлялъ одно время судьбу стараго звука *ē* (ѣ), но въ эту же эпоху (XII—XIII в.) распался на дифтонгическое сочетаніе звуковъ гласныхъ различной артикуляціи и въ такомъ видѣ дифтонга или дифтонгическаго сочетанія сохранился и донынѣ въ различныхъ говорахъ южнорусскаго (малорусскаго, украинскаго) языка. Въ сѣверно-же русскомъ нарѣчіи долгота гласныхъ вообще была утрачена, а потому и та долгота гласныхъ, которая образовалась вторично, т. е. послѣ паденія гласныхъ *ъ* и *ь* въ слабомъ положеніи во *всемъ* русскомъ языкѣ, здѣсь (въ средне-русскомъ и сѣверно-русскомъ нарѣчіяхъ) сократилась и исчезла, почему ѣ въ произношеніи слилось съ *е*, но сохранило слѣды своего происхожденія изъ *ē* въ положеніи передъ твердымъ согласнымъ или слогомъ независимо отъ положенія его относительно ударенія. Напр., въ московск. говорѣ мы имѣемъ: пл'о́тка, но: кл'е́тка; м'о́л, но: м'е́л и под. И въ сѣв.-влкр.: в'оду́, н'осу́.., в'о́л, н'о́с.., но: jезда́, jеда́, ...jел, п'е́л и др. Сѣв.-влкр.: н'омо́й, с'л'опо́й и под. (Вологод., Вят., Казан.. Костром...)—явленія уже позднѣйшей *аналогіи*, повлекшей за собой здѣсь и такія образованія, какъ: подjо́дываютъ (=подъѣдаютъ) и др. под. 5) Русскіе говоры донынѣ ярко свидѣтельствуютъ объ

тихъ всѣхъ звуковыхъ измѣненіяхъ и отражаютъ историческую судьбу звука *е* разнаго происхожденія въ русскомъ языкѣ. 6) Природа русскаго ударенія съ теченіемъ времени (къ XIV-му вѣку?) стала *діалектически* видоизмѣняться, уступая элементу силы выдыханія все бо̀льшее значеніе, въ связи съ чѣмъ нарушались старыя музыкальныя качества и особенности ударенія, и появлялись редуцированныя гласныя въ неударяемыхъ слогахъ. На почвѣ этихъ новыхъ особенностей въ средне-русскихъ говорахъ образовались южновеликорусско-бѣлорусскіе говоры съ ихъ *аканьемъ и ослабленіемъ неударяемыхъ гласныхъ*. 7) Новый характеръ русскаго ударенія въ этой области связалъ здѣсь звукъ *о* изъ *е* послѣ мягкаго согласнаго передъ твердымъ съ ударяемостью такого звука *о*. Вотъ данныя: общерус. н'ébо, с'ело́, jего́—н'о́бо, с'о̀ло́, jо̀го́—н'о́бо, с'оло́, jого́, с'л'оза́ и с'л'о́зы. Но: нѣмъ, сѣлъ... плéть... клéть. Ювр.-блр.: пл'ол, пл'отка, но: клѣтка, клѣть, плеть; м'ол, но: мѣл; шол, но: щель и проч. Срв. еще: сéмь, но: самъ—*с'о́м*. Срв. м'о́ду, но: ѐду; с'о́ла, но: сѣла; ювр.-литер.: с'е'ло́, но свр. и млр.: 'оло́, ч'оло́, ч'ого́ и ч'оꙗ́ и пр. Изъ всѣхъ этихъ и подобныхъ примѣровъ мы видимъ, что *данныя современнаго живого русскаго языка въ его говорахъ служатъ отправными пунктами при изслѣдованіи судебъ языка, т. е. при построеніи исторіи языка* (вообще, и въ частности—языка русскаго).

Такимъ образомъ, указанные выше выводы изъ *сравнительнаго* изученія звуковыхъ особенностей живыхъ русскихъ нарѣчій устанавливаютъ *основной методологическій принципъ языкознанія*, требующій отъ насъ, *чтобы мы исходили изъ фактовъ современныхъ намъ живыхъ нарѣчій и принимали ихъ за базу, за основу дальнѣйшихъ нашихъ выводовъ и заключеній*. Однако при такомъ методѣ сравненія, хотя бы и при нашемъ вниманіи къ физіологическимъ процессамъ, обусловившимъ измѣненіе звука въ томъ или другомъ направленіи, мы въ лучшемъ случаѣ доходимъ до признанія общности процессовъ, приведшихъ различныя нарѣчія русскаго языка къ однообразнымъ результатамъ, но вопросъ о томъ, въ какихъ условіяхъ и въ какое время жизни русскаго языка эти процессы стали *общими*, остался не выясненнымъ нами: предполагаютъ-ли собой такіе процессы *заимствованіе* изъ одного нарѣчія въ другое *уже въ то время, когда эти нарѣчія жили обособленной жизнью*, и уже не было относительнаго единства всего русскаго языка, или же эти процессы свидѣтельствуютъ *о вынесенныхъ изъ общей совмѣстной жизни всѣхъ русскихъ племенъ на новыя мѣста поселеній этихъ племенъ особенностей ихъ общаго* говора, *ихъ общерусскаго праязыка*, до образованія и обособленія позднѣйшихъ нарѣчій въ той ихъ формѣ, въ которую вылились каждое изъ этихъ нарѣчій въ періодъ особой ихъ жизни со всѣми отличіями послѣдней. Мы выше намѣтили цѣлый рядъ явленій въ судьбѣ согласныхъ и звука *е* (*ĕ*, *ē*, ь), которыя должны быть отнесены къ эпохѣ до распаденія и до образованія отдѣльныхъ нарѣчій русскаго языка (смягченіе согласныхъ предъ всѣми этими гласными, различіе звуковъ *ĕ* и *ē*, особое существованіе звука ь, палатальность согласныхъ *ź*, *ć*, *ś*, *z'*, *c'*,

s', *j*, *r'*. *l'*, *n'*), но другія явленія, указанныя нами, связаны уже съ опредѣленными *историческими* (въ узкомъ смыслѣ этого слова, т. е. съ эпохами письменности русскаго народа) эпохами, послѣ образованія и обособленія нарѣчій русскаго языка въ новыхъ мѣстахъ ихъ жизни.

И въ этомъ вопросѣ надо имѣть въ виду, что точность и достовѣрность нашихъ рѣшеній и выводовъ будетъ зависѣть отъ совокупности всѣхъ данныхъ, которыя мы *должны* принимать въ расчетъ. Слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ *методологія* научнаго языкознанія должна своими указаніями руководить нашими заключеніями и выводами. Именно, въ данномъ случаѣ передъ нами *выступаетъ уже не одно сравненіе* діалектическихъ особенностей русскаго языка, *но и исторія, т. е. письменные памятники русскаго языка.* А если такъ, то мы должны къ сравнительному методу присоединить еще и указанія письменныхъ памятниковъ. Но письменныя свидѣтельства языка въ глазахъ языковѣда имѣютъ значеніе совсѣмъ не такое, какъ въ глазахъ историка историческіе документы: языковѣдъ долженъ считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что *наша письменность получила уже готовую систему графическихъ изображеній фактовъ языка*, систему, приспособленную для выраженія звуковыхъ сочетаній др. болгарскаго языка и народа; слѣдовательно, при всѣхъ особенностяхъ графики вообще, наша графика первыхъ вѣковъ имѣетъ еще и ту особенность, что она до поры до времени даже и не пыталась передавать *русское* произношеніе, предоставляя самимъ читателямъ *произносить по-русски* болгарскую книгу. Съ теченіемъ времени однако русское произношеніе стало уже умышленно передаваться при перепискѣ на Руси др. болгарскихъ книгъ, пока наконецъ не образовался своего рода компромиссъ между болгарской и русской системой, но всетаки на фонѣ болгарскихъ графическихъ пріемовъ. Все это историческое прошлое чрезвычайно осложняетъ дѣло изслѣдованія русскаго языковѣда; но, съ другой стороны, для русскаго языковѣда чрезвычайно выгодными являются *невольныя описки* книжныхъ списателей русскаго происхожденія, выдающія собой особенности русскаго произношенія, которыя и нынѣ извѣстны русскому языку и неизвѣстны болгарскому, и которыя инымъ путемъ возстанавливаются методомъ сравненія и безъ свидѣтельства письменныхъ памятниковъ. Такъ, напр., ж вм. жд въ памятникѣ письма XI в. несомнѣнно свидѣтельствуетъ объ особенности русскаго языка, принадлежащей эпохѣ до распаденія, т. е. объ эпохѣ общерусскаго праязыка, если эта особенность извѣстна *во всѣхъ русскихъ памятникахъ этого* вѣка, хотя къ XI-му вѣку и образовались уже діалектическія особенности русскаго языка въ разныхъ территоріяхъ русскаго поселенія независимо другъ отъ друга, т. е. хотя къ XI-му вѣку мы должны отнести фактъ обнаружившейся обособленной жизни различныхъ русскихъ племенъ—нарѣчій. (Мы принимаемъ эпоху распаденія общеславянскаго праязыка съ III—IV в. по Р. Х., эпоху общерусскаго праязыка въ періодъ съ V по IX-й вѣкъ по Р. Х., жизнь отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій скла-

дывается въ періодъ отъ X-го вѣка, и процессъ обособленія ихъ заканчивается къ XII-му вѣку). (См. мои Лекціи по исторіи русскаго языка. Каз. 1914². Стр. 184—185. Тамъ же и литература вопроса. См. также: Шахматовъ: „Введеніе въ курсъ исторіи русскаго языка". Ч. I. Изд. Студ. Изд. К-та. Петроградъ. 1916 г.). Тѣ основанія, которыми мы руководимся, признавая ж вм. жд въ памятникахъ русской письменности XI-го вѣка *унаслѣдованной* особенностью русскаго языка отъ эпохи *доисторической, дописьменной* (отъ періода V—IX в.), суть слѣдующія: 1) всѣ русскіе языки имѣютъ эту особенность въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ славянскихъ языковъ, имѣющихъ изъ *dj* другіе звуки, а не звукъ ж и 2) графически ж отъ жд настолько отличается, что эта особенность русской графики ни о чемъ другомъ свидѣльствовать не можетъ, кромѣ какъ *о русскомъ произношеніи* ж изъ *dj*. 3) *Всѣ письменные памятники русскаго языка, какъ кіевскіе, такъ и новгородскіе, имѣютъ уже въ XI-мъ вѣкѣ* ж изъ *dj*. Стало быть, въ данномъ случаѣ результаты сравнительнаго метода находятъ себѣ опору еще въ исторической письменности, т. е. сравнительный методъ становится въ то же время и историческимъ, исторически-достовѣрнымъ, или историчнымъ. Напр., въ Арх. Ев. 1092 г. имѣемъ: осоужєнии кєи. Или: тружьєм — л. 1, дажь —ib., да ни жажю—л. 1 об., прихожю—ib., вижю —л. 2 и 9, прѣже—л. 4 об., л. 95; хожьше—ib., ѿ рожьства — л. 8, роженоу —л. 10, не служю кємоу—л. 13., 88 об., межю собою—л. 19, вижь, повѣжь—л. 28, дѣло стражеть—л. 37 об. Срв. л. 30; л. 47 об.; имамъ служю—л. 62; осоужєнше—л. 70; по чюжемь—л. 163 об.; и мн. др. (Пользуюсь юбилейнымъ изданіемъ Моск. Рум. Музея 1912 года). Это—южнорусскій памятникъ. Въ другихъ памятникахъ (сѣверноруссскихъ и западнорусскихъ) мы имѣемъ то же: прѣже, прєже, межю, рожьство и др.— въ О. Е. 1056—1057 г., въ Смолен. договорѣ 1229 г. и въ другихъ. Такимъ образомъ, эта черта является не позднѣйшимъ заимствованіемъ въ русскій языкъ изъ не русскаго языка и не перенесенною изъ одного русскаго нарѣчія въ другое, но *исконною* особенностью русскаго праязыка во всемъ составѣ этого послѣдняго, распространившеюся вмѣстѣ съ русскими племенами въ мѣста ихъ новыхъ разселеній и оставшеюся въ нарѣчіяхъ русскаго языка, какъ наслѣдіе отъ эпохи единства этого языка.

Подобнымъ образомъ, путемъ сравненія нарѣчій русскаго языка другъ съ другомъ и обращаясь при этомъ къ памятникамъ древнерусской письменности, мы установимъ характерныя черты того звукового и формальнаго (морфологическаго) облика, которымъ русскій языкъ при началѣ своей жизни, отдѣльной отъ прочихъ родственниковъ своихъ—славянскихъ языковъ, отличался, какъ особый, хотя и близко родственный, языкъ. Это—эпоха прарусскаго единства, или эпоха общерусскаго праязыка. Нетрудно послѣ сказаннаго доказать, что эта эпоха отдѣляла предшествующую ей эпоху, т. е. эпоху общеславянскаго праязыка, отъ эпохи обособленія русскихъ нарѣчій другъ отъ друга, т. е. эпохи *послѣ распаденія* русскаго языка на нарѣчія съ *діалектическими* особенностями каждаго изъ нихъ.

Такимъ методомъ историческаго сравненія данныхъ современныхъ живыхъ нарѣчій русскаго языка и данныхъ изъ *древне-русской* письменности XI—XII вѣковъ мы устанавливаемъ, кромѣ *ж* изъ *dj*, въ звуковомъ составѣ общерусскаго праязыка слѣдующія отличія: *ч* изъ *tj*: Арх. Ев. 1092 г.: хочю—л. 95 об., хочеши—л. 93, л. 100 об., хочете—л. 104, л. 117, по чюжемь—л. 163 об., скрьжьчеть—л. 81 об. и др. Далѣе: *цв* и *зв* изъ kv и gv передъ ѣ (и въ концѣ слова—передъ *i*): напр., звѣздѫ—О. Ев. 1056—1057 г. (Новгор.)—*Д. Н. Ушаковъ*. Для просеминарія по рус. языку. М. 1914. Стр. 4 и др. Далѣе: *бл, пл, вл, мл* изъ *bj, pj, vj, mj*: Арх. Ев. л. 6: крѣпльи мене; л. 7 об.: ославленъı; на земли—л. 12 об.; и др. О. Е.: земле—*Ушаковъ*. ib. 4; въ землѫ, землю—ib. 5; ославленъ—ib. 6. Грамота кн. Мстислава 1128—1132 г.: землю—ib. 6; Добр. Ев. 1164 г.: ославленъıи—ib. 7; оставлѧти—ib. 7; Смолен. Гр. 1229 г.: земли—ib. 10 и мн. др. Далѣе: носовые гласные ǫ и ę перешли здѣсь въ *у* и *а*: въ землю—О. Е. ib. 5; исцѣлю—ib. 6 и др. Въ Арх. Ев. 1092 г.: сѣли—л. 3; прихожю—л. 1 об.; вѣша—л. 104 и мн. др. Въ Добрил. Ев. 1164 г.: вѣша—*Ушаковъ*. ib. 7; слъıшаша—ib.; приведоша—ib.; помъıслиахоу—ib., злоу рѣчь вин. ед.—ib.; роукоу — вин. ед. — ib.; соуть—ib. и мн. др. Далѣе: носовое ѣ перешло въ неносовое ѣ: О. Е.: недѣлѣ род. ед., каплѣ—вин. мн.; Арх. Ев.: недѣлѣ—род. ед. л.л. 86 об., 88 об., три лѣ̃ѣ—л. 126 об.; времѧ павлышеесѧ звѣздъı—л. 145 и другія ѣ неносовыя во флексіяхъ вин. мн. м. р. мягкихъ основъ и въ им.—вин. мн. ч. жен. р. мягкихъ основъ, а равно въ род. ед. именъ ж. р. тоже мягкихъ основъ на -*jo, -*ja.

Далѣе: *л* изъ dl и tl: молиша и давъı прѣшьлъ—Арх. Ев. л. 31 об. и мн. др. Далѣе: *ч* изъ kt и gt: Арх. Ев. наречисѧ—л. 72 об., въздлечи—ib. л. 4 об. и др.

Далѣе: *полногласіе* изъ *or, oł, er, eł* между согласными въ корнѣ словъ: Арх. Ев. беремѧ—л. 139 об., жеребиѧ—л. 110 об., оумерети—inf.—л. 95; О. Е. городѣ (Послѣсловіе) и др.

Далѣе: звуки *е* и *ь* въ положеніи ихъ передъ *л* въ концѣ слога перешли въ звуки *о* и *ъ*, такъ что въ концѣ слога получились *ол* и *ъл*: *молко, *вълкъ изъ *melko, *vьlkъ. (Нынѣ: молоко, волкъ). Далѣе: начальныя or, oł въ словѣ перешли въ *ро, ло*: робъ, розбой, лодиа (роботѫть—Рус. Правда по сп. 1282 г.). лодью—ib., ровоу—ib. и друг. (ib. *Дурново*. Хрест. по ист. р. яз. М. 1914. Стр. 26 и сл.). Далѣе: начальное *je* въ словѣ перешло въ *о* при условіи звуковъ *е* и *і* въ слѣдующемъ слогѣ слова: озеро, одинъ и др. (Рус. Пр. 1282 г.). Далѣе: согласные передъ гласными передняго ряда (въ особенности передъ ę) смягчились: сѧ, сядеши и др.

Мы убѣдились, что, возстановляя факты давно прошедшаго времени и строя по даннымъ современныхъ русскихъ нарѣчій въ связи съ указаніями древнихъ русскихъ памятниковъ письменности отправные языковые типы для эпохъ общерусскаго и общеславянскаго праязыковъ, мы слѣдовали *индуктивному* методу. Провѣряя же наши реконструкціи и построенія на данныхъ современнаго русскаго языка въ его нарѣчіяхъ и на данныхъ древней русской пись-

менности, мы примѣняли *дедукцію*. И такое сочетаніе индукціи съ дедукціей оправдывается самой сущностью науки о языкѣ; этого сочетанія требуетъ *методологія научнаго языкознанія*.

Такъ, напр., общеславянское *dux̯ъ (болг., серб., рус., польск., чешск.) соотвѣтствуетъ литовскому daũsos—dausás, откуда мы заключаемъ, во-первыхъ, что общеславянскій языкъ не вынесъ изъ предшествующей ему эпохи (балтійско-славянской. См. *Шахматовъ*. Введеніе въ курсъ исторіи р. яз. Ч. I. Птг. 1916 г. Стр. 26—27) дифтонга *au*, а измѣнилъ его въ монофтонгъ *u* (срв. также тоуръ—лат. taurus); это *u* перешло такимъ же во весь русскій языкъ (срв. влкр., млр., блр.—„духъ"). Во-вторыхъ, что общеславянскій языкъ (т. е. общесл. праязыкъ) не вынесъ изъ болѣе ранней эпохи звука s въ положеніи его послѣ звука *u*, а измѣнилъ его въ звукъ x̯. Новѣйшій трудъ, посвященный этому вопросу, принадлежитъ проф. *Г. А. Ильинскому*: „Звукъ *ch* въ славянскихъ языкахъ". (Изв. Отд. рус. яз. и слов. Академіи Наукъ. 1915 г. Т. XX, кн. 3 и 4). Слав. *ch* можетъ имѣть однимъ изъ своихъ источниковъ индоевроп. *kh*. Въ-третьихъ, мы видимъ, что судьба этого звука общеславянскаго праязыка x̯ была такою же, какъ и судьба другихъ двухъ задненебныхъ звуковъ *k* и *g*, т. е. они всѣ (k, g, x̯) переходили здѣсь въ переднебные, альвеолярные шипящіе: č, ǧ, š передъ гласными передняго ряда и передъ j: пророче, боже, доуше; точа, остежа, доуша и под. А передъ гласнымъ ѣ и и (дифтонгическаго происхожденія, и послѣднее—въ концѣ слова) въ передне-небные зазубные свистящіе: ц, з, с: пророцѣ—пророци, бозѣ—бози, доусѣ—доуси. Всѣ эти измѣненія согласныхъ k, g, x̯ произошли въ общеславянскомъ праязыкѣ, какъ можно заключать изъ того, что во всѣхъ слав. языкахъ эти измѣненія одинаковы: срв. стрсл. чрѣвь, рус. червь, болг. чрѣвиј, серб. црв (чрв), чш. červ, польск. czerwiec (съ другимъ значеніемъ нынѣ); но въ предшествующую эпоху здѣсь было *k*: лит. kirmis. Или: стрсл. цѣна, рус. цѣна, болг. цѣна, серб. цена, чш. cena, польск. cena; однако лит. kaina, греч. ποινή и т. д. Общерусскій праязыкъ унаслѣдовалъ отъ общеславянскаго праязыка всѣ эти виды измѣненій k, g, x̯ въ такой же формѣ. Въ-четвертыхъ, нынѣ лишь въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ русскаго ззыка (въ млр. и блр.) сохранилось старое измѣненіе звуковъ *k*, *g*, *x* послѣ распаденія русскаго языка на нарѣчія и отдѣльной жизни каждаго изъ нихъ: срв. влкр. рукѣ, ногѣ, духѣ, руки, ноги, духи; въ млр. ў руці, блр. при ў дарозѣ(я), но въ пѣснѣ осталось и въ влкр. „во лузяхъ" (въ лоузѣхъ).

Отсюда мы заключаемъ, что современные русскіе: рукѣ, ногѣ, духѣ, боги, книги, сохи и под. суть *не фонетическія явленія*, т. е. образовались *не по требованію звуковыхъ законовъ*, а въ силу другихъ какихъ-либо *законовъ, дѣйствующихъ въ языкѣ; это приводитъ насъ къ вопросу объ образованіяхъ по аналогіи*. Въ самомъ дѣлѣ, если мы въ современномъ русскомъ языкѣ слышимъ и говоримъ: „съ семьёю", „скамьёю", „свиньёю", судьёю", „колеёю", „госпожёю", „горшочек" и под., то ясно *на основаніи предыдущаго*, что ударяемое *о* во всѣхъ

этихъ словахъ образовалось изъ стараго *е*, хотя это старое *е* въ этихъ словахъ—разной древности: въ словахъ типа „госпожá“, „душá“, „овцá“ появленіе звука *о* изъ *е* въ окончаніи *ою* связано съ отвердѣніемъ звуковъ *ж, ш, ц* (см. выше), вслѣдствіе котораго слова этого типа вообще во всѣхъ падежахъ перешли въ *твердое* склоненіе, и окончанія падежей: „госпожи́“, „госпожѣ́“, „души́“, „душѣ́“ не надо принимать за фонетическое явленіе, за выраженіе мягкихъ основъ: это просто—*явленія графики, орѳографіи.* Срв. „овцы́“ и под. (см. выше). Явленія же: „семьёю“, „горшóчекъ“ и под.—другого порядка: здѣсь—не графика, а *произношеніе*, появившееся въ болѣе позднее время по ассоціаціи въ нашемъ сознаніи съ такими формами, какъ: „водóю“ и под., „горшóкъ“ и под. Но старое русское *е* могло дать *о лишь только передъ твердымъ согласнымъ или слогомъ* (припомнимъ: пл'отка, но пл'еть; д'он, но д'ень и проч.). Стало быть, *о* въ этихъ словахъ образовалось не согласно съ этимъ закономъ. Всматриваясь въ причину этого страннаго на первый взглядъ измѣненія, мы видимъ, что при семьёю и проч. выше мы видимъ также законныя: дугóю, сохóю, удóю, водóю и под., тогда понимаемъ, что по примѣру этихъ и подобныхъ законныхъ образованій могли образоваться и „семьёю“, а послѣ отвердѣнія ж, ш, ц (къ XIV-му вѣку) образовались „ою“ и въ такихъ, какъ: „госпожóю“, „душóю“, овцóю“ по образцу, по примѣру съ такими какъ: „водóю“, „дугóю“, „плитóю“; а—„горшóчекъ“ и под.—по примѣру „горшóкъ“, „вершóкъ“, „мѣшóкъ“ и проч. под Значитъ, въ языкѣ былъ силенъ также и *примѣръ, образецъ*! Какъ получилъ въ языкѣ примѣръ свою силу, законодательную силу, при извѣстныхъ условіяхъ? Этотъ вопросъ выводитъ уже насъ изъ области фонетики, т. к. это—*вопросъ распространенія въ языкѣ даннаго зародившагося въ немъ явленія.* Мы хорошо понимаемъ, что такой вопросъ—вопросъ заразительности даннаго явленія, вопросъ психической воспріимчивости говорящихъ и слушающихъ людей и вопросъ слуховыхъ воспріятій и развитія привычекъ къ извѣстнымъ артикуляціоннымъ движеніямъ органовъ рѣчи. Словомъ, здѣсь языковѣдъ входитъ въ область *психологическихъ процессовъ рѣчи.*

Отдѣлъ психологіи рѣчи.

Методологически чрезвычайно важно отдѣлять психическіе факторы языковыхъ образованій отъ фонетическихъ (и физіологическихъ) факторовъ въ жизни языка. Пояснимъ важность этого вопроса примѣрами: при произношеніяхъ „мѣшóчекъ“, „горшòчекъ“, „кружòчекъ“, „кул'òчекъ“, „кон'òчекъ“, „хор'òчекъ“, „гус'òчекъ“, „от'òчекъ“, „крюч'òчекъ“, „борщ'òчекъ“ и под. мы въ діалектахъ русскаго языка слышимъ и произношенія: „мѣшéчекъ“, „горшéчекъ“, „кружéчекъ“, „кулéчекъ“, „крючéчекъ“ и т. п. Слѣдовательно, мы отмѣчаемъ варьянты произношеній, и эти варьянты, надо замѣтить, служатъ не только

принадлежностью одного какого-либо діалекта (сѣв.-влкр.), сопровождая собою рѣчь каждаго члена данной діалектической группы, нѣтъ, напротивъ,—эти и подобные варьянты нерѣдко уживаются въ рѣчи одного и того же лица рядомъ другъ съ другомъ, примѣрно такъ: одинъ разъ данное лицо скажетъ: „мѣшéчекъ“, „кулéчекъ“, а другой разъ *это же лицо* говоритъ: „кул'óчекъ“. (Это—фактъ, личное мое наблюденіе надъ лицомъ по говору и происхожденію—изъ деревни Костром. губ., Кинешем. у., лицо неграмотное, женщина, не выѣзжавшая надолго изъ своей деревни ни разу!). Такимъ образомъ, въ подобнаго рода явленіяхъ мы наблюдаемъ одну характерную особенность, которой мы *не найдемъ* въ такихъ явленіяхъ, какъ: шол, м'ол, в'ол, пл'ол и проч. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ мы наблюдаемъ (діалектически) либо *поголовное* произношеніе съ *е*, либо *поголозное* *'о* (но послѣ ш, конечно: „шел“ и „шол“—безъ смягченія *ш*); равнымъ образомъ въ глагольныхъ формахъ: либо поголовное: вазьм'óш, вазьм'óт, вазьм'óм, вазьм'óте, (Москва); либо: вазьмéш, вазьмéть, вазьмéм, вазьмéте (Ряз., южн., Скоп.); либо: вазьмéть, но: вазьм'óм, вазьм'óш (Тул. Богородиц., с. Непрядево; барскіе крестьяне: „вазьм'óть, какъ и въ Ряз. губерніи. Тул. Новосил.—„казаки“). То же самое: ид'óт, ид'óть, идéть... ид'óте, ид'éте... и под.

Анализируя эти явленія, мы припоминаемъ установленный нами выше *фонетическій законъ исконно-русскаго происхожденія* (см. выше) объ измѣненіи *е* въ *'о* въ положеніи передъ твердымъ согласнымъ или слогомъ. При анализѣ мы замѣчаемъ, что въ 3 л. ед. ч. при окончаніи—т' (*ть*) и во 2 л. мн. ч. при окончаніи—*те* на лицо *не имѣется* тѣхъ условій, при которыхъ *е* должно перейти въ *'о*, стало быть, въ южно-рязан. говорѣ формы „вазьмéть“, „вазьмéте“ образовались законно, а формы: „вазьмéш“ (ш отвердѣло еще въ XIII в. Въ Грамотѣ ок. 1300 г. мы имѣемъ: слышишь и др.), вазьмéм образовались не фонетически, „не законно“. Наоборотъ, при окончаніи 3 л. ед. ч.—*т* (*-тъ*) всѣ формы, кромѣ формы 2 л. мн. ч.—вазьм'óте—образовались законно, а эта послѣдняя форма *втянута* въ общую систему спряженія настоящаго (будущаго) времени лишь *дружнымъ примѣромъ* формъ прочихъ лицъ. (Срв. въ Записи Ряз. Кормчей 1284 г. чтѣте; въ Записи на крестѣ кн. Евфросиніи 1161 г.: изнесѣть; въ Добрил. Ев. 1164 г. възьмѣть, придѣть—Бусл. И. Х. Стр. 60; въ Сборникѣ житій ок. 1250 г.: придѣть, начьнѣть и др. Въ Псков. Ев. 1279 г. придѣть и др. (*Срезневскій*. Др. пам. р. п. и языка). И мн. друг.

Словомъ, видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, что въ языкѣ замѣчается *приведеніе различныхъ формъ одного и того же слова къ однообразному звуковому ихъ виду*. Такимъ образомъ, нѣкогда различныя по звуковому виду, формы съ теченіемъ времени получили *однообразный звуковой видъ вопреки фонетическимъ законамъ*. Если однако однообразный звуковой видъ нѣкогда разнообразныхъ по звукамъ формъ одного и того же слова извѣстенъ въ произношеніи самыхъ разнообразныхъ лицъ и въ совершенно различныхъ мѣстностяхъ и въ

различное время, то, стало быть, можно заключать, что имѣются *гдѣ-то въ условіяхъ образованія звуковой человѣческой рѣчи такія общія причины, которыя приводятъ и къ одинаковымъ результатамъ*. Эти общія причины однако не могутъ крыться ни въ особенностяхъ укладовъ органовъ рѣчи, ни въ особенностяхъ самихъ звуковъ при ихъ сочетаніи другъ съ другомъ, т. к. мы тогда имѣли бы проявленіе фонетическаго явленія и закона. Слѣдовательно, эти общія причины надо искать не во внѣшней, звуковой, матеріальной сторонѣ языка, а во *внутренней, психической сторонѣ рѣчи*. Извѣстно, вѣдь, вліяніе психики на рѣчь: раздраженіе, волненіе, робость и проч. душевныя состоянія отражаются на рѣчи: на ея тонѣ, высотѣ, логическихъ удареніяхъ и даже на темпѣ рѣчи (на скорости говора), равно какъ и на участіи голоса. Вотъ почему драматическіе артисты и чтецы могутъ передавать душевное настроеніе героевъ пьесы въ своихъ монологахъ и разговорахъ, смотря по ходу самой пьесы и по ея содержанію, которымъ истинные артисты и должны заражаться: пьеса будетъ изображена хорошо только тогда, когда она въ лицахъ вызываетъ впечатлѣнія дѣйствительности и натуральности. Извѣстенъ, напр., анекдотъ о томъ, какъ одинъ смотритель училища, испуганный пріѣздомъ ревизора и его внезапнымъ вопросомъ: „отчего здѣсь угаръ"?, желая отвѣтить: „печка лопнула!", съ испуга сказалъ: „лечка попнула", и, желая поправиться, при вторичномъ грозномъ вопросѣ начальника, сказалъ: „попка лечнула"... Такъ могутъ получаться съ теченіемъ времени не существующія въ языкѣ слова: срв. пресловутыя: „заячь" и „миловцы" вм. „заячьими ловцы" и под. Такъ могутъ при образованіи формъ языка вліять примѣры и вовлекать въ сферу своего вліянія и новые обороты: одинъ ребенокъ сказалъ: „сабака гладѣтъ кость", а другой его поправилъ: „сабака гладаетъ кость" вм. „гложетъ". Очевидно, по примѣру наличнаго запаса словъ: страдать—страдаетъ; кидать—кидаетъ; отпадать—отпадаетъ и под. Или: кладётъ, отпадётъ, крадётъ и проч. Или: отпадётъ при отпадать; пропадётъ при пропадать и проч. Одинъ ребенокъ сказалъ: „я съѣду одну котлету" вм. „съѣмъ": срв. „съѣдаю", „ѣда", „съѣдалъ", „заѣдать" и проч.

Принимая же во вниманіе, что во всѣхъ подобныхъ примѣрахъ мы видимъ *притяженіе къ себѣ со стороны однѣхъ формъ другихъ и вовлеченіе въ извѣстные уже и привычные процессы и новыхъ элементовъ рѣчи*, мы догадываемся, что здѣсь вездѣ рычагомъ новыхъ языковыхъ образованій служитъ *законъ ассоціаціи*, осуществляющій въ нашемъ сознаніи *процессъ сочетаній и разложеній* различныхъ величинъ (такъ сказать), различныхъ элементовъ нашей рѣчи. Сочетанія же и разложенія происходятъ по какому-либо общему или единичному признаку: такъ, по общему признаку „*ы*" образуется въ языкѣ категорія множественности отъ именъ сущ. м. р. и проч. Такъ получается въ языкѣ столкновеніе двухъ категорій законовъ: звуковыхъ (физическихъ) и психическихъ, т. е. борьба за превосходство въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ одного закона надъ другимъ, закона языка

и закона жизни сознанія: фонетики и аналогіи. Теперь возьму примѣръ изъ исторіи русскаго языка. Мы имѣемъ въ языкѣ мѣстоименіе *„весь“* (др. р. вьсь). При сравненіи съ лит. visas мы отмѣчаемъ въ послѣднемъ звукъ s вмѣсто ожидаемаго š въ виду указанія др. русскаго вхоу (вхоу же тоу землю... въдале... Вкладная 1192 г.), которое предполагаетъ, что слово вьсь образовалось изъ болѣе древняго вьхъ, а въ такомъ случаѣ звукъ *x* изъ *s* на славянской почвѣ возникъ въ положеніи послѣ звуковъ типа *i, u*, а также послѣ *r, к* передъ гласными: срв. др. р. вьрхъ, стрсл. вьрьхъ, болг. врът, серб. врх, чш. vrch, польск. wierzch при литовскомъ однако viršus и латыш. virsus, др.-инд. varšījās. Стало быть, ясно, что χ слова *вьχъ образовалось изъ болѣе древняго s въ положеніи его послѣ ь передъ конечнымъ гласнымъ ъ. Но какъ же возникло вьсь со своимъ *с?* Вѣдь, намъ извѣстно, что χ на слав. почвѣ даетъ *с* только въ положеніи передъ ѣ, и дифтонгическаго происхожденія, т. е., напр., доуχъ — доусѣ — доуси, въ эпоху *второго* смягченія задненебныхъ согласныхъ общеславянскаго праязыка, когда эпоха *перваго* ихъ смягченія въ ž, č, š уже миновала передъ гласнымъ передняго ряда или согласнымъ j: срв. доушьнъ, доуше; оухо:—оушити,—оушь; пѣχ,—пѣшь и проч. под. Стало быть, по фонетическому закону х-ш-с при извѣстныхъ условіяхъ мы ожидали бы вовсе не вьсь („весь“), а *вьшь, т. к. послѣ χ (вьχъ) здѣсь нѣтъ дифтонгическаго ѣ или дифтонгическаго и (въ концѣ слова), а имѣется налицо гласный передняго ряда ь (изъ jъ), передъ которымъ звукъ χ долженъ былъ еще въ эпоху *перваго* смягченія въ общеславянскомъ языкѣ дать звукъ ш и таковымъ и остаться: срв. наши: „душный“, „пѣшій“, „душа“ и проч. И дѣйствительно: формы: вьсѣ, вьси, вьсѣχъ, вьсѣми идутъ правильно по закону перехода χ въ с, но формы: вьсего, вьсемоу, вьсемь, вьсе, вьсѧ, вьсь должны бы имѣть ш изъ χ. Слѣд., онѣ-то *не законны* съ точки зрѣнія обязательности фонетическихъ измѣненій и законовъ. Поэтому, если здѣсь и играли роль какіе-либо законы (*обязательные* для подлежащихъ языковыхъ явленій), то *законы не фонетическіе*. Строимъ предположеніе, что здѣсь могъ сыграть роль только предшествующій гласный передняго ряда ь. Сравнивая образованія лице, отьць, овьца, стьза, польза, вьдовица, дѣвица, дворьць, соучьць, кличати и проч. под., мы приходимъ къ заключенію, что *необходимо предположить въ такого рода случаяхъ вліяніе предшествующаго гласнаго передняго ряда на измѣненіе* г, к, χ въ з, ц, с. Если это предположеніе по провѣркѣ оказалось необходимымъ за отсутствіемъ какого-либо другого законнаго основанія для даннаго звукового измѣненія, и *по методу остатковъ* мы должны сдѣлать только вышеприведенное заключеніе, то, значитъ, всѣ формы отъ слова вьсь, въ которыхъ должно бы было быть ш (т. е. передъ гласнымъ передняго ряда и передъ согласнымъ *j*), образозаны *по примѣру, подъ вліяніемъ, по аналогіи* съ формами, гдѣ мы видѣли *с* указаннаго происхожденія, т. е. первоначально, вѣроятно, было такъ: *vьcѣъ, *vьšego, *vьšemu, *vьšemь, *vьše, *vьsi, *vьsѣχъ, *vьsѣми. Такимъ образомъ, произошло

притяженіе однѣхъ формъ другими, и въ результатѣ—*униформированіе, однообразіе звуковыхъ типовъ* со звукомъ s: вьсь, вьсего, вьсемоу, вьсемь, вьсе, вьси, вьсѣхъ, вьсѣми. Теперь намъ легко будетъ установить взглядъ и на образованіе такихъ формъ, какъ: ногѣ, рукѣ, духѣ, ухѣ, руки, ноги, духи и под. современнаго русскаго языка; процессъ тотъ-же: *подъ вліяніемъ формъ* съ *г, к, х,* какъ: нога, рука, духъ, ухо, ногу, ногою, ногъ, ногамъ, руками, духахъ и под., образовались и вышеприведенныя формы, въ которыхъ мы ожидали бы смягченія звуковъ *г, к, х* по закону, если бы этотъ послѣдній законъ не встрѣтился на своемъ пути съ другимъ закономъ, оказавшимся болѣе сильнымъ, закономъ ассоціаціи формъ по смежности, т. е. *закономъ распредѣленія языковыхъ явленій въ нашемъ сознаніи* по принципу экономіи духовныхъ силъ нашего организма, въ частности силъ нашей памяти.

Надо замѣтить, что вся область психологіи рѣчи зиждется пока для насъ, при современныхъ нашихъ знаніяхъ, почти исключительно *на законахъ ассоціаціи,* и *аналогія* въ языкѣ въ частности есть обнаруженіе ассоціативныхъ соотношеній между элементами языка и представленій нашихъ въ сферѣ нашего сознанія.

Мы не имѣемъ возможности перечислить всѣ случаи и всѣ виды образованій въ русскомъ языкѣ *по аналогіи,* т. е. всѣ случаи и виды вторженія психическихъ факторовъ измѣненія русскаго языка въ сферу дѣйствія фонетическихъ законовъ, но можно съ увѣренностью сказать, что значительная часть всего наличнаго богатства оборотовъ русской рѣчи, формъ языка и элементовъ синтактической структуры нашей мысли, выраженной при помощи звуковъ рѣчи обязана своимъ происхожденіемъ психическимъ процессамъ. При помощи послѣднихъ создается такъ называемое „языковое мышленіе", и проявляются внутреннія силы творческой дѣятельности нашего языка. Въ самомъ дѣлѣ, установившіяся въ языкѣ категоріи грамматическихъ элементовъ (частей рѣчи, падежей, родовъ, чиселъ, образцовъ склоненій, спряженій, словообразованія и словосочетаній) на основаніи формальныхъ признаковъ и ихъ ассоціацій въ нашемъ сознаніи, все время вовлекали и все болѣе вовлекаютъ въ сферу своего вліянія нарождающіяся въ языкѣ (живомъ) слова, какъ символы народившихся новыхъ понятій, мыслей. На нашихъ глазахъ появились образованія: „себѣстоимость" (изъ „стоимость себѣ"), „отсебятина" (изъ „отъ себя": срв. „телятина", которое мысленно разложилось на „теля-тина", а не на „телят-ина": языковое мышленіе выдѣлило суффиксъ „-тина": срв. „картина", „скотина" и проч. и пустило въ оборотъ этотъ искусственно образованный суффиксъ психологическаго происхожденія и приставило его къ словамъ: „отъ себя", составившимъ *слитное* образованіе: „отсебя"); „никчемный", „никчемность" (изъ „ни къ чему"); „сдѣльная плата" (изъ „плата съ дѣла"). Вообще, наблюденія на живымъ языкомъ показываютъ, что *аналогія поражаетъ* своимъ процессомъ не отдѣльныя звуковыя части слова, не отдѣльныя словообразовательныя части, наконецъ, не отдѣльные члены словосочетаній, а *цѣликомъ* весь составъ

слова или словосочетанія со всѣми элементами, входящими въ образованіе даннаго звукового единства, которое сознается говорящими, какъ *одно цѣлое*, вовлекающее въ сферу своего вліянія нарождающіяся въ мысли потребности обозначенія въ звуковомъ словѣ (или словахъ) новыхъ понятій. Аналогія, какъ психическій актъ, захватывая элементы нашей рѣчи въ ихъ совершенно *готовомъ* видѣ, содѣйствуетъ образованію новыхъ элементовъ *по образцу уже готовыхъ, имѣющихся* въ языкѣ. Вникая въ аналогичныя образованія, мы можемъ установить слѣдующія категоріи аналогичныхъ процессовъ: 1) Звуковая аналогія, 2) Морфологическая аналогія, 3) Семазіологическая аналогія и 4) Синтактическая аналогія. Послѣдняя особенно интересна съ точки зрѣнія процессовъ эволюціи въ языкѣ, и ей мы посвятимъ особое вниманіе *въ отдѣлѣ синтаксиса*.

Примѣры *звуковой аналогіи* мы видѣли отчасти уже выше. Такъ, формы твор. п. ед. ч.: семьёю, скамьёю, свиньёю, бадьёю, судьёю, статьёю, скуфьёю, попадьёю и под. образованы путемъ подражанія формамъ на -óю: женóю, водóю и др., т. к. звукъ 'é могъ *вообще* давать звукъ 'ó въ цѣломъ рядѣ словъ литературнаго нарѣчія, хотя бы и въ положеніи звука *'é передъ твердымъ* звукомъ или слогомъ: м'ед—м'óд—м'óду и—по аналогіи—„въ м'óдѣ“ (при: „въ медý“); кл'óн—кл'óна—кл'óну и „на кл'óнѣ“; черноз'óм—а—у, черноз'óмъ; „въ подъ'óмѣ“, „въ объ'óмѣ“ (въ подъемѣ, въ объемѣ); Ер'óмъ, Ер'óминская (фамилія); др'óмѣ (отъ сл. „дрéма“ и „дремá“—у Пушкина); Т'óмъ, Т'óминъ (прил.; уменьш. отъ имени „Артéмій“, но: „Арт'óмъ“). Такимъ образомъ, мы убѣдились, что въ цѣлой массѣ словъ литературнаго русскаго языка и произношенія мы имѣемъ чередованіе гласныхъ 'é—'ó въ слогѣ передъ твердымъ согласнымъ или слогомъ и *по аналогіи* съ этимъ звуковымъ (законнымъ) чередованіемъ имѣемъ и въ положеніи передъ мягкимъ согласнымъ слѣдующаго *слога* то же чередованіе 'é—'ó: все это—въ предѣлахъ одного и того же слова, въ предѣлахъ одной и той-же основы при образованіи отъ этой послѣдней падежныхъ формъ помощью падежныхъ окончаній или при образованіи отъ нея словъ помощью словообразовательныхъ суффиксовъ. Совсѣмъ другой видъ звуковой-же аналогіи мы имѣемъ въ такихъ образованіяхъ, какъ: семьёю и под. Здѣсь мы видимъ *не вліяніе однихъ падежей* въ ихъ *готовыхъ* звуковыхъ формахъ на другіе падежи того-же слова и того-же склоненія (количественно преобладающая звуковая форма въ склоненіи подчинила себѣ въ звуковомъ отношеніи и меньшую часть формъ въ томъ же словѣ и склоненіи), а вліяніе одной основы слова на совсѣмъ другую основу въ другомъ словѣ, хотя вліяніе это—тоже звуковое: *вліяніе твердыхъ основъ на мягкія* (основъ съ твердыми согласными на основы съ мягкими согласными). Такую же звуковую аналогію мы имѣемъ въ современномъ литературномъ произношеніи въ глаголахъ: „ткёшь“, „ткётъ“, „ткёмъ“, „ткёте“ подъ вліяніемъ: „тку“, „ткутъ“ вм. „тчёшь“, „тчётъ“ (*діалектически* и теперь такъ!); при этомъ въ формахъ: „ткёте“ и под. мы имѣемъ *двойной*

процессъ аналогіи: и въ согласномъ *к*, и въ гласномъ *о́*. То же мы имѣемъ въ формахъ: „о берегѣ“, „объ ученикѣ“, „о страхѣ“, „о ногѣ“, „о рукѣ“, „о сохѣ“ и проч. Причемъ послѣдній рядъ аналогичныхъ образованій—стараго происхожденія (съ XIII—XIV в.), тогда какъ первый рядъ—сравнительно *новаго* происхожденія.

Примѣры морфологической аналогіи не менѣе многочисленны: форма *ед. ч.* „братья“ собирательнаго значенія (братиѣ) повліяла такъ на форму „братъ“, что получила значеніе *множественнаго числа* отъ сл. „братъ“ и стала склоняться такъ: „братьевъ“, „братьямъ“, „братьями“, вытѣснивъ формы един. числа: „съ братьею“ и под. Такого же происхожденія наши формы: „зятья“, „сватья“, „коренья“ и под.—по аналогіи съ людиѣ (людьѣ), откуда косвенные падежи были: людіи, людемъ, людьми, людѣхъ. Старая форма *множ.* числа людиѣ *утрачена*, она уступила свое мѣсто формѣ люди („люди“), какъ форма кореніѣ, дніѣ уступила свое мѣсто формѣ „корни“, „дни“, хотя форма „коренья“—прямая наслѣдница (фонетическая) формы кореніѣ—сохранила за собой право имѣть особое значеніе и тѣмъ спаслась отъ утраты, между тѣмъ какъ людиѣ—форма *множ.* числа отъ формы людъ—утрачена и уступила свое мѣсто формѣ люди—люди, морфологически также правильной и древней: срв. „сосѣдъ“—„сосѣди“, „чертъ“—„черти“. Срв. „простой людъ“, „просто-люд-ин-ъ“ и под. Старая форма: люди, сосѣди, черти перевела все склоненіе въ другую основу—на *ĭ* (ь); надо, конечно, предполагать, въ виду формы людиѣ, и форму *един.* числа *людь съ основой на *-ĭ-*, какъ тать—татиѣ, чадь—*чадиѣ. Срв. соврем. „исчадіе“, „исчадье“ (потомство, родъ, племя).

Цѣлый рядъ формъ им. п. мн. ч. именъ муж. рода на *-а́* (вм. и—ы) обязанъ своимъ появленіемъ именамъ съ основою въ *ед.* ч. на *-а собирательнаго значенія* (какъ: господа—им. п. ед. ч.: *„передъ господою“*—въ древнихъ русскихъ грамотахъ и др.); отсюда и въ литературномъ русскомъ языкѣ: „города́“, „лѣса́“, „поля́“, „хутора́“, „рога́“, „рукава́“, „бурава́“, „снѣга́“, „года́“, „дома́“, а въ влкр. діалектахъ (напр., казан.—вят.—перм.) даже: „пола́“, „ситца́“, „мѣсяца́“, „гроба́“, „воза́“, „двора́“ и нѣкр. др. Если мы будемъ изслѣдовать эти имена существительныя, то мы найдемъ, что можно подмѣтить, что имена муж. рода *съ неподвижнымъ удареніемъ въ един. числѣ на корневомъ гласномъ могутъ имѣть въ им. п. мн. числа ударяемое -а́*, имена же *съ подвижнымъ удареніемъ въ формахъ ед. числа не могутъ имѣть именительнаго множ. ч. на ударяемое -а́* (а оно—всегда ударяемое). Такимъ образомъ, въ этихъ послѣднихъ род. ед. числа и имен. падежъ множ. числа отличаются другъ отъ друга окончаніями (р. ед.—*а́*; им. мн.—*ы́*: отличіе *по окончанію*, но не по мѣсту ударенія): попа́—попы́; снопа́—снопы́; боба́—бобы́; труда́—труды́; пруда́—пруды́; раба́—рабы́; туза́—тузы́; ножа́—ножи́; утюга́—утюги́; холма́—холмы́; кола́—колы́; сна́—сны́; кувшина́—кувшины́; шалаша́—шалаши́; плаща́—плащи́ и под. Имена же *съ неподвижнымъ удареніемъ въ обоихъ числахъ на корневомъ гласномъ во всѣхъ падежахъ имѣютъ въ им. мн. ч. только неударяемое* -ы:

такимъ образомъ, мы отмѣтили слѣдующія три категоріи именъ сущ. муж. рода по ударенію и по окончанію имен. п. множ. числа:

1) Имена муж. рода (съ орѳогр. окончаніемъ -ъ) *съ неподвижнымъ* ударѳніемъ на корневомъ гласномъ во всѣхъ формахъ ед. и мн. чиселъ.

Эта категорія имѣетъ имен. п. мн. ч. только на *-ы*:

Примѣры: сбо́ръ, сбо́ра, сбо́ру... сбо́ры, сбо́ровъ, сбо́рамъ...
хра́мъ, хра́ма, хра́му... хра́мы, хра́мовъ, хра́мамъ...
(хоро́мъ, хоро́ма, хоро́му...)... хоро́мы, хоро́мовъ, хоро́мамъ...
бу́бенъ, бу́бна, бу́бну... бу́бны, бу́бновъ, бу́бнамъ...

2) Имена муж. р. (-ъ) съ *подвижнымъ* ударѳніемъ на корневомъ гласномъ во всѣхъ формахъ ед. и мн. числа (кромѣ, конечно, формы им. п. ед. ч., гдѣ *по необходимости* ударѳніе только на корневомъ гласномъ: оно когда-то было на окончаніи -ъ, пока онъ былъ слоговымъ, хотя и редуцированнымъ гласнымъ). Эта категорія имѣетъ им. п. мн. ч. *въ литературномъ русскомъ произношеніи* тоже только на *-ы́* (ударяемое):

Примѣры: ку́стъ, куста́, кусту́... кусты́, густо́въ...
хо́лстъ, холста́, холсту́... холсты́, холсто́въ...

Срв. выше: попъ, снопъ, клопъ, рабъ, бобъ, трудъ, прудъ, колъ, сонъ, кувшинъ, тузъ, ножъ, утюгъ, холмъ, шалашъ, плащъ и под.

3) Имена муж. р. (-ъ) *съ неподвижнымъ удареніемъ на корневомъ гласномъ только въ един. числѣ, всѣ же формы множ. числа переносятъ ударѳніе на падежныя окончанія съ корневого гласнаго. Эта категорія имѣетъ въ литературномъ русскомъ произношеніи обыкновенно (но не обязательно и не исключительно)* въ формѣ им. п. мн. ч. окончаніе *-а́* (ударяемое).

Примѣры: города́, лѣса́, пояса́, хутора́, повара́, рога́, снѣга́, года́, дома́; срв. ед. числа:
го́родъ, го́рода, го́роду... мн. ч.: города́, городо́въ, города́мъ...
ро́гъ, ро́га, ро́гу... рога́, рого́въ, рога́мъ... (Срв. выше).

Такимъ образомъ, *въ именахъ 3-й категоріи мы всегда имѣемъ возможность отличить по мѣсту ударѳнія форму род. ед. отъ формы им. множ. числа*: окончаніе одинаковое *-а*, но мѣсто ударѳнія различное: го́рода и города́, лѣ́са и лѣса́, по́яса и пояса́, ху́тора и хутора́, по́вара и повара́, ро́га и рога́, снѣ́га и снѣга́, го́да и года́, до́ма и дома́ и под. Имена этой категоріи, кажется, особенно склонны къ развитію: срв. *„конюха́* суетились“ – Разсказъ „Мачеха“ Карачаровой. (Рус. Мысль. 1916 г. Мартъ). Правда, въ именахъ этой категоріи мы иногда имѣемъ формы им. п. мн. ч. на *-ы* (*неударяемое*), какъ въ 1-й категоріи (см. выше), но это бываетъ довольно рѣдко (по преимуществу у нашихъ *старыхъ* писателей), потому что процессъ аналогіи не пускаетъ провести во всѣхъ формахъ множ. числа ударѳніе на корневомъ гласномъ, т. е. оставить здѣсь вездѣ неударяемыя окончанія. Такимъ образомъ, эта категорія занимаетъ какъ бы среднее положеніе между 1-й и 2-й

категоріями, т. к. *ударяемое á* именительнаго падежа множ. числа *перевело и все множ. число* этихъ именъ изъ 1-й во 2-ю категорію. Срв. у Пушкина: снѣ́ги и снѣга́, го́ды и года́, во́лосы и волоса́, гро́бы и гроба́, до́мы и дома́. (См. мой „Опытъ грам. языка А. С. Пушкина". Вып. I. СПБ. 1901 г. Стр. 44—48.). (См. также мой „Очеркъ исторіи современнаго литературнаго языка". Энциклопедія слав. филологіи. Вып. 12. СПБ. 1908 г.).

Вотъ эта-то категорія именъ (3-я) и допускаетъ въ *діалектахъ* русскаго языка проявленіе бо́льшей силы аналогіи, чѣмъ въ литературномъ русскомъ нарѣчіи, т. к. діалекты представляютъ собой болѣе *естественный языкъ*, управляемый лишь *стихійной* силой обнаружившихся въ немъ процессовъ, чѣмъ языкъ литературный. Такъ, въ русскихъ говорахъ (см. выше) мы имѣемъ: формы имен. п. мн. ч.: пола́, *ситца́*, *мѣсяца́*, гроба́, воза́, двора́ и др., въ которыхъ мы имѣемъ *случаи доведенія до логическаго конца* въ проведеніи *ударенія на окончаніяхъ* въ такихъ словахъ, какъ: *си́тецъ*, *мѣ́сяцъ*. Въ литературномъ языкѣ эти слова даютъ намъ право намѣтить еще 4-ю категорію, въ которой *все един. число имѣетъ неподвижное ударе́ніе на корневомъ гласномъ* (полъ, гробъ, возъ), *а все множ. число имѣетъ ударе́ніе на окончаніяхъ*, при чемъ форма им. п. мн. ч. въ *литерат.* произношеніи имѣетъ *только ударяемое -ы́*. Ударе́ніе формъ *всего* множ. числа вовлекло въ свой процессъ и форму *им. падежа множ. числа* по аналогіи съ 3-й категоріей. Это образованіе по аналогіи съ 3-й категоріей въ діалектахъ дало форму им. мн. ч. „*ситца́*" по аналогіи съ формою „лѣса́" и под. и перевело слово „си́тецъ" изъ 1-й категоріи въ 3-ю категорію; также и слово „мѣ́сяцъ". Такимъ образомъ, создалась *діалектическая категорія* съ им. п. мн. ч. по 3-й категоріи, (въ *литер.* языкѣ: си́тцы, мѣ́сяцы) и тогда и весь процессъ склоненія формъ *множ.* числа идетъ по 3-ей категоріи, и съ им. п. мн. ч. по 2-й категоріи, и тогда и весь процессъ склоненія формъ *множ.* ч. идетъ по 2-й категоріи. Словомъ, 4-я категорія *смѣшанная* въ литературномъ русскомъ языкѣ изъ формъ 1-й категоріи въ *ед.* ч. и 2-й категоріи во *множ.* числѣ, а это при существованіи еще 3-й категоріи дало комбинацію, развившуюся особенно сильно въ народныхъ говорахъ, гдѣ процессъ аналогіи получилъ неудержимое развитіе. Но здѣсь есть еще рядъ словъ, формы которыхъ вызываютъ особыя замѣчанія. Однако предварительно этихъ замѣчаній подведемъ итогъ нашимъ послѣднимъ изысканіямъ.

Итакъ, есть еще 4-я категорія въ русскомъ литературномъ языкѣ. Эта категорія именъ характеризуется слѣдующими особенностями сравнительно съ тремя первыми категоріями: *въ формахъ единственнаго числа ударе́ніе неподвижное на корневомъ гласномъ, а въ формахъ множ. числа ударе́ніе переходитъ во всѣхъ падежахъ на падежныя окончанія; им. п. мн. ч. въ литературномъ русскомъ произношеніи имѣетъ ударяемое ы́*. (Въ діалектахъ—*á*).

Примѣры: по́лъ по́ла, по́лу... полы́, поло́въ, пола́мъ...
гро́бъ, гро́ба, гро́бу... гробы́, гробо́въ, гроба́мъ...
во́зъ, во́за, во́зу... возы́, возо́въ, возо́мъ...

Также: *чинъ, разъ, боръ, даръ, паръ* и под.

діалектически: пола́, гроба́, воза́ по аналогіи съ 3-й категор.

Особыхъ замѣчаній требуютъ слова: *рука́въ, бура́въ*; они замѣчательны тѣмъ, что *въ нихъ совпадаютъ и по ударенію, и по формѣ падежного окончанія въ имен. п. мн. ч. формы род. ед. и им. множ.: рукава́, бурава́.*

Слова же: „си́тецъ", „мѣсяцъ" въ *литературномъ* русскомъ произношеніи слѣдуютъ точно въ своемъ склоненіи за словами 1-й категоріи: *си́тецъ, си́тца, си́тцу, си́тцемъ, си́тцѣ; си́тцы, си́тцевъ. си́тцамъ, си́тцами, си́тцахъ.* Такъ и сл. *мѣсяцъ.* Въ *діалектахъ* же русскаго языка эти слова *форму имен. п. мн. ч.* образуютъ *по аналогіи съ именами 3-й категоріи* и ведутъ весь процессъ склоненія *во множ. числѣ* по образцу словъ 3-й категоріи.

Такъ получается: *въ литератур. нарѣчіи*: р. ед. *си́тца*; им. мн. *си́тцы*.
въ народныхъ говорахъ: р. ед. *си́тца;* им. мн. *ситца́.*

Изъ нашихъ изслѣдованій по этому вопросу о склоненіи именъ существительныхъ мы выводимъ слѣдующее *правило, требуемое въ подобныхъ изслѣдованіяхъ методологіей русскаго языкознанія*: при анализѣ какого бы то ни было явленія современнаго русскаго литературнаго языка необходимо *указать на историческое прошлое* изслѣдуемаго въ современной рѣчи явленія *и на его діалектическіе варьянты въ области изслѣдуемаго явленія. Такимъ образомъ, исторія языка и его діалектологія указываются методологіей языкознанія, какъ необходимые спутники научнаго изученія и научнаго представленія фактовъ языка.* Вотъ для полученія этого-то методологическаго правила мы и продѣлали опытъ нашего изслѣдованія.

Мы показали также, что для рѣшенія вопроса о языковыхъ образованіяхъ необходимо прежде всего уяснить себѣ, къ какой категоріи образованій принадлежитъ данное, изучаемое образованіе: къ категоріи ли *фонетически-законныхъ*, къ категоріи-ли *морфологически-законныхъ*, или же—къ категоріи процессовъ *образованія по аналогіи.* А для рѣшенія этого вопроса, въ свою очередь, необходимо *твердое знаніе фонетики даннаго языка* (включая сюда и физіологію звуковъ даннаго языка и фонетическіе законы, т. е. фонетику въ собственномъ смыслѣ) *и твердое знаніе морфологіи даннаго языка.* Отправнымъ пунктомъ въ морфологіи долженъ служить *морфологическій остовъ даннаго языка*, остовъ, *опредѣляемый по указаніямъ древнѣйшихъ изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ письменности даннаго языка.* А, такъ какъ мы хотимъ опредѣлить морфологическій остовъ *русскаго языка*, то необходимо еще принять во вниманіе, что книжный (письменный) русскій языкъ образовался на основѣ чужого намъ языка, языка древнихъ болгаръ (=старославянскаго языка), изъ котораго и вошли въ книжный (а впослѣдствіи и *въ литературный*) *русскій* языкъ многія формы, слова и обороты, ставшіе достояніемъ нашей литературной

рѣчи и бытующіе въ ней до настоящаго момента. Изученіе этого морфологическаго остова по памятникамъ письменности должно вестись такимъ образомъ: берется памятникъ *старославянскаго* языка (—Саввина книга или Маріинское Четвероевангеліе или какой-нибудь другой памятникъ стрсл. языка XI-го вѣка) и памятникъ *русскаго* языка *тоже XI-го вѣка* (Минеи 1095—1097 г.г. или Архангельское Ев. 1092 года), и сравниваются между собой соотвѣтственныя формы языка: формы именъ, глаголовъ и проч. Особенности формъ *русскаго* памятника отмѣчаются, и такимъ образомъ создается таблица соотвѣтствій формъ въ стрсл. и русскомъ пямятникахъ. Затѣмъ берется Остромирово Евангеліе 1056—1057 г.г. и читается параллельно съ Архангельскимъ Евангеліемъ 1092 года, отмѣчаются соотвѣтствія, и такъ опять составляется вторая таблица соотвѣтствій (формальныхъ), изъ которой будетъ видно, что̀ принадлежитъ *стрсл. языку* (=одинаковое въ Остр. Ев. и въ Мар. Ев. и въ Сав. кн. и под.), и что̀ принадлежитъ *древнерусскому языку* (=одинаковое въ Остр. Ев., въ Арх. Ев., въ Минеяхъ 1095—1097 г.г. и под.). Получивши морфологическій остовъ языка Арх. Ев. и Остр. Ев., съ одной стороны, а также морфологическій остовъ языка Мар. Ев., Саввиной книги и частью (см. выше) Остр. Евангелія, съ другой стороны,—начинаютъ сопоставлять полученныя таблицы склоненій и спряженій и при сопоставленіи получаютъ цѣликомъ *матеріалъ для грамматики др. р. языка и матеріалъ для грамматики стрсл. языка* (=древне-церковно-славянскаго или древне-болгарскаго).

Такъ, мы видимъ:

въ Остр. Ев.	*въ Арх. Ев.*
сѣдѣаше (л. 30)	сѣдѧше (л. 1)
оученици..ошьли вѣахѫ	ѿшьли вѧахоу
идѣахѫ (л. 31 об.)	гѫдѧахоу (л. 2 об.)

Здѣсь въ Арх. Ев. другой глаголъ; обращаю вниманіе на *формальный* признакъ времени imperfect'a: ѣа—О. Е. и ѧа—Арх. Ев.

молиаахѫ	молѧхоу
молиаахѫ кго (л. 32 об.)	молѧхоути и (л. 3.)
о себѣ	о собѣ (л. 3 об.)
рекошѧ (л. 33)	рѣшѧ (л. 4), рѣша
оумьрѣшѧ (л. 33 об.)	оумьроша
идѧше и хождааше (л. 34)	идѧше и хожѧше (л. 4 об.)
вѣдѣаше (л. 34 об.)	вѣдѧше (л. 5)
сътворите чл҃вкы вьзлещи (вин. п. съ неопр. н.)	сътворите члвкомъ вьзлечи (дат. п. съ неопр. н.)
хотѣахѫ	хотѧхоу
иждеиеть (л. 35 об.)	изгонить (л. 6)
мещете (л. 37 об.)	метаѥте (л. 7 об.)
рекохъ	рѣхъ (л. 8)
вѣахѫ (л. 38 об.)	вѧхоу (л. 8 об.)

въ Остр. Ев.	*въ Арх. Ев.*
рекошѧ	рѣшѧ
вѣпрашаахѫ (л. 39)	вѣпрашахоу (л. 9)
рекоста (л. 39 об.)	рѣста
боѭстасѧ	боѭшетасѧ (л. 9 об.)
бѫахѫ сѧ съложили	сѧ бѫху съложили
рекошѧ (л. 40)	рѣша
рекохъ	рѣхъ
о себѣ (л. 41)	о совѣ (л. 10 об.)
хотѣаше	хотѧше (л. 11)
живѣаше (л. 41 об.)	живѧше
рекошѧ (л. 41 об.)	рѣшѧ (л. 11)
бѫахѫ	бѫхоу
хотѣаше (л. 42 об.)	хотѧаше (л. 12)
чловѣчьскоуоумоу (л. 43)	чловѣчьскомоу
не вѣроваахѫ вънь	не вѣроваша вънь (л. 12 об.)
окаменилъ ѥсть сьрьдьцѧ ихъ (л. 43 об.)	окаменилъ ср҃дца ихъ
къ себѣ (л. 45 об.)	къ совѣ (л. 14 об.)
о себѣ (л. 46)	о совѣ (л. 15)
рекохъ (л. 49 об.)	рѣхъ л. (18 об.)
чьто ѥсть тебѣ (л. 54)	чьто ѥ тебѣ (л. 22)
хотѣахѫ (л. 54 об.) ѭти и	хотѧхоути и ѭти (л. 23)
просѧщоуоумоу оу тебе дан (л. 58)	просѧщеомоу оу тебе дан (л. 24 об.)
тъкъмо чьто лише творите (л. 58 об.)	тъкмо что лихо творите (л. 25)
къ очесѣ твоѥмь (л. 59 об.)	въ оцѣ твоѥмь (л. 26 об.)
и сътворѫ вы ловьца (л. 60 об.)	и сътворю ва ловьцѧ (л. 27)
слоужааше (л. 63)	слоужѧше (л. 29 об.)
ꙗко не моущи никомоуже имѣти (л. 65 об.) (дат. съ неопр. н.)	ꙗко не можѧше никтоже миноути (л. 31) (грамматич. построеніе: согласованіе личной формы глагола съ им. п. подлежащаго).
идѣаше (л. 66)	идѧше (л. 32)
себѣ (л. 70)	совѣ (л. 35)
цр҃е земьнии (л. 72)	цр҃е земьсции (л. 37)
хотѧахѫ (л. 80 об.)	хотѧхоу (л. 44)
къто можеть (л. 91)	къто мо҃же (л. 49)
бѣахѫ (л. 93 об.)	бѧхоу (л. 51 об.)
и назираахѫ и (л. 94)	и назирахоути и

Въ Остр. Ев.	*Въ Арх. Ев.*
чѣкоу имѫщоуоумоу	моужеви имоущеомоу
идѣаше (л. 100 об.)	идѫаше (л. 54)
оугнѣтаахѫ и	оугнѣтааχоути и
и вѫзаахѫ и ѫжи (л. 98 об.)	и вѫзахоути и оужи (л. 56)
молѣахѫ и (л. 99)	молѫхоути и
славлѣаше ѣа (л. 105 об.)	славѫаше ѣа (л. 60 об.)
подражаахѫ и (л. 112)	подражахоути и (л. 66 об.)
χотѣаше мимоити (л. 113 об.)	хотѫаше миноути (л. 67 об.)
молиаахѫ и (л. 115)	молѫхоути и (л. 70 об.)
ѣдѣаχѫ свинии (л. 118)	ѣдѫахоу свинии (л. 72)
въпрашааше (л. 119)	въпрашашети и (л. 73)

Такъ можно было бы продолжать сличеніе евангельскихъ текстовъ въ двухъ памятникахъ письменности XI-го вѣка и далѣе, но и приведеннаго нами выше достаточно для того, чтобы видѣть разницу между этими двумя памятниками въ формахъ imperfect'a, въ формахъ мѣстоименій возвратныхъ и въ нѣкоторыхъ синтактическихъ оборотахъ. При этомъ же сличеніи видно также и то, что языкъ Остр. Евангелія въ своей основѣ *старославянскій*, какъ видно и изъ графики, и лишь только на фонѣ старославянскаго языка въ немъ замѣтны признаки *русскаго* переписчика, признаки *русской* редакціи. Сличеніе языка Остр. Ев. такимъ же методомъ построчнаго сопоставленія текстовъ съ языкомъ стрсл. памятниковъ (напр., Сав. кн., Зограф. Ев., Мар. Ев. и Ассем. Ев.) убѣдило бы насъ въ томъ, что оригиналъ Остр. Евангелія былъ старославянскій, а сличеніе Арх. Евангелія съ этими памятниками такимъ же методомъ убѣдило бы насъ, кромѣ того, въ томъ, что оригиналъ Арх. Евангелія былъ старославянскій глаголическій, какъ догадывался объ этомъ еще въ 1878-мъ году проф. *Дювернуа* („О критич. значеніи Арх. Евангелія. Ж. М. Н. Пр. 1878 г. Октябрь). Въ Арх. Ев., напримѣръ, почти постоянно формы аориста не сигматическаго, простого, 2-го, а въ Остр. Ев.—сигматическій аористъ. Мѣна о и оу и др. Другого мнѣнія о формахъ этого аориста въ Арх. Ев. держится проф. Б. М. Ляпуновъ. См. его библіографическій очеркъ: „Профессоръ А. В. Рыстенко". Одесса. 1916. Стр. 9—10.

Само собой разумѣется, что такое сличеніе текстовъ стрсл. и русскихъ памятниковъ должно дать, съ одной стороны, перечисленіе формъ склоненія и спряженія *старославянскаго языка*, а, съ другой стороны, *языка русскаго*; т. е. мы получимъ такимъ образомъ *фактическую грамматику* (отдѣлъ морфологическій) старославянскаго и русскаго языка. Значитъ, мы можемъ попутно убѣдиться теперь и въ томъ, что *грамматика не предшествуетъ языку, а слѣдуетъ за языкомъ, т. е. можетъ появиться только послѣ разбора фактовъ языка, существующихъ и установившихся въ данномъ языкѣ, грамматику*

котораго мы хотимъ изучать или составлять. Въ этомъ смыслѣ фактическая грамматика языка есть табличное представленіе формальнаго инвентаря даннаго языка.

Однако, сличая вышеприведенные памятники письменности между собой, мы уже и для XI-го вѣка имѣемъ матеріалъ діалектическій, т. е. матеріалъ для сужденія о томъ, что и въ XI-мъ вѣкѣ какъ старославянскій языкъ, такъ и древне-русскій, дробились уже на діалекты, которые отличались своими особенностями. Такъ, Арх. Ев. указываетъ намъ на формы 3-го лица ед. и мн. ч. съ мягкимъ *-ть* личнаго окончанія, въ которомъ, какъ мы видимъ изъ вышеприведенной таблицы соотвѣтствій глагольныхъ формъ съ формами Остр. Евангелія, это *-ть* даетъ *-ти* по ассимиляціи со слѣдующимъ и мѣстоименія личнаго 3-го лица въ вин. п. ед. числа прямого дополненія: молѧхоути и и др. *Это указываетъ на южнорусскій діалектъ.* Старославянская форма imperfect'a указана Остр. Евангеліемъ: молѧахѫ и, русская форма для *всѣхъ* памятниковъ русскаго языка, независимо отъ мѣстности написанія ихъ, была бы: молѧхоуть и, а въ *южнорусскихъ* — молѧхоутиⷭ; кромѣ того, въ *русскихъ* памятникахъ ѧ=ꙗ, ѫ=оу. Въ Минеяхъ 1095—1097 г.г. мы имѣемъ мѣну *ц* и *ч*, т. е. черту *новгородскаго* (*сѣверно-русскаго*) *діалекта*: чѣтъ, црево и др. Старославянскій языкъ имѣлъ также діалекты, которые отражаются въ памятникахъ письменности уже въ XI-мъ вѣкѣ (македонско-болгарскій, родопскіе говоры и др.). Напр., извѣстны діалекты съ окончаніемъ въ 3 л. ед. и мн. ч. глаголовъ—ть и съ окончаніемъ—тъ (діалектъ, отразившійся въ Остр. Ев. и Новгор. Ев. листахъ, имѣлъ—ть: въ О. Е. только 4—5 формъ на—тъ въ той части рукописи, которая списана съ *другого* оригинала; діалектъ же, отразившійся въ Зогр. Ев. и друг., имѣлъ—тъ. Срв. *Фортунатова.* „Старославянское -тъ въ 3-мъ лицѣ глаголовъ". СПБ. 1908. *Его-же*: „Составъ Остромирова Евангелія". СПБ. 1908. Сборникъ статей въ честь *В. И. Ламанскаго.* Извѣстія Отдѣленія р. яз. и слов. Ак. Наукъ. Т. XIII. (1908 г.). Кн. 2-я.

Изъ этихъ замѣчаній мы заключаемъ, что *табличное представленіе формальнаго инвентаря языка* („фактическая грамматика". См. выше) *не есть еще научная грамматика: научная грамматика языка должна заключать въ себѣ не только факты языка, но и ихъ объясненіе, а это послѣднее возможно только на почвѣ историческаго и діалектологическаго изученія языка, т. е. научная грамматика есть историко-діалектологическое освѣщеніе формальнаго инвентаря (морфологическаго отдѣла) даннаго языка. Теперь намъ ясно, насколько школьная грамматика русскаго языка (безъ исторіи и безъ діалектологіи) далека отъ научнаго облика, а потому въ ней и матеріалъ, и объясненіе случайны, произвольны и искажены. Вотъ поэтому методологія и необходима и учителю, и составителю учебника грамматики!* Въ частности это положеніе блестяще подтверждается при рѣшеніи вопроса въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, имѣемъ ли мы дѣло съ образованіемъ въ языкѣ *по аналогіи* (психологическое явленіе), или зву-

ковое (фонетическое) и под. Выше мы привели *цѣлый рядъ примѣровъ образованій по звуковой аналогіи и по морфологической аналогіи*; на этихъ примѣрахъ мы старались проводить принципы, указываемые методологіей научнаго знанія языка. Возьмемъ еще примѣры этой же, морфологической, категоріи. Беру суффиксъ -ок- (-ък-). Извѣстно, что этотъ словообразовательный элементъ служитъ для образованія въ словѣ значенія *уменьшительнаго предмета, дѣятеля, процесса дѣйствія, ласкательнаго оттѣнка* и присоединяется или къ именной, или къ глагольной основѣ; особенностью этого суффикса служитъ гласный звукъ *о*, происшедшій изъ стараго гласнаго *-ъ*, а потому этотъ *о* способенъ чередоваться съ нулемъ звука въ тѣхъ фонетическихъ положеніяхъ, гдѣ старому звуку *ъ* приходилось стоять передъ слогомъ съ гласнымъ **полнаго** образованія, т. е. быть въ *слабомъ* положеніи. (См. выше.). Такъ, при имен. п. „куро́къ“ (куръкъ -ъ въ *сильномъ* положеніи) мы имѣемъ въ косв. падежахъ: „курка“ (куръка -ъ въ *слабомъ* положеніи), „куркý“, „куркóмъ“, „куркѣ“, „куркú“, „куркóвъ“, „куркáмъ“, „куркáми“, „куркáхъ“. Равнымъ образомъ: „городо́къ“—„городка́“ и т. д.; „судо́къ“ (посуда)—„судка́“ и т. д.; „усо́къ“—„уска́“ и т. д.; „сово́къ“—„совка́“ и т. д.; „киво́къ“—„кивка́“ и т. д.; „стрѣло́къ“—„стрѣлка́“ и т. д.; „образо́къ“—„образка́“; „ско́локъ“—„ско́лка“ и т. д.; „поло́къ“—„полка́“ и т. д. Въ основахъ жен. рода на *-а* мы имѣемъ тотъ же суффиксъ *-ък-*, но въ формѣ именъ ж. р. им. п. ед. ч. этому суффиксу приходится стоять въ *слабомъ* положеніи, т. к. слѣдующій за нимъ гласный *-а- полнаго* образованія, т. е. какъ разъ обратное именамъ муж. рода положеніе въ им. п. ед. числа. Зато въ въ формѣ *род. п. мн. ч.* этихъ же именъ ж. р. на *-а* этотъ суффиксъ *-ък-* занимаетъ такое же фонетическое положеніе, какое онъ занимаетъ въ формѣ *им. п. ед. ч.* именъ муж. рода на -(ъ), т. е. стоитъ въ *сильномъ* положеніи. Поэтому: „ло́дка“, но: „ло́докъ“; „во́дка“, но: „во́докъ“; „ко́вка“, но „ко́вокъ“; „горка“, но: „го́рокъ“; „га́лка“, но: „га́локъ“; „да́вка“, но: „да́вокъ“; „ла́вка“, но: „ла́вокъ“; „ма́мка“, но: „ма́мокъ“; „но́ска“, но: „но́сокъ“; „ко́рка“, но: „ко́рокъ“; „тётка“, но: „тётокъ“ и проч. Послѣ смягченной (старой, но отвердѣвшей впослѣдствіи, и оставшейся мягкой, и вновь смягченной) согласной мы имѣемъ *соотвѣтственный* суффиксъ *-ьк- (-ек-)*: сучекъ—сучка, посошо́къ—посошка́, божо́къ—божка́, кулёкъ—кулька́, раёкъ—райка́ (раькъ—раекъ—раька́—райка, гдѣ старый ь *послѣ гласнаго* перешелъ въ неслоговое *і (й)*. Срв. *крајъ, *крајь—край: рајъкъ—рајькъ—рајекъ (рајо́къ), но: рајка—райка́). (См. мой учебникъ Грамматики. Каз. 1914⁴. Стр. 27 и 86).

Такимъ образомъ, мы наблюдаемъ въ громадномъ количествѣ русскихъ словъ (именъ сущ.) чередованіе суффиксовъ: ък-ок-к; ьк-ек-к. Отсюда ясно, что возможно взаимное сближеніе и смѣшеніе чередующихся формъ другъ съ другомъ: формы съ такими звуковыми чередованіями попадаютъ *по аналогіи* въ рядъ словъ безъ такого чередованія и *по аналогіи съ первыми образуютъ новые ряды словъ съ чередованіемъ уже не фонетическаго происхожденія:* это—тоже *видъ мор-*

фологической аналогіи, гдѣ одна *готовая* уже форма ассоціируется въ сознаніи съ другой *по привычному типу чередованій*. Такъ, еще въ древнемъ русскомъ языкѣ мы имѣемъ формы: потолокъ, потолока, потолоки и т. д., изъ которыхъ видно, что въ этомъ словѣ слогъ -ок- не есть суффиксъ -ъкъ: иначе онъ чередовался бы съ -к-, гдѣ *о* изъ ъ чередуется съ отсутствіемъ гласнаго звука, т. к. это *о вторичнаго* происхожденія, *не исконное*, а образовавшееся изъ болѣе ранняго ъ (см. выше). См. также мой учебникъ русской грамматики. Каз. 1914⁴. Стр. 26, 27, 43, 85. О такомъ звукѣ *о исконнаго* происхожденія въ словѣ „потолокъ“ послѣ звука *л* говоритъ и русское народное произношеніе этого слова, сохранившееся въ поговоркѣ: „руки—въ боки, глаза въ *потолóки*“. Такимъ образомъ, и древній русскій языкъ, и современные русскіе народные говоры свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что въ словѣ „потолокъ“ нѣтъ суффикса *-ок- (-ъкъ)*. Разсуждая такимъ образомъ, мы должны заключить, что, если здѣсь, въ этомъ словѣ, слогъ „*ок*“ не суффиксъ, то, стало быть, онъ принадлежитъ составу корня, т. е. корнемъ слова „потолокъ“ будетъ полногласный корень *толок-* (по-толок-ъ), и тогда слово „потолокъ“ войдетъ, какъ членъ, въ семейство словъ: „толочь“ (=толокть. См. выше.), „толку“, „толкать“, „толокно“, „толкъ“; малор. „тóлок“; толóка (=пóмочь, работа не за плату, а за угощеніе; поле, выгонъ): срв.: „толóкою йому помаґали“; „Ой на тім боці да на толоці, там циґани стояли“. Или малор. „толóчити“; „товктú и „товчú“. Само собой разумѣется, что полногласному русскому корню „толок-“ соотвѣтствовалъ бы юсл. тлак-, т. е. при „потолокъ“ въ русскомъ мы имѣли бы въ старославянскомъ языкѣ *потлакъ. Однако въ сознаніи говорящихъ слово „потолокъ“ ассоціировалось со словами, имѣющими *суффиксъ -ок-* (изъ -ъкъ-), т. е. со словами типа: „клубóкъ“, „дымóкъ“, „платóкъ“ и под., а потому забылось происхожденіе слова „потолокъ“, которое стало измѣняться *по аналогіи* со словами: „полóкъ“, „кружóкъ“ и под., т. е. „потолкá“, „потолкý“ и т. д. Срв. такія же *аналогическія* образованія *по принципу морфологической аналогіи:* „урóкъ“, р. п. „уркá“ (Оренб. губ.) или въ мѣщанскихъ говорахъ: „брелóкъ“, р. п. „брелкá“, им. мн. „брелкú“ (Казань). Само собою разумѣется, что въ словѣ „урокъ“ мы имѣемъ корень *рок-* (*рек-*: „часъ урочный“, „оброкъ“, „зарокъ“; „обрекать“, „оброчныя статьи“ и т. д.), а слово „брелóкъ“ даже *не русское*: франц. „la breloque“, слѣд., о *русскомъ* суффиксѣ *-ок* (*ъкъ*) въ этомъ словѣ и рѣчи быть не можетъ.

Въ основахъ женскаго рода этотъ же суффиксъ (*-ъкъ-к-*) вызвалъ свои образованія по аналогіи въ современномъ русскомъ *разговорномъ* (не литературномъ) языкѣ: слово „сýшка“ въ Казани употребляется вмѣсто слова „барáнка“, между тѣмъ какъ въ Москвѣ (въ *литературномъ* русскомъ языкѣ) „сýшки“ и „барáнки“ различаются по значенію. Новообразованіе „секрéтка“ пошло по аналогіи съ „открытка“, а это послѣднее (=открытое письмо) недавно образовано по аналогіи съ такими словами, какъ: „коронка“, „коровка“, „дѣвка“, „Машка“,

„бурка“, (бурый, бурая), „сивка“, „сѣрка“ (сѣрая) и проч. Въ языкѣ современной учащейся молодежи получили широкое развитіе такія образованія, напримѣръ: „Воскресе́нка“ (=„Воскресенская улица“), „Грузи́нка“ (=Грузинская улица“), „столо́вка“ (=студенческая столовая), „Академи́чка“ (=„Академическая слобода“), „раздѣва́лка“ (=раздѣвальная комната). Срв. діалектическое (Казанское) „шансоне́тка“ (=шансонетная пѣвица) вм. „шансоне́тка„=пѣсенка, франц. chansonnette, и др.

Такая морфологическая аналогія способна обогащать собой лексиконъ языка. Правда, это обогащеніе не всегда пополняетъ собой русскій *литературный* языкъ, но разговорный языкъ, и притомъ языкъ провинціальный (но не народный, діалектическій), а также языкъ *классовый*, несомнѣнно пополняетъ. Такъ, появился въ Казани кинематографъ—театръ (отсюда потомъ пошло названіе: „кино-театръ“) подъ названіемъ „chât noire“, въ мѣстной русской газетѣ: „шануаръ“, откуда образовали прилагательное: „шануаристый“ съ суф. *-ист*, какъ: „занозистый“, „пористый“, „игристый“ и под. Другіе виды образованій *по аналогіи*, въ частности, *по семазіологической аналогіи*, мы имѣемъ въ нижеслѣдующемъ. Въ прикащицкомъ языкѣ, напримѣръ, слово „купоньчикъ“ имѣетъ *спеціальное* значеніе „отрѣзокъ сукна (матеріи) *на брюки*“; срв. „купонъ“ билета и под. Слово „тройка“ означаетъ въ этомъ языкѣ то, что въ литературномъ—слово „пара“ (пиджакъ, жилетъ и брюки или сюртукъ, жилетъ и брюки...) Надо думать, что въ данномъ случаѣ произошло своего рода раціоналистическое осмысленіе взаимоотношеній въ понятіяхъ, выражаемыхъ словами „пара“ и „тройка“: пара лошадей, пара гнѣдыхъ, пара сѣрыхъ и проч., пара сапогъ, перчатокъ, носковъ и проч.; но слово „тройка“ означаетъ не „пару“, не двѣ единицы, а—три: „тройка лошадей“, „тройка“=три единицы, откуда и три вещи изъ мужского платья—тоже „тройка“. Но провинціальный *классовый* языкъ не справился съ задачей построить правильную аналогію: слову „тройка“ въ общемъ значеніи, не про лошадей, соотвѣтствовало бы слово „двойка“, но *про костюмъ* такъ здѣсь не говорятъ въ классовомъ языкѣ, а слову „пара“ (только про лошадей) соотвѣтствуетъ въ литературномъ русскомъ языкѣ только слово „тройка“ (тоже только про лошадей). Такъ произошло накопленіе лишняго значенія слова „тройка“ въ классовомъ языкѣ по аналогіи съ значеніемъ „тройка“=*три* единицы, *три* предмета.

Морфологической же аналогіи (путемъ присоединенія знакомыхъ суффиксовъ къ новымъ основамъ) обязаны своимъ происхожденіемъ и слѣдующія новыя слова: „подарочныя вещи“ (=для подарковъ. Казан. газета „Камско-Волжская Рѣчь“), „прожиточныя деньги“ (ibid.). Въ послѣднее время, послѣ смерти Соболевскаго, редактора „Рус. Вѣд.“, я замѣчаю и въ передовыхъ статьяхъ этой солиднѣйшей газеты съ прекраснымъ литературнымъ (московскимъ) языкомъ особенности недавняго происхожденія: такъ, въ № отъ 16-го марта 1916 г. въ передовой статьѣ: „*прожиточный* минимумъ“ и въ скобкахъ—Existenzminimum. „Систему мѣръ къ устраненію продовольственнаго, *отопи-*

тельнаго и иныхъ хозяйственныхъ кризисовъ". „*Топливный* матеріалъ"—Р. В. 1916 г. 6-го апрѣля. „*Рантьеру* будетъ предоставлена возможность"—ib. 1916. III. 16. Франц. *rentier*. Не знаю, чѣмъ объясняется это измѣненіе въ языкѣ передовыхъ статей „Русскихъ Вѣдомостей", но это, несомнѣнно, небрежность языка, а не его обогащеніе путемъ образованій по аналогіи. Въ виду того, что образованія по принципу *семазіологической* аналогіи попадаютъ своими морфологическими элементами въ категорію образованій *по морфологической* аналогіи, иногда бываетъ трудно разграничить эти двѣ категоріи. Срв. также склоненіе слова „трамвай" по аналогіи съ „обычай": англ. "tramvay" и проч.

Такихъ измѣненій по принципу аналогіи мы могли бы указать въ каждомъ живомъ языкѣ очень много, но и приведенныхъ примѣровъ какъ удачной, такъ и неудачной аналогіи, совершенно достаточно для нашихъ методологическихъ цѣлей.

Остановлюсь теперь на слѣдующей категоріи образованій по *синтактической аналогіи*.

Извѣстно, что сложные глаголы съ префиксами (изъ старыхъ предлоговъ) пошли въ языкѣ въ своей конструкціи (въ своемъ управленіи) за предлогомъ, т. е. требуютъ повторенія предлога, ставшаго однако въ сложеніи съ глаголомъ уже *не предлогомъ*, не самостоятельнымъ словомъ (хотя предлоги и не должны разсматриваться въ языкѣ, какъ *самостоятельныя* слова), а только *частичнымъ словомъ*, т. е. эта глагольная конструкція образовалась *по аналогіи не глагольной, а предложной*. Такъ, въ древнемъ русскомъ языкѣ говорилось: отълоученъ сѣньмища боудетъ—л. 7 об.; въ О. Е. сѣборища, а потомъ и нынѣ: „отлученъ отъ церкви" и под. Или: „отходя свѣта сего" (Вкладная XIV в., Духовная 1656 г. Декабря 24. АЮ. № 426. Изд. Арх. Ком. СПБ. 1838 г. и мн. др.), а нынѣ: „отходя отъ свѣта"; срв. „отойди отъ свѣта", „отойти отъ дома" и проч. Вообще, сочетаніе глаголовъ съ предлогами—префиксами внесло въ синтаксисъ русской рѣчи настолько большія измѣненія, что, можно сказать, почти весь строй русскаго языка былъ потрясенъ этими измѣненіями, и человѣку, привыкшему говорить, читать и мыслить въ формахъ современнаго намъ синтаксиса, очень трудно бываетъ безъ словаря и безъ разысканій чисто индуктивнымъ путемъ той связи, которая дѣлаетъ непрерывнымъ весь процессъ жизни языка, перевести старую отжившую русскую рѣчь на современный стиль (=систему оборотовъ рѣчи). Къ сожалѣнію, *у насъ до сихъ поръ нѣтъ и историческихъ словарей, какъ матеріала для историческаго синтаксиса русской рѣчи*. Поэтому попробую дать собственные примѣры изъ своего опыта и на нихъ уяснить методологическое ихъ значеніе.

Извѣстно, напримѣръ, что глаголъ судити въ древнемъ русскомъ языкѣ по своему значенію въ отношеніи къ управляемому имъ слову (дополненію, объекту) принадлежалъ къ разряду непереходныхъ глаголовъ, однако съ переходнымъ значеніемъ, т. е. къ разряду *среднихъ* глаголовъ. Такъ, возьму прежде всего *синтаксисъ падежей*, т. е. *при-*

БИБЛІОТЕКА „CARAIMICA"
Ивана Сергѣевича
НЕРУЧЕВА (КРУГЛЕВИЧ)
№ _____ г. Одесса

мѣры словосочетаній въ формахъ предложной и безпредложной зависимости между различными грамматическими категоріями словъ (именами существительными и глаголами). Такъ, въ древнемъ русскомъ языкѣ мы имѣемъ: въ О. Е. вѣмь ꙗко ѥсть въ истинѣ сѫпасъ мироу—л. 32 об.; однако въ Арх. Ев. ꙗко сь ѥсть въистиноу сп҃съ мира—л. 3 об. Или: андреа братъ симоноу петроу—л. 34 об.; въ Арх. Ев. андрѣа братъ симона петра—л. 5. Срв. въ О. Е. нынѣ сѫдъ ѥсть мироу семоу—л. 42 об., а въ Арх. Ев. нынѣ соудъ ѥсть мира сего—л. 12; въ О. Е. да сынове свѣтоу вѫдете—л, 43, въ Арх. Ев. такой оборотъ еще употребителенъ: здѣсь, противъ обыкновенія, находимъ: да сн҃ове свѣтоу боудете—л. 12 об. Срв. въ Арх. Ев.: разгнѣвавъсѧ гн҃ъ домоу—л. 62 и 62 об. (Здѣсь, быть можетъ, форма домоу еще *род.* падежъ отъ не забывшихся въ словосочетаніи основъ на „*й*“). Срв. въ современномъ языкѣ: „онъ братъ *ему*“; „ты больше *мнѣ* не другъ“; „онъ—родственникъ *князю*“; „онъ—*намъ* отецъ“. (Срв. въ Послѣсловіи д. Григорія 1057 г.: близокоу сѫщоу изѧславоу кънѧзоу—л. 294).

Само собой разумѣется, что отправной точкой такихъ оборотовъ, какъ: „спаситель мира“ и „спаситель миру“, „судъ мира“ и „судъ миру“, „сынъ свѣта“ и „сынъ свѣту“ и проч. послужило то обстоятельство, заключавшееся *въ самыхъ формахъ словъ*, что форма дательнаго падежа имени могла означать опредѣленную *зависимость имени отъ глагола непереходнаго, но съ переходнымъ значеніемъ* (глаголы *средніе* по отношенію къ объекту): напр., „помогать *кому*“, отсюда и „помощь *кому*“, „дарить *кому*“, отсюда и „даръ *кому*“; „дать *кому*“, отсюда и „дача *кому*“; „завидовать *кому*“, отсюда и „зависть *кому*“, „принадлежать *кому*“ и „принадлежность *кому*“ и под.

Вообще, если принять за отправную точку (исходный пунктъ) *глагольное управленіе*, то процессъ синтактическихъ образованій *по аналогіи* значительно уяснится, въ особенности, если мы постоянно будемъ имѣть въ виду состояніе древняго русскаго языка (съ XI-го вѣка), въ которомъ *значенія словъ, пріобрѣтаемыя этими послѣдними въ формахъ словосочетанія, гораздо прозрачнѣе, чѣмъ въ современномъ намъ русскомъ языкѣ, который носитъ въ себѣ всю пережитую имъ исторію и сохраняетъ слѣды словосочетаній и формъ различнаго времени по своему происхожденію.* Такъ, если мы представимъ себѣ эволюцію оборота близокъ изѧславоу кънѧзоу при посредствѣ происшедшаго тождества на фонетической основѣ формъ близькъ (ὁ πλησίον) и близокъ, то переходъ отъ прилагательнаго къ существительному съ переносомъ и конструкціи прилагательнаго на существительное явится для насъ совершенно понятнымъ въ силу законовъ ассоціаціи: срв. „онъ *намъ* близокъ“, „онъ близокъ *брату моему*“. Слово близокъ (существительное) древнерусскаго языка нынѣ уже исчезло: его нѣтъ теперь. Но, напр., слово „своякъ“ имѣетъ и происхожденіе, и управленіе такое же, какъ слово „близокъ: „онъ *мнѣ* своякъ“, „онъ *мой* своякъ“, „онъ *ему* своякъ“ и „онъ *его* своякъ“... Равнымъ образомъ въ глаголахъ: др. русское „судить *кому*“, отсюда „судъ *кому*“, „судья

кому“ и проч. Срв. въ О. Е. азъ не сѫждѫ емоу—л. 44. Въ Арх. Ев. азъ не соужю емоу—л. 13. несоужю емоу—л. 88 об., соужю миром у—л. 88 об. и по законоу вашемоу соудите емоу—л. 103 об. Срв. наше: „суди ему Богъ!“ Срв. также: „судить *кого*“, но „присудить *кому*“. Срв. также *сохраненіе глагольнаго управленія* (по аналогіи) въ: „торговать *чаемъ*“ и „торговля *чаемъ*“; „платить *товаромъ*“ и „плата *товаромъ*“; „рисовать *красками*“ и „рисовка *красками*“; „нагружать *пескомъ*“ и „нагрузка *пескомъ*“ и мн. др.

Глагольное управленіе древняго русскаго языка крайне интересно по своей выдержанности сравнительно съ управленіемъ глагола современнаго русскаго языка: можно прослѣдить по др. русскимъ письменнымъ памятникамъ и указать, что новый синтаксисъ падежей (=управляемыхъ словъ въ глагольныхъ сочетаніяхъ) развился изъ смѣшенія старыхъ оборотовъ другъ съ другомъ по взаимной аналогіи разнаго времени. Такъ, мы видѣли род. падежъ (separationis?) въ словосочетаніи „отходя сего свѣта“ въ др. русскомъ языкѣ; такъ же мы видимъ: „дошедъ *конца* книгамъ“ или „дошедшю ему *черные рѣки*“ (Лавр. п. 886 г.) Или: Пищаньци *волъчья хвоста* бѣгають“ (Лавр. п. 984 г.). Срв. наше „Князь Курбскій *отъ* царскаго гнѣва бѣжалъ“ (А. К. Толстой). Между тѣмъ какъ въ древнемъ русскомъ языкѣ бѣгати управляетъ род. падежомъ *безъ предлога* (separationis?), а избѣгати (избѣгноути) управляетъ род. падежомъ съ предлогомъ „*отъ*“: яко мало ихъ *отъ* таковыя бѣды избѣгнути (Лавр. 866 г.); ѿ мѣра сего ѣзыти—Паис. Сб. (Буслаевъ. И. Х. 522); въ современномъ намъ языкѣ—наоборотъ: „бѣжать *отъ* опасности“, но „избѣжать *опасности*“. Вообще, видно, что обороты родительнаго *удаленія* (separationis) перенлетались съ оборотами родительнаго *приближенія (достиженія*, limitationis?), и предложное управленіе съ предлогами изъ и отъ, первоначально гарантировавшее точный смыслъ при *безпредложномъ* родительномъ падежѣ въ сочетаніи съ *предложнымъ* глаголомъ, мало-по-малу стало терять эту гарантію, явилась потребность повторенія предлога „изъ“ и „отъ“, а отсюда—вліяніе одной конструкціи на другую. Въ этомъ послѣднемъ процессѣ я считаю отправнымъ пунктомъ оборотъ gen. partitivus (частичный?) съ предлогомъ отъ. Напримѣръ: въ О. Е.: вьсѣкъ пиѭи отъ воды сеѭ—л. 30, или: пиѣть отъ водꙑ—ib. (Но въ Арх. Ев. въ этомъ случаѣ: пиѣть водꙑ—л. 1). Повидимому, и этотъ процессъ очень скоро поддался аналогіи: это видно изъ сопоставленія оборотовъ, относящихся сюда, въ древнихъ русскихъ памятникахъ уже XI-го вѣка: О. Е.: ѣи даждь ми сиѭ водѫ—л. 30, при Арх. Ев.: дажь ми сиа водꙑ—л. 1 (срв. выше—отъ). Или: кѣто отъ васъ обличаѣть мѧ о грѣсѣ—О. Е. л. 33... отъ фарисеи... ib. л. 35; вѧхѫ же елини нѣцин отъ вѣшьдѣшихъ—л. 41 об.; въ Арх. Ев.: вѧхоу же ѣлини ѣтери ѿ вѣшьдѣшиихъ—л 11.

Видно, что *род. частичный безъ предлога „отъ*“ (см. выше—изъ Арх. Ев. л. 1) могъ образоваться лишь на почвѣ употребленія глаголовъ *переходныхъ съ отрицаніемъ „не*“, какъ мы сейчасъ увидимъ на

примѣрахъ древнѣйшаго русскаго языка. Срв.: 1) при именной формѣ глагола (supinum, достиг. накл.): почрѣтъ водꙑ—О. Е. л. 30 и почрѣтъ водꙑ—А. Е. л. 1. Это органическое употребленіе, вѣроятно, *исконное*, какъ и: „люблю *мать*“, но „любовь *матери*“; „пью *воду*“, но „питье *воды*“; „читаю *книгу*“, но „чтеніе *книги*“ и проч. Это, надо думать, появилось въ языкѣ до вліянія отрицанія *не* на управляемое имя при переходныхъ глаголахъ. 2) Но появленіе новой силы отрицанія *не* сдѣлалось *вторымъ* факторомъ возникновенія словосочетаній съ родительнымъ падежомъ безъ предлога, и въ эту эпоху сосуществованія двухъ этихъ факторовъ одновременно (gen. determinativus при именныхъ формахъ—склоняемыхъ и gen. при отрицаніи (negationis?)) родительный частичный (gen. partitivus) получилъ возможность употребляться *безъ предлога* „отъ“ (а потомъ и „изъ“). Срв. обороты: дажь ми водꙑ—Арх. Ев. л. 1, да брашьна коупѫть—Арх. Ев. ibid. Срв. въ О. Е.: да брашьно коупѫть—л. 30; или: тꙑ иудѣи сꙑ ѿ мене водꙑ просиши—Арх. Ев. л. 1.

Весь этотъ процессъ я представляю себѣ исторически въ такомъ видѣ:

I. Склоняемое имя искони управляло въ слав. языкахъ родительнымъ падежомъ безъ предлога источьникъ водꙑ—О. Е. л. 30. Арх. Ев. л. 1 (род. субъекта и род. объекта) и дательнымъ падежомъ безъ предлога (дат. опредѣленія, собственности: скрыжьтъ зѫбомъ, домъ молитвѣ...) Пока супинъ (достигат. накл.) сознавался, какъ форма склоняемаго имени, онъ управлялъ род. падежомъ безъ предлога; отсюда до XI-го вѣка дошли обороты: вꙑниде їс̑ъ въ домъ хлѣба ѣстъ—О. Е. л. 109. Въ Арх. Ев. бꙑсть вънити і҃сви въ домъ хлѣба ѣстъ—л. 64 об. изидоша же видѣтъ вꙑкꙑшааго—Арх. Ев. л. 56 об. Однако въ XI вѣкѣ еще замѣчается не укрѣпившееся употребленіе формъ род. и дат. падежей, какъ формъ управленія склоняемыхъ именъ: братъ симоноу и братъ симона; домъ молитвѣ и домъ молитвꙑ и др. Въ этой временной неустойчивости формъ управленія, зависѣвшихъ отъ склоняемыхъ именъ, надо видѣть почву, благопріятную въ языкѣ для смѣшенія формъ одной категоріи съ формами другой категоріи. Въ эту же древнѣйшую эпоху (до распаденія рус. языка) былъ извѣстенъ цѣлый рядъ глаголовъ среднихъ (непереходныхъ, но съ переходнымъ значеніемъ) въ родѣ „помогать“ съ дат. падежомъ объекта, который сохранялся по аналогіи съ глагольнымъ управленіемъ и при именахъ сходнаго значенія (семазіологически тождественныхъ), напр., *„помощь“*, *„судъ“* и проч. Это обстоятельство еще болѣе укрѣпило собой управленіе дательнымъ падежомъ при именахъ рядомъ съ управленіемъ родительнымъ падежомъ. Однако одновременно съ глаголами *средними, непереходными* (съ дат., род., твор. падежами объекта) [Напримѣръ: глаголъ мьстити прежде управлялъ *род.* падежомъ объекта: мьсти мене отъ сѫпьра—О. Е. л. 114 об. Срв. въ Арх. Ев. мьсти мене ѿ соупьрѫ моегѡ—л. 69. *Такъ же* плакати: рахиль плачющю чадъ своихъ—Арх. Ев. л. 146 об., ненавидѣти—Арх. Ев. л. 11 об. Гл. рѫгатисѧ управлялъ *дат.* падежомъ, какъ и глаголъ тьрпѣти: рѫгаахоусѧ немоу—Арх Ев. л. 55. тьрплю вамъ—

об. 81 об. Глаголы: женитися, наводити—съ *твор. п.*: О. Е.: и женяися потъвѣгоѫ—л. 74 об. Въ Арх. Ев.: и женяися потъвѣгою прѣлюбы творить—л. 39. Въ Лавр. сп. лѣтописи подъ 1024 г. читаемъ: „Богъ наводить по грѣхомъ на куюждо землю *гладомъ*, или *моромъ*, ли *ведромь*, ли *иною казнью*“...] въ языкѣ существовали и глаголы *переходные* (съ вин. п. безпредложнаго объекта). Каждая категорія изъ перечисленныхъ въ сознаніи говорящихъ должна была вовлекать въ сферу своего вліянія смежныя категоріи по закону ассоціаціи, т. к. всѣ эти категоріи были очень и очень употребительны и многочисленны по количеству обнимаемыхъ ими случаевъ. При старомъ еще управленіи склоняемыхъ именъ родительнымъ падежомъ имени по преимуществу (кромѣ именъ семазіологически-тождественныхъ съ непереходными глаголами. См. выше), получалась въ эту же эпоху русскаго языка возможность развитія синтаксиса падежей и глаголовъ въ различныхъ направленіяхъ. Такъ:

а) „домъ отца“, „любовь матери“, „домъ молитвѣ“, „скрежетъ зубо́мъ“;

б) судити, помогати, бѣгати, боятися, ненавидѣти...: „судъ человѣку“, „помощь брату“, „боязнь гнѣва“, „ненависть врага“...

в) „люблю, чьту отець мой“; „пью воду живу“... Срв. въ О. Е. и своѫ овьцѫ глашаѥть—л. 35 об. Въ Арх. Ев... зоветь — л. 6. Или: вѣроуѥши въ сынъ (Арх. въ сна—л. 10)—л. 40 об. Срв. еще въ О. Е. л. 47 и въ Арх. Ев. л. 16=вин. и род. падежи. Еще въ Арх. Ев. *род.*: л. 15, 45 об., 51, 95: поражю пастоуха.

II. Развитіе *отрицательнаго* управленія при *переходныхъ* глаголахъ съ отрицаніемъ „*не*“ и родительнымъ падежомъ безпредложнаго объекта: „не люблю отца“, „не пью воды“...

На этой почвѣ, я думаю, надо усматривать начало развитія оборотовъ: „чьти отца твоего“, дажь ми водъı.

Дифференціація родительнаго объекта (изъ стараго винительнаго) и родительнаго частичнаго (partitivius): вижю брата, пии водоу, не пии водъı и дамь ти водъı живъı, хотя рядомъ еще: дамь ти водоу живоу.

III. Развитіе конструкціи *глаголовъ удаленія и приближенія*. Эти акты, процессы удаленія и приближенія, вызвали въ языкѣ развитіе *предложныхъ глаголовъ* съ префиксами—предлогами отъ, до, из... И въ этой области начались новыя ассоціаціи: а) при предложномъ глаголѣ—безпредложное имя

и—предложное имя

„отходя свѣта“—послѣ: „отъ свѣта“.

„избѣгать опасности“. Срв. бѣгають волчья хвоста, отрицатися сотоны—Бусл. И. Х. 523 и др.

б) Предлоги „отъ“ и „изъ“ вошли въ конструкцію предложныхъ глаголовъ и вытѣснили предлогъ—префиксъ при глаголахъ: „бѣгать отъ“, „бѣжать изъ“...

IV. Родительный частичный получилъ конструкцію глаголовъ *удаленія* съ предлогомъ „отъ“, „изъ“, причемъ глаголъ потерялъ свои префиксы: „отопью воды“, „пью отъ воды“...

Здѣсь: а) Получились обороты и безпредложныхъ глаголовъ при безпредложномъ имени объекта *по аналогіи* съ конструкціей предложныхъ глаголовъ (удаленія и приближенія) съ безпредложнымъ именемъ объекта: „пью воды“, „дай воды“, „ѣмъ хлѣба“...

б) Безпредложныхъ глаголовъ при предложномъ имени объекта: „бѣжать волчья хвоста“ ⟹ „отбѣжать волчья хвоста“, „бѣжать отъ волчья хвоста“, „отбѣжать отъ волчья хвоста“. Срв. „Князь Курбскій *отъ* царскаго гнѣва бѣжалъ“. У Пушкина: „Бѣжалъ онъ ихъ бесѣды шумной“. Евг. Он. II. 11.

в) Предложныхъ глаголовъ при безпредложномъ имени объекта: ѿрицаёмъ сотонꙑ и всѣхъ дѣлъ ёго и всѣхъ анг҃лъ его. Буслаевъ. И. Х. 523. Срв. причастиѣ трапезѣ—ib. 524. (Паис. Сб. XIV в.). Или: не прикасаѭть бо сѧ иудеи самарѣнехъ—О. Е. л. 30. Въ Арх. Ев.: не прикасаютъ бо сѧ самарѧне иудѣиχъ—л. 1.

Но рядомъ и: О. Е.: тогда прикоснѧсѧ очесоу има—л. 68 об. Въ Арх. Ев.: тъгда косноу ѧ въ очи—л. 33 об. Или: косноусѧ кмь глѧ—Арх. Ев. л. 28. и прїкосноусѧ роукоу ёѧ—л. 29 об. прикосноусѧ очию има—л. 40 об. Срв. въ слѣдующемъ мѣстѣ Арх. Ев. род. частичный съ предл. *отъ* и предложный глаголъ съ префиксомъ *при* и мѣстнымъ п. объекта, какъ и въ Паис. Сборникѣ выше: ктоже ѿ васъ пекꙑисѧ можетъ приложити тѣлѣ своемь локъть единъ—л. 28 об.—29. Или: и си вьсѧ приложѧтьсѧ васъ—Арх. Ев. л. 29. къто ѥсть прикосноувꙑисѧ мнѣ—л. 54. ...кмь—л. 54 об. искаше прикасатисѧ кмь—л. 134 об. и др. под. Срв. также при этомъ глаголѣ, но безъ префикса: косноусѧ въ одръ—Арх. Ев. л. 51. косноу ѥго въ ꙗзꙑкъ—ib. л. 81. Наконецъ, этотъ же глаголъ, сложный съ предл.—префиксомъ *при*, имѣетъ вм. мѣстнаго падежа объекта родительный объекта: прикосноусѧ ѥго—А. Е. л. 78 об. Срв. конструкцію гл. „касаться“, „прикасаться“ и образовавшіяся отсюда смѣшанныя разновидности: род. объекта при гл. „касаться“ и мѣстный объекта (впослѣдствіи, послѣ паденія мѣстнаго падежа, предложный падежъ съ предл.; дат. п. безъ предлога и съ предл. „*къ*“ съ дат. п.) при гл. „прикасаться“ въ современномъ русскомъ языкѣ: „Коснуться *до* всего“—Пушкинъ. Е. О. I. 5. „Коснуться *милыхъ ногъ*“—Пушк. ib. I. 33. „*Земли* касается она“—Пушк. Е. О. VII. 52. „Коснулась *трепетнымъ устамъ*“—Пушк. Русл. и Людм. V и у Пушкина же съ предл. „*къ*“.

V. Полагаю, что позже всѣхъ этихъ процессовъ, какъ видно изъ анализа синтактическихъ оборотовъ древнѣйшихъ русскихъ памятниковъ письменности, развилось употребленіе родительнаго падежа объекта при томъ отрицаніи „*не*“, которое отрицаетъ не управляющій винительнымъ падежомъ (объектомъ) глаголъ, а совсѣмъ другой, составляющій какъ бы вспомогательный при главномъ глаголѣ. Напр., въ родѣ: „я уважаю этого человѣка“, „я уважаю твою настойчивость“, „я люблю свою куклу“; но: „я *не* уважаю *этого человѣка*“, „я *не* уважаю *твоей настойчивости*“, „я *не* люблю *своей куклы*“. И впослѣдствіи: „я *не могу* уважать этого человѣка“; „я *не могу* уважать *твоей настойчивости*“; „я *не могу* любить *своей куклы*“ и под. Такіе обороты были и въ древности. Срв. въ О. Е.: ни почьрьпалѣника имаши—л. 30. Арх. Ев.: ни почьрпала имашн—л. 1. Въ О. Е. л. 33 об.: не имать вькоусити съмьрьти въ вѣкъ; то же и въ Арх. Ев. л. 4. Или: съмьрьти не имать видѣти въ вѣкъ—О. Е. л. 33 об. Въ Арх. Ев. то же: съмьрти не имать видѣти въ вѣкы—л. 4. Срв. также смѣшанная конструкція, обязанная своимъ происхожденіемъ вліянію оборотовъ переходныхъ глаголовъ съ отрицаніемъ, въ Арх. Ев.: никто же свѣтильника вьжьгъ покрываетъ его криною или подъ одръ подълагаетъ—л. 53. Срв. не имать къде главы подъклонити—л. 59; и не далъ бы подъкопати домоу своего—л. 61 об. Или: азъ ни единоя вины овръталю въ нѣмь—л. 104 и др. Срв. нынѣ: „курю папиросы“, „не курю папиросъ“, „не $\frac{\text{хочу}}{\text{могу}}$ курить папиросъ“ и „не $\frac{\text{хочу}}{\text{могу}}$ курить папиросы“ и проч. Такіе обороты встрѣчаются сплошь и рядомъ нынѣ и у нашихъ образцовыхъ писателей. Срв. употребленіе формы „ничего“ вм. „ничто“, а отсюда и—„чего“ вм. „что“: „Изъ ничего *ничего не бываетъ*“ вм. „ничто не бываетъ“; діалектически: „*чего вы пишите*“, „*чего вы работаете*“; „*чего вы шьете* по рукодѣлью“? (Письмо одной гимназистки изъ Лаишева Каз. губ.); „*чего у васъ болитъ?*“ (Вопросъ профессора-терапевта въ Казани). Срв.: „ничего не пишемъ“, „ничего не работаемъ“, „ничего не шьемъ“, „*ничего* не болитъ“ вм. „ничто не болитъ“. Такимъ образомъ, „ничего“ вм. „ничто“ (т. е. род. вм. им.—вин. п.) нынѣ допускается *всѣмъ русскимъ языкомъ, не исключая и литературнаго языка*, а „чего“ вм. „что“—*только діалектически*.

Сочетаніе предложеній.

Какъ въ синтаксисѣ падежей, такъ и въ синтаксисѣ предложеній (=законченныхъ словосочетаній съ именительнымъ падежомъ и согласованною съ нимъ формою сказуемости*)) русскій языкъ въ его исто-

*) См. мои: „Ученіе Вундта и Пауля о предложеніи“. Изв. II. отд. А. Н. 1910 г. Т. XV, кн. 4. „Основы синтаксиса р. языка“—Р. Ф. В. 1910. № 3 и 4 и 1913 г. № 4. А также: „Основы синтаксиса р. языка“. 1914 г. 3-е изданіе. А также Предисловіе къ моему „учебнику синтаксиса“ для средней школы. Казань. 1913. (Изд. Башмаковыхъ. М. 1913. Нынѣ печатается 2-е изданіе). См. также *Е. К. Тимченко*: „Функціи генетива въ южнорусской языковой области“. Р. Ф. В. 1913 годъ.

рическомъ развитіи даетъ намъ чрезвычайно цѣнныя въ методологическомъ отношеніи указанія. Именно, съ помощью данныхъ изъ исторіи языка мы можемъ составить ученіе о методахъ изслѣдованія языковыхъ явленій и установить общія направленія тѣхъ путей, которыми должно идти: 1) установленіе факта языка, 2) взаимоотношеніе установленныхъ фактовъ во времени и въ нарѣчіяхъ языка и 3) выводъ, какъ законъ языка или какъ (въ извѣстныхъ случаяхъ) матеріалъ для отысканія закона.

Въ области предложеній самое главное вниманіе изслѣдователя обращается на роль причастныхъ формъ, т. к. причастныя формы глагола даютъ оригинальный матеріалъ для новой постановки синтактическихъ вопросовъ. Прежде всего мы считаемъ доказаннымъ въ нашихъ прежнихъ трудахъ („Основы синтаксиса русскаго языка“ въ журналѣ Р. Ф. В. за 1910 и за 1913 годы), во-первыхъ, то, что прежде въ древне-русскомъ языкѣ (мы разумѣемъ *письменный языкъ, который и беремъ* во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ по синтаксису русскаго языка *за исходную область, за отправный пунктъ*. См. Р. Ф. В. 1913 г. № 4-й) формы причастія безчленнаго типа служили и формами сказуемости, т. е. замѣняли собой формы времени, наклоненія, залога и лица. Этотъ процессъ обязанъ своимъ возникновеніемъ тому типу сказуемаго, который является по своему составу сложнымъ, т. е. именнымъ сказуемымъ при вспомогательномъ глаголѣ. Именную часть этого сказуемаго составляла форма причастія на—„*лъ*“ въ соотвѣтственномъ падежѣ, числѣ, родѣ и съ соотвѣтственной формой вспомогательнаго глагола. Изъ этой ячейки, т. е. изъ формъ сложныхъ временъ глагола, процессъ „*оглаголенія*“ перешелъ и на другія причастныя формы, кромѣ формъ на „*-лъ*“, а форма вспомогательнаго глагола стала атрофироваться сперва въ 3-мъ лицѣ ед. и мн. числа, причемъ оставалась только *именная* часть составного сказуемаго при подлежащемъ въ именительномъ падежѣ, а потомъ *и безъ отдѣльнаго слова* въ имен. падежѣ (=безсубъектное предложеніе, но *не безличное*. См. объ этомъ ниже), а далѣе стали опускаться и формы сказуемости 1-го и 2-го лица всѣхъ чиселъ. Рядомъ съ этимъ глагольная часть составного сказуемаго, пока глагольныя формы *еще не опускались*, могла быть и *не вспомогательнымъ глаголомъ, а вещественнымъ;* напр.,

„*Усталый шелъ* крутой горою путникъ;
Съ усиліемъ *передвигая* ноги,
По гладкимъ онъ скаламъ горы *тащился*
И наконецъ *достигъ* ея вершины“...
(Жуковскій. Выборъ креста).

Въ этихъ четырехъ строкахъ стихотворенія Жуковскаго мы имѣемъ пять формъ старыхъ причастій, и одну изъ нихъ въ *членной* формѣ („усталый“; причастіе есть отглагольное имя прилагательное), остальныя четыре—безчленныя формы („шелъ“, „тащился“, „передвигая“, „достигъ“. Здѣсь третья по порядку форма—наст. времени, а прочія прош. времени). Членную форму („усталый“) мы возьмемъ,

какъ *опредѣленіе*, т. к. этого требуетъ самое образованіе этой формы, хотя въ древности *и безчленная* форма служила опредѣленіемъ имени, какъ и до сихъ поръ въ *народномъ* русскомъ языкѣ: напр., *„красна* дѣвица". Такимъ образомъ, это четырехстишіе въ древнемъ русскомъ языкѣ, если бы мы переложили его на древній языкъ, звучало бы приблизительно такъ:

Усталъ шелъ (есть) крутой горою путникъ;
Съ усиліемъ бѣ передвигая ноги,
По гладкимъ онъ скаламъ горы тащился (есть)
И наконецъ достиглъ (есть) ея вершины.

Примѣры изъ другихъ памятниковъ см. ниже.

Во-вторыхъ, такое причастіе въ др.-р. языкѣ, измѣняясь по падежамъ, прикрѣплялось къ своей глагольной части и вмѣстѣ съ этой послѣдней при согласованіи съ другими склоняемыми формами глагольнаго происхожденія, образовывало такой членъ предложенія, который не достигалъ развитія въ самостоятельное предложеніе, а оставался только *частью*, или *членомъ предложенія*. (Напр., dat. absolutus= дат. самост. и под. См. мою статью въ Р. Ф. В. 1913 года. № 4).

Пояснимъ эти два положенія, добытыя нами изъ изученія синтаксиса причастныхъ формъ въ ихъ исторіи въ словосочетаніяхъ и уже опубликованныя нами раньше въ другихъ трудахъ (см. наши „Основы синтаксиса" въ Р. Ф. В. 1910 и 1913 г.г.), на примѣрахъ и представимъ теперь историческій процессъ развитія глагольности (=сказуемости) причастныхъ формъ, какъ мы себѣ его (историческій процессъ) воображаемъ:

Первое положеніе (причастная форма могла служить сказуемымъ) доказывается тѣмъ, что такую форму прежде въ русскомъ языкѣ можно было связать соединительнымъ союзомъ *„и"* со сказуемымъ (verb. finitum). Напр., сказавъ и отиде и под. (см. мои „Основы"). Второе положеніе (прикрѣпленіе причастной формы, т. е. такого сказуемаго, къ склоняемому имени и образованіе вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ одного синтактическаго *цѣлаго* при помощи согласованія, т. е. уподобленія имени и причастной формы въ родѣ, числѣ и падежѣ) доказывается развитіемъ изъ причастныхъ формъ—сказуемыхъ, согласованныхъ съ именами, особыхъ оборотовъ, какъ напр., *дательнаго самостоятельнаго* и под., на почвѣ уже развитого синтаксиса падежей: дат. *времени*, напр., архиєрѣи сѣ лѣтоу томоу—А. Ев. л. 10 об., мѣстн. *времени*, напр., исцѣлѣ отрокъ єго томь часѣ—ib. л. 38, род. *времени*, того же лѣта и под. постоянно въ лѣтописи и другихъ др.-р. памятникахъ письменности, твор. *мѣста*, миноути поутьмь тѣмь—А. Ев. л. 31 и другихъ (см. мои „Основы"). Такимъ образомъ, въ древнѣйшую эпоху русскаго языка мы имѣемъ составное сказуемое (именная часть—причастіе на *„-лъ"* и вспомогат. глаголъ: далъ єсмь, єси, єсть... дала, дало, дали...). Въ этомъ составномъ сказуемомъ именную часть могло представлять не только причастіе на *„-лъ"*, но и другія (какія угодно) причастныя формы: єсмь оучѫ, оучивъ; бѣ оучѫ, боудоу оученъ,

распѧтъ... Опущеніе вспомогательнаго глагола при причастіи на „-лъ“ вызвало собой аналогичное опущеніе глагола при другихъ формахъ причастія и развило самостоятельность причастной формы и его синтическое значеніе сказуемаго: ѣзъ далъ ѥсмь, потомъ ѣзъ далъ..., потомъ—ѥсмь оучѧ, оучивъ..., потомъ: влѣзъ въ корабль и рече..., ѣзъ далъ и рекохъ..., испытавъ и иде... испытавъ иде..., разболѣвъсѧ и оумре... Это, я полагаю, были три послѣдовательныя эпохи развитія синтактическаго употребленія причастныхъ формъ въ древнѣйшее время. Формы же согласованія, вызвавшія собой въ этой сферѣ причастій, новые типы причастныхъ оборотовъ, какъ напр., шедъше испытаите врѣмѧ ѩвльшѧѥсѧ звѣздъı, которые дали начало развитію такихъ оборотовъ, въ которыхъ замѣчается уже участіе синтактическаго значенія падежей, появились, надо полагать, нѣсколько позже и составили четвертую по времени эпоху. Такъ, положимъ, было въ русской рѣчи: и приспѣ осень и помѧноу олегъ конь свои; приспѣ осень=осень приспѣвши (Срв. и донынѣ въ русскомъ литературномъ и народномъ языкѣ: „онъ—вставши“; „лошадь запряжомшы“; „онъ—не ѣдчи“; „я уже напившись“ и проч.). Далѣе, такъ какъ въ русскомъ языкѣ этого времени (XI—XII в.) уже извѣстенъ былъ *дателькый падежъ времени*, напр., тои же ночи, томоу же лѣтоу и под., то получилась возможность говорить и писать: и приспѣвъши осени и помѧноу олегъ конь свои, а потомъ: приспѣвъши осени помѧноу олегъ и т. д. Т. е. тотъ оборотъ, который мы привыкли, думаю, по недоразумѣнію, вслѣдствіе образовавшейся традиціи объяснять явленія нашего языка по примѣру старыхъ *грамматиковъ* еще александрійской школы, называть *„дательнымъ самостоятелънымъ“*. (Срв. въ классическихъ языкахъ древности abl. absolutus, genetiv. abs.). Срв. лѣтоу же бъıвъшоу, оутроу же бъıвъшоу, а отсюда и поздѣ же бъıвъшоу и проч. Срв. „къ *сущей* церкви приде“—Лавр. сп. лѣт. Стр. 21. Срв. наше: *„сущая правда“*. Эти обороты понятны только на почвѣ историческаго значенія причастныхъ формъ въ роли бывшихъ сказуемыхъ въ безчленномъ видѣ. Именно: „*къ церкви бывъши (былѣ) сощи приде“ и под. Или: оутро бъıло ѥсть... оутроу бъıлоу соущю... оутроу бъıлоу (или: бъıвъшоу...).

Теперь возьмемъ пояснительные примѣры изъ древнихъ письменныхъ памятниковъ; но предварительно скажемъ, что нашъ синтаксисъ въ исторической перспективѣ представляется намъ совершенно не такимъ, какимъ онъ представленъ въ учебникахъ грамматики нашего времени для школы и даже въ научныхъ сочиненіяхъ западно-европейскихъ славистовъ цѣлаго послѣдняго столѣтія. Невольно удивляешься тому, откуда пошло то синтактическое ученіе, которое проникло и въ наши учебники для средней школы. Одно можно сказать, что *оригиналъ этого ученія взятъ не изъ русскаго языка, т. к. въ русскомъ языкѣ съ древнѣйшаго времени вплоть до конца XVIII-го—начала XIX-го вѣка мы не находимъ того склада русской рѣчи, для котораго оказались бы пригодными правила нашего школьнаго синтаксиса.* Вѣроятнѣе всего, вліяніе сперва французской, а потомъ нѣмецкой ли-

тературной рѣчи, отразилось на нашемъ школьномъ ученіи о синтаксичѣ *русской* рѣчи до такой степени, что русская рѣчь (и въ школьномъ синтаксисѣ, какъ и въ школьной этимологіи; см. нашу „Этимологію“ рус. языка) стала мало-по-малу розсматриваться сквозь призму иностраннаго языка. Сперва было вліяніе грамматики древнихъ классическихъ языковъ, а затѣмъ—вліяніе новыхъ европейскихъ языковъ.

Состояніе нашихъ учебниковъ въ этой области, какъ и состояніе нашей ученой лингвистической литературы, объясняется исторіей нашей науки и нашего просвѣщенія, а потому мы здѣсь касаться этого не будемъ; скажемъ только, что мы и въ наукѣ, и въ просвѣщеніи всегда шли по пятамъ западныхъ нашихъ сосѣдей, а это обстоятельство нерѣдко невыгодно отражалось на успѣхахъ изученія нашей родной страны и родной рѣчи. Поэтому мы сейчасъ беремъ на себя неблагодарную задачу—показать, что *всякій языкъ* (въ данномъ случаѣ,—нашъ родной русскій языкъ) *слѣдуетъ изучать въ немъ самомъ и стараться прослѣдить въ исторической перспективѣ всѣ факты изучаемаго языка въ ихъ повременномъ и діалектическомъ измѣненіи. Только при такомъ изученіи, постаравшись эманципироваться отъ навязанныхъ традиціей представленій о явленіяхъ отечественнаго языка и всматриваясь въ русскій языкъ, какъ въ языкъ, будто бы не изучавшійся еще никогда научно, мы можемъ надѣяться овладѣть научными представленіями всѣхъ особенностей нашего языка.* Въ синтаксисѣ русской рѣчи мы имѣемъ для этого богатый матеріалъ. Продолжая изученіе причастныхъ формъ въ ихъ отношеніи къ структурѣ простыхъ и сложныхъ предложеній и изученіе значеній падежныхъ формъ, мы видимъ, *во-первыхъ*, что такъ называемыя придаточныя предложенія въ древнемъ русскомъ языкѣ *еще не составляли частей, зависимыхъ отъ другихъ предложеній, т. е. не были* **придаточными.** А потому весь синтаксисъ распространеннаго предложенія въ русскомъ языкѣ представляется намъ далеко не совпадающимъ съ синтаксисомъ тѣхъ предложеній, которыя уже въ *позднее* время, подъ вліяніемъ структуры рѣчи западно-европейскихъ языковъ и подъ вліяніемъ учебной литературы нашихъ иностранныхъ сосѣдей, стали у насъ считаться *сложными* предложеніями. *Сложное* предложеніе, т. е. такая система взаимныхъ отношеній въ предложеніяхъ, которая дѣлаетъ современную намъ русскую *литературную* рѣчь какимъ-то цѣльнымъ закругленнымъ выраженіемъ, части котораго взаимно *связаны* цѣлымъ рядомъ служебныхъ частей рѣчи, образующихъ изъ отдѣльныхъ словосочетаній родъ какого-то періода, по своему происхожденію въ русскомъ литературномъ языкѣ представляется явленіемъ сравнительно новымъ и едва ли болѣе старшимъ по времени, чѣмъ періодическая рѣчь Карамзина; еще у Ломоносова періодическая рѣчь является неуклюжею, и его рѣчь въ синтактическомъ смыслѣ давно отжила свое время и погибла. Карамзинская же рѣчь, вслѣдствіе своей структуры на манеръ западно-европейской, въ глазахъ нашихъ предковъ являлась какимъ-то легкимъ, плавнымъ и сравнительно изящ-

нымъ стилемъ, а потому долгое время нравилась публикѣ и поставила Карамзина на неподобающую ему высоту въ исторіи русскаго литературнаго языка (см. *Я. К. Грота*: „Филологическія разысканія"). *Но только историку русскаго языка* видно было, что Карамзинская рѣчь выросла на чужой почвѣ и не имѣетъ подъ собой исторически сложившейся родной, національной почвы. Правы были въ своей основной идеѣ Шишковъ, Макаровъ, Крыловъ и другіе, хотя они и доходили до крайнихъ и потому смѣшныхъ предѣловъ, разрывая своими крайними выводами на практикѣ историческую связь и преемственность языковыхъ явленій и тѣмъ порывая связь съ исторіей языка.

Если мы всмотримся въ два явленія древняго русскаго языка, во-первыхъ, въ употребленіе причастныхъ формъ въ качествѣ verba finita (=сказуемыхъ), а, во-вторыхъ, въ то, что мѣстоименіе „который" (еще ранѣе—иже) вовсе не связывало собой двухъ *различныхъ* предложеній, подчиняя одно предложеніе, начинавшееся съ этого мѣстоименія, другому, будто-бы, поэтому, *главному*, то намъ станетъ понятнымъ, что разъ не было главнаго предложенія, то не могло быть при немъ и *придаточнаго* (опредѣлительнаго, подчиненнаго), а потому и мѣстоименіе „который" (иже) не имѣло для себя соотвѣтствія въ *въ указательномъ* мѣстоименіи другого словосочетанія и само служило *опредѣленіемъ* къ имени, поставленному въ томъ же самомъ словосочетаніи, въ которомъ стояло и мѣстоименіе „который" („иже"). Слѣдовательно, объ *опредѣленной системѣ подчиненія* въ древнемъ русскомъ синтаксисѣ и рѣчи быть не могло: *было не подчиненіе, а сочиненіе предложеній*, и остатки, или слѣды этого древняго русскаго синтаксиса сохраняются и донынѣ въ русскихъ народныхъ говорахъ. (См. выше, а также другіе наши труды по синтаксису русскаго языка и, между прочимъ, наши лекціи на учительскомъ съѣздѣ Каз. Учеб. Округа лѣтомъ 1915-го года). Такими же *„сочиненными"*, а не *„подчиненными"*, представляются намъ и тѣ предложенія, которыя впослѣдствіи учебная литература стала трактовать, какъ „придаточныя дополнительныя предложенія". Нѣсколько ближе по своему характеру къ *„подчиненнымъ"* предложеніямъ стояли *„обстоятельственныя"* предложенія, и то въ томъ только случаѣ, если эти послѣднія вводились *союзами;* при употребленіи же *причастныхъ* формъ, т. е. безъ союзовъ, и они *являлись не отдѣльными членами, подчиненными другому словосочетанію, а сочиненными частями, равноправными съ другими частями одного и того же словочетанія, заканчивавшагося въ рѣчи лишь съ наступленіемъ паузы въ изглашеніи, лишь по окончаніи опредѣленнаго „сустава", или „ритмическаго такта" въ рѣчи.* Напримѣръ, въ древнемъ русскомъ языкѣ мы находимъ (=читаемъ): въ Арх. Ев. л. 2: вы кланяетесѧ іего же не вѣсте мы кланяемъсѧ іего же нѣмъ; въ О. Е. л. 31: вы кланяетесѧ іеже не вѣсте мы кланяемъсѧ іеже вѣмь. Или: въ О. Е. л. 35: чл҃вци же видѣвъше іеже сътвори знаменіе і҃сѹ; въ Арх. Ев. л. 5 об.: чл҃вци же знаменіе видѣвъше іеже сътвори і҃съ. глаахѫ іако сь естъ въ истиноу пр҃окъ грѧдыи въ миръ. Какъ уви-

димъ ниже, въ Арх. Ев. извѣстна была и другая конструкція, какъ и въ Остр. Ев. Или: въ Арх. Ев. л. 83 об.: не вѣста сѧ что просѧща. Срв. л. 110: оўе ѿпоусти имъ не вѣдѧть бо сѧ что творѧще. Или: бѣ же марїа помазавъши ѓа мурѣмь и отьрши ногѣ его власы своими—А. Е. л. 84. Срв. бъıсть идоущю їсви въ поуть—А. Е. л. 58 об. Но *до отправленія* въ путь: бъıсть вънити їсви въ домъ нѣкѣра кънѧзѧ фарисѣиска въ сѧботоу хлѣба iестъ—А. Е. л. 64 об. Или: жьню идеже не сѣıавъ и събираю оудъı же не расточивъ—А. Е. л. 85 (прич.=verb. finitum.). Срв. также причастныя формы, какъ именная часть составного сказуемаго: посъласте же сестрѣ его къ нѣмоу гл҃ющи—А. Е. л. 84. Или мѣстоименіе иже въ одномъ словосочетаніи съ опредѣляемымъ имъ словомъ: тогда оубо пребъı̑ на нѣмь же бѣ мѣстѣ два дни—А. Е. л. 84 об. Срв. выше въ др. р. грамотахъ и въ народной рѣчи такіе обороты, какъ: „а которыя деньги я вамъ далъ, вы ихъ росходуйте“ и под. Или: съмѫщетъ ваю члѣкъ въ скоудѣльницѣ водоу носѧ—А. Е. л. 90; бѧхоу бо очи иух отѧжьчалѣ—А. Е. л. 96. Срв. наше „усталый шелъ“ (у Жуковскаго), ранѣе: „усталъ шелъ“, еще ранѣе: „усталъ шелъ есть (бы...)“. См. еще ниже. Или: не выхомъ предали iего товѣ—А. Е. л. 103 об. Срв. еще съ вышеприведенными примѣрами: котораго же васъ оц҃а въпр҃о(л. 162 об.) сить сн҃ъ твои хлѣба еда камень подасть iемоу ли рибы (sic!) еда въ рꙑбꙑ мѣсто подасть iемоу змию—Арх. Ев. л. 163. Эта интересная конструкція уже давно отжила свой вѣкъ въ литературномъ (письменномъ) русскомъ языкѣ, но въ народныхъ говорахъ она живетъ еще и донынѣ: такіе обороты съ относительнымъ мѣстоименіемъ „который“, согласованнымъ съ именемъ, стоящимъ въ одномъ съ нимъ предложеніи, мы видѣли выше въ народной рѣчи Свіяжск. уѣз., Казан. губ., ихъ же мы находимъ и въ народномъ языкѣ сказокъ и пѣсенъ, собранныхъ бр. *Соколовыми* въ Новгородской губерніи, въ языкѣ русскихъ грамотъ, судныхъ дѣлъ и розысковъ XV—XVI—XVII вѣковъ и проч. (См. мои лекціи на лѣтнемъ учительскомъ съѣздѣ въ Казани въ 1915 году, въ моихъ „Основахъ синтаксиса“ и др.). Вышеприведенная конструкція рѣчи изъ Арх. Ев. 1092 года могла бы быть передана въ современномъ намъ русскомъ литературномъ языкѣ примѣрно слѣдующимъ образомъ: „у кого же изъ васъ—отцовъ попроситъ сынъ его хлѣба или рыбы, [а тотъ] подастъ ему развѣ камень или вмѣсто рыбы подастъ ему развѣ змѣю“. Также и въ слѣдующемъ примѣрѣ изъ Арх. Ев. мы имѣемъ интересное сочетаніе глагола-сказуемаго (не связки, а вещественнаго значенія) съ причастной формой, образовавшей вмѣстѣ съ этимъ глаголомъ составное сказуемое изъ имени и глагола, ставшаго въ этомъ синтактическомъ сочетаніи своего рода *связкою*: не пьцѣтесѧ како ли что вьзг҃лѣете дасть бо сѧ вамъ въ тъ ч҃а что г҃лѣте не вы̑ бо iесте г҃лющіе нъ дх҃ъ оц҃а вашего г҃лаи въ васъ—л. 164. Здѣсь сочетаніе: вы̑ iесте г҃лющіе можетъ быть передано на современномъ намъ языкѣ такъ: „вы представляетесь говорящими“, „вы являетесь говорящими“ или, наконецъ,—„*вы говорите*“. Припомнимъ примѣры выше: iисоусъ бѣ оучѧ въ поустыни или бѣ искоушаѧ, или бѣ помазавъши, или воудоу изгроубилъ, въıсте любили, воудеть отлоученъ, распѧтъ и под. въ

различныхъ памятникахъ древне-русскаго языка. Срв. также: вѣша людиѥ жьдоуще заχариѣ—Арх. Ев. л. 167. Такое же употребленіе причастной формы, вполнѣ замѣнявшей въ древне-русскомъ языкѣ форму сказуемости, даже *въ простомъ*, а *не въ составномъ* сказуемомъ, мы видимъ въ слѣдующемъ примѣрѣ: кого глютъ мѧ члѣци соуща — Арх. Ев. л. 168 об. Это оборотъ, напоминающій собою accusativus cum participio (срв. ниже accus. c. infinitivo), но оборотъ, вполнѣ согласный съ духомъ древне-русскаго синтаксиса и вполнѣ понятный нашимъ отдаленнымъ предкамъ. Когда въ русскомъ языкѣ пала причастная форма сказуемаго (припомнимъ: „онъ вставши“ или въ Арх. Ев. жьнѭ идеже не сѣвавъ и проч.), то форма соуща этого и другихъ подобныхъ примѣровъ, т. е. падежная форма причастія, включенная своими формальнымм элементами и формантами (суффиксами и флексіями) въ общую связь и общее синтактическое сочетаніе словъ рѣчи, исчезла, какъ форма сказуемости, и весь строй рѣчи измѣнился. Оборотъ: кого глютъ мѧ члѣци соуща=теперь обороту: „какъ говорятъ обо мнѣ: ктó я“ [*дѣйствительно*, т. е. говорятъ, *потому что* знаютъ *навѣрное*, знаютъ меня *точно*, *близко*=соуща; слѣд., зародышъ этого оборота: азъ сѫ... азъ бѣвъ... и под.]. Если приведенный оборотъ сравнить синтактически (=формально) со слѣдующимъ: вы же кого мѧ глете быти—Арх. Ев. л. 168 об., то придется намъ выдвинуть и изслѣдовать роль инфинитива въ древнемъ русскомъ языкѣ. Нынѣ мы имѣемъ въ русскомъ литературномъ языкѣ только остатки стараго синтактическаго значенія формы ифанитива: въ самомъ дѣлѣ, обороты въ родѣ: „быть тебѣ солдатомъ“, „не быть Торжку Новымъ городомъ“, „взять всѣ книги бы да сжечь“, „а тутъ бы влѣво лишь принять“, „тебѣ бы скушать чего-нибудь“, „медвѣдь ревѣть“, „смирно сидѣть и къ горшку не соваться“!, „какъ посмотрѣть да посравнить вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій“, „умереть—уснуть“, „жизнь прожить не поле перейти“, „дать удачный отвѣтъ учителю составляетъ всегда радость для ученика“... и друг. случаи употребленія инфинатива въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ указываютъ намъ на чрезвычайно разнообразныя синтактическія функціи инфинитива, хотя при всѣхъ функціяхъ своихъ инфинитивъ остается неизмѣняемой, неподвижной, какой-то застывшей, окаменѣлой формой. Разсмотримъ синтаксисъ инфинитива попристальнѣе!

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ примѣровъ употребленія инфинитива въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ видно, что ни одинъ изъ нихъ не походитъ на примѣръ изъ Арх. Евангелія 1092 года: вы же кого мѧ глете быти. Одно только ясно, что этотъ оборотъ (такъ называемый „accusativus cum infinitivo“) не составлялъ и въ русскомъ письменномъ языкѣ *особаго* предложенія, т. е. такого словосочетанія, которое было бы подчинено (особымъ ли подчинительнымъ союзомъ, т. е. служебною частью рѣчи, или соотношеніемъ словосочетаній, выраженнымъ въ формахъ сочетанія) другому словосочетанію—*главному* предложенію—и служило бы *придаточнымъ* къ нему

предложеніемъ. И такой оборотъ дожилъ въ русскомъ литературномъ языкѣ до начала XIX вѣка: „тебя душа моя быть чаетъ“ (Державинъ). Разница между „тебя суща“, „кого суща“ и „тебя быть“, „кого быть“ заключается въ оттѣнкѣ мысли: „суща“—достовѣрное знаніе (видимость, осязаніе и под.); „быти“—предположеніе, догадка, быть можетъ, не соотвѣтствующая *на самомъ дѣлѣ* дѣйствительности. Подобное словосочетаніе, заключающее въ себѣ указаніе на то, что форма инфинитива прежде понималась, въ зависимости отъ управляющаго ею глагола, какъ форма, указывающая на признакъ, приписываемый не имени въ именительномъ падежѣ, а *имени косвеннаго падежа*, мы видимъ и въ слѣдующемъ примѣрѣ: и глоухымъ творить слышати и нѣмымъ глати—Арх. Ев. л. 81. Или: оузьрѣвши изѣти соучьць из очесе брата твоего—ib. л. 26 об. Или: сѣтворите чѣловѣкомъ вьзлечи—ib. л. 5. И лишь только такіе обороты, какъ: вѣсть приближитисѧ їѣви въ іерихоу—Арх. Ев. л. 66 об. (Остр. Ев. л. 112) или: вѣсть вънити їѣви въ домъ хлѣба ѥстъ—Арх. Ев. л. 64 об. сохранили яркое воспоминаніе о себѣ въ современномъ языкѣ, въ такихъ оборотахъ, какъ: „а тутъ *бы* влѣво лишь *принять*“ (Крыловъ), или: „*презрѣть бы* твое предсказанье“ (Пушкинъ). Современное „бы“ = старому „бысть“, „бы“: уже одно сочетаніе формы прош. времени—аориста—съ инфинитивомъ указываетъ на присутствіе въ формѣ инфинитива *личнаго элемента*, требующаго отъ глагольной формы *согласованія въ лицѣ*, т. е. *личной формы глагола*. А это и наводитъ насъ на мысль, что форма инфинитива въ русскомъ языкѣ прежде обладала функціями имени, способна была быть членомъ предложенія, какъ и имя, входя въ составъ или предложенія вообще, или въ составъ его части, именно, сказуемаго, въ качествѣ именной части составного сказуемаго. Пока была въ языкѣ форма *супина* (см. выше), то именную часть составного сказуемаго могла выражать и форма супина. И всѣ эти словосочетанія представляли собою *простыя предложенія*, а *не сложныя*. (См. мой учебникъ синтаксиса р. яз. Каз. 1914 года). Напр., вѣсть вънити їѣви въ домъ... хлѣба ѥстъ—А. Е. л. 64 об. изидоша же видѣть вывъшаго—А. Е. л. 56 об. и др. Съ потерею въ языкѣ формы супина форма инфинитива слилась въ синтаксисѣ русской рѣчи съ формою супина и породила новыя словосочетанія. Едва ли мы *нынѣ* можемъ въ языкѣ *правильно съ исторической точки зрѣнія* классифицировать всѣ случаи употребленія инфинитива, т. к. многія формы и словосочетанія утратились, а на ихъ мѣстѣ возникли новыя, составившіяся въ рѣчи *изъ комбинацій* сочетаній *разнаго времени въ періодѣ* паденія однѣхъ формъ и сочетаній и смѣшенія остатковъ старыхъ сочетаній съ новыми, явившимися послѣ паденія [illegible]стныхъ категорій и типовъ предложеній. Такъ, напр., слѣды инф[illegible]чески ива, какъ *имени*, ясны въ такихъ сочетаніяхъ, какъ: „умереть—уснуть“, „попасть въ цѣль составляетъ особое удовольствіе“ и под. Но слѣды инфинитива, какъ *глагольнаго образованія*, сохраняются въ такихъ выраженіяхъ, какъ: „медвѣдь ревѣть“, „смирно сидѣть!“, „какъ посмотрѣть да посравнить“; тоже: „быть тебѣ солдатомъ“, „не быть

тебѣ"..., „мнѣ взять бы"... и под. Было ли въ русскомъ языкѣ употребленіе инфинитива, какъ особой формы necessitatis (формы со значеніемъ *необходимости)*: „тебѣ не миновать судьбы", „таскать тебѣ— не перетаскать", „мнѣ не дойти до города" и под., трудно сказать, т. к. *изъ современнаго значенія выводить заключеніе о значеніи формы въ старомъ, уже мертвомъ языкѣ, языкѣ прошедшей эпохи, методологически неправильно* въ виду того, что въ языкѣ *живутъ* не только звуки, формы, но и *значенія*, а жизнь и заключается въ безпрерывномъ и постепенномъ видоизмѣненіи, значитъ, и *значенія словъ и ихъ формъ мѣняются во времени.* Срв. въ Словѣ о полку Игоревѣ: „быти грому велику", „ити дождю стрѣлами" и под. Но изъ формы *дат. падежа* при инфинитивѣ („мнѣ не дойти", „тебѣ не миновать"...) можно ясно видѣть и категорически заключать, что *инфинитивъ* на памяти русской письменности *не былъ синтактической формой*: въ самомъ дѣлѣ, сравни „*я* не дойду", но „*мнѣ* не дойти" и под. Слѣдовательно, никакъ нельзя въ научномъ синтаксисѣ (а, стало быть, *и въ школьномъ* тоже) говорить, что „мнѣ не дойти" *синтактически* все равно, что „я не дойду"! Срв. въ О. Е. л. 65 об. ꙗко не моущи никомоуже мимоити пѫтьмь... И въ Арх. Ев. л. 31: ꙗко не можѧше никтоже миноути поутьмь тѣмь... Очевидно, изъ сравненія старыхъ оборотовъ: бѣсть їсви вѣнити или ѥсть їсви вѣнити съ современными: „мнѣ не дойти" или „мнѣ не дойти (было)", что въ нихъ пропущенъ глаголъ-сказуемое, отъ котораго осталась только *именная* часть послѣ потери глаголовъ вообще при глагольныхъ именахъ: причастіи, существительномъ, инфинитивѣ, супинѣ. Срв. *род. падежъ имени* при формѣ *супина* выше: хлѣба ѥстъ, видѣтъ бывъшаго и под. Такимъ образомъ, можно видѣть, что наше современное ученіе о сложномъ предложеніи, о придаточныхъ предложеніяхъ, о ихъ видахъ (полныхъ и сокращенныхъ) и ихъ категоріяхъ совершенно не обосновано данными и фактами историческаго языкознанія, и что наши представленія объ этихъ отдѣлахъ синтаксиса, равно какъ и самое представленіе наше о синтаксисѣ вообще должны быть совершенно измѣнены и передѣланы, если мы хотимъ приблизиться къ научнымъ представленіямъ, т. е. если мы хотимъ знать русскій языкъ *въ немъ самомъ*, въ фактахъ, составляющихъ *его* жизнь, которая для каждаго языка является *своеобразной* въ синтактической области. Такъ, напр., вдумываясь въ обороты: мьнѧхоу дх҃ъ видѧще—А. Е. л. 13 об. и гл҃ѧ ꙗко дъщи моꙗ нынѣ оумьретъ—ib. л. 32, а также: и се троусъ великъ бы҃ въ мори ꙗко [illegible] кораблю вълънами—А. Е. л.л. 136 и 136 об., а также: [illegible] мр҃ина съ шею ꙗко три мц҃ѣ—ib. л. 126 об., отрокъ мои [illegible] ослабленъ лютѣ ꙗко стража—А. Е. л. 30 или: сп҃ъ мои [illegible] вѣсьноуетьсѧ—ib. л. 37 об. Срв. также вышеприведенные прим[illegible] изъ А. Е. л. 48 об. и л. 50 об. жьнеши идеже не сѣꙗвъ и [illegible] жеши оудѧже не расточивъ; жьню идеже не сѣꙗвъ и събираю оудоу[illegible] не расточихъ (sic!). Но срв. л. 85—расточивъ,—мы видимъ, во-первыхъ, что своеобразность древняго русскаго синтаксиса въ значительной мѣрѣ обязана

была способности причастныхъ формъ измѣняться по числамъ, родамъ и падежамъ какъ въ членной, такъ и въ безчленной формахъ: это придавало эластичность др. русскимъ синтактическимъ оборотамъ. Во-вторыхъ, что союзъ ꙗко игралъ роль и нарѣчія и потому не вносилъ собой никакого новаго предложенія въ современномъ смыслѣ нашего времени и нашего новаго (учебнаго) синтаксиса, т. к. не влекъ за собой измѣненіе мѣстоименій 1-го и 2-го лицъ въ формы 3-го лица въ томъ словосочетаніи, въ которомъ оно (ꙗко) стояло. Въ-третьихъ, вообще нарѣчіями-союзами относительными не вносилось новаго предложенія даже при новомъ сказуемомъ, которое въ такомъ случаѣ выражалось безчленной формой причастія. (А. Е. л. 30). Поэтому, мьнѧхоу дх҃ъ видѧщє = „думали, что видятъ духъ“, но не = мьнѧхоу ꙗко дх҃ъ видѧть, т. к. этотъ послѣдній оборотъ относилъ второе сказуемое къ другому подлежащему, а не къ тому же, которое стоитъ при первомъ сказуемомъ мьнѧхоу. Такого рода причастная форма, прикрѣпленная къ сказуемому, какъ его именная часть, оборотъ своего рода participium conjunctum, уже давно отжила свой вѣкъ въ нашемъ литературномъ языкѣ, но и до сихъ поръ не вполнѣ замѣнилась новыми оборотами, развившимися по утратѣ причастныхъ формъ—сказуемыхъ. Выше мы видѣли, что мьнѧхоу дх҃ъ видѧщє не вполнѣ равносильно обороту мьнѧхоу ꙗко дх҃ъ видѧть, и разница между ними заключается, именно, въ томъ, что форма видѧщє, какъ форма, согласованная въ числѣ съ личной формой глагола-сказуемаго мьнѧхоу, составляетъ, именно, опредѣлительную часть подлежащаго,—личнаго мѣстоименія 3-го лица именительнаго падежа множ. числа,—заключающагося въ личной формѣ глагола мьнѧхоу, а потому формально эта опредѣлительная часть не разбиваетъ всего словосочетанія мьнѧхоу дх҃ъ видѧщє на два отдѣльныхъ словосочетанія: эта причастная форма видѧщє остается органически соединенной, слитой, *conjunctum*, съ главными членами даннаго грамматическаго предложенія, между тѣмъ какъ въ оборотѣ мьнѧхоу ꙗко дх҃ъ видѧть этой связи, этого сліянія нѣтъ, п. ч. оно не выражено синтактически (=формально), а потому и не чувствуется говорящими: въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только *механически* вставить произвольные именительные падежи при обоихъ глаголахъ мьнѧхоу и видѧть, не нарушая формъ, какъ мы убѣдимся, что синтаксисъ существенно измѣнился въ русскомъ языкѣ съ теченіемъ времени, и формальная связь разрушилась, а потому распалось и *цѣлое* словосочетаніе. Представимъ себѣ примѣрно такую вставку именительныхъ падежей при двухъ вышеприведенныхъ глаголахъ: чѣловѣци мьнѧхоу ꙗко ангєли дх҃ъ видѧть, и мы получимъ два, а не одно, предложенія, грамматически построенныя, но совершенно независимыя другъ отъ друга, самостоятельныя, между которыми стоитъ новое слово, союзъ ꙗко, *не формально связывающій эти два словосочетанія, а механически*. Такимъ образомъ, только наша привычка *мыслью вкладывать* въ эти слова извѣстное соотношеніе представленій и понятій дѣлаетъ все это словосочетаніе такъ называемымъ „сложнымъ“ предложеніемъ,

состоящимъ изъ главнаго и придаточнаго (подчиненнаго) предложенія. *Синтактически* же это соотношеніе предложеній *остается невыраженнымъ*, а потому, изучая синтаксисъ русскаго языка научно, т. е. исторически, значитъ, *методологически правильно*, мы вправѣ придти къ отрицательному выводу относительно „сложныхъ“ предложеній и всей ихъ системы: сложныя предложенія и періодическая рѣчь, какъ рѣчь, основанная на ученіи о сложныхъ предложеніяхъ и объ ихъ системѣ, не представляютъ собой явленій *русскаго* синтаксиса, генетически развившихся изъ формъ *русскаго* словосочетанія.

Справедливость этого утвержденія, вѣроятно, чувствовалась уже древнѣйшими русскими книжниками и переписчиками, и переводчиками. Въ самомъ дѣлѣ, въ О. Е. л. 45 мы находимъ и ти поклонышесѧ ѥмоу възвратишасѧ,.. въ Арх. Ев. л. 14 об. въ соотвѣтственномъ мѣстѣ мы читаемъ: и ти поклонишасѧ ѥмоу възвратишѧ же сѧ. Этотъ союзъ же указываетъ намъ ясно, что „*сложнаго*“ предложенія здѣсь въ Арх. Евангеліи не было, и что, хотя participium conjunctum допускало различное пониманіе, но никоимъ образомъ не давало повода къ образованію „*сложнаго*“ предложенія. Сравни также въ О. Е. л. 48 об.: вьсѣкѫ розгѫ о мѧнѣ плода не творѧщѩѭ изьметь ѭ и въ Арх. Ев. л. 17 об.: вьсѣкѫ (sic!) розгоу о мѧнѣ не творѧщюю плода изьметь ю; въ самомъ дѣлѣ, если бы это было „*сложнымъ*“ предложеніемъ, и причастная форма творѧщюю (—ѧщѭ) являлось бы *сокращеннымъ придаточнымъ опредѣлительнымъ предложеніемъ, то не къ чему было бы ставить дополненіе* ю (ѭ), съ точки зрѣнія современнаго *искусственнаго* школьнаго ученія о русскомъ синтаксисѣ. Интересно синтактическое употребленіе причастныхъ *членныхъ* формъ въ роли *опредѣленія* сравнить съ употребленіемъ *безчленныхъ* причастныхъ формъ въ роли именной части составного сказуемаго: отиде скрѣбѧ—О. Е. л. 77 об. и въ Арх. Ев. л. 41 об.: отиде скьрбѧ и под. Срв. О. Е. л. 80 об. и А. Е. л. 44 об.; О. Е. л. 113 об. и А. Е. л. 68 и друг. Срв. также: ꙗко ты чѣвѣкъ сы творишисѧ самъ бъ—А. Е. л. 7 об. Срв. нынѣ: „ты—сущій врагъ истины—ратуешь за нее“ и под. Срв. примѣры выше. Также: иде же и оумысѧ и приде видѧ соусѣди же иже и вѧхоу видѣли и прѣже ꙗко просилъ бѣ—Арх. Ев. л. 8 об. Здѣсь необходимо было поставить иже и ꙗко, т. к. participium conjunctum здѣсь исключается въ виду различія подлежащихъ при всѣхъ глаголахъ и разновременности дѣйствій, выраженнаго временемъ plusquamperfectum и нарѣчія прѣже: иначе было бы трудно понять мысль. Въ такихъ случаяхъ однако причастныя формы и не были извѣстны въ употребленіи въ древнемъ русскомъ синтаксисѣ, а потому „сложнаго“ предложенія въ нашемъ смыслѣ и здѣсь не получалось: это были все предложенія сочиненныя, а не подчиненныя, что видно изъ союзовъ.

Мы старались до сихъ поръ и въ области синтаксиса русской рѣчи отыскать и изслѣдовать тѣ отправные пункты, которые указываютъ намъ, въ какомъ направленіи и откуда шло развитіе синтактическихъ процессовъ. Намъ надо было указать на то, какіе обороты

русской рѣчи основательно можно признавать древнѣйшими, и какой составъ имѣлъ древнѣйшій русскій синтаксисъ, поскольку послѣдній выясняется въ книжномъ, письменномъ языкѣ русскихъ памятниковъ. Результаты нашихъ изслѣдованій таковы: 1) „сложнаго“ предложенія въ нашемъ смыслѣ въ древнемъ русскомъ языкѣ не было. 2) Сокращенія полныхъ предложеній причастіями не было. 3) Сочиненіе предложеній было исключительно извѣстно. 4) Причастныя формы были и сказуемыми и опредѣленіями. 5) Безчленныя причастныя формы составляли или сказуемое полностью, или были именными частями составного сказуемаго. 6) Съ паденіемъ супина роль инфинитива расширилась. 7) Инфинитивъ былъ именно-глагольной формой и вобралъ въ себя функціи супина послѣ паденія формъ послѣдняго. 8) Подчинительныхъ союзовъ древній русскій языкъ не зналъ. 9) Построеніе предложеній *по аналогіи* съ прототипами эпохи до распаденія русскаго языка на нарѣчія захватывало все болѣе и болѣе широкую область фактовъ древняго русскаго языка, и этотъ психическій факторъ измѣненія русской рѣчи игралъ въ области синтаксиса гораздо болѣе крупную роль, чѣмъ въ области фонетики и морфологіи. 10) По принципу аналогіи измѣнялось не только словосочетаніе, но и управленіе именъ и глаголовъ.

Таковы наши заключенія. Мы старались во всѣхъ отдѣлахъ изученія русскаго языка показать на фактахъ, что *историческое* изученіе явленій есть единственно вѣрное *съ точки зрѣнія методологіи языкознанія*. Мы убѣдились, что историческое изслѣдованіе явленій русскаго языка заставило насъ разорвать всякую связь съ традиціоннымъ школьнымъ языковѣдѣніемъ, ведущимъ свое начало отъ научныхъ сочиненій подражательной эпохи, т. е. *эпохи донаучнаго языкознанія, цѣликомъ воспроизведенной въ нашей школьной лингвистической литературѣ, не смотря на успѣхи чистой науки послѣдующаго періода*.

Попытаемся еще дать нѣсколько примѣровъ нашего школьнаго синтактическаго ученія, какъ образцикъ методологически-несостоятельнаго ученія, а затѣмъ перейдемъ къ послѣднему трудному отдѣлу нашего синтаксиса, къ предложеніямъ безсубъектнымъ (по-школьному: „безличнымъ“). Наконецъ, дадимъ нѣсколько методологическихъ указаній въ интересахъ правильной, научной постановки преподаванія отечественнаго языка въ средней школѣ. Въ виду полнаго отсутствія печатной литературы по методологіи русскаго языкознанія я въ концѣ своей книги приведу названія лишь тѣхъ сочиненій, въ которыхъ можно найти указанія въ видѣ совѣтовъ общаго характера, не показывающихъ однако на конкретныхъ фактахъ языка, (на лабораторныхъ занятіяхъ), *какъ надо выполнять эти указанія, или совѣты, и къ чему они приводятъ въ лабораторно-научной практикѣ*.

Начать съ того, что въ ученой литературѣ, а подавно и въ учебной литературѣ по русскому языку совсѣмъ нѣтъ отдѣла, трактующаго о синтактическихъ явленіяхъ въ языкѣ, обязанныхъ своимъ по-

явленіемъ психологическому фактору, т. е. ассоціаціямъ разнаго рода, и представляющихъ собою образованія *по аналогіи*. Такъ, напр., только въ одномъ научномъ курсѣ по языкознанію, именно, во „Введеніи въ языкознаніе“ проф. *Д. Н. Кудрявскаго* (Юрьевъ. 1-е изд. 1913 г., 2-е изд. 1915 года) я нашелъ, и то мимоходомъ, отмѣченное словосочетаніе: „чѣмъ Богъ послалъ“; напр., „поужинали, чѣмъ Богъ послалъ, и спать легли“. Рѣдко кто обращаетъ вниманіе на то, что, вѣдь, такъ сказать по-русски нельзя: „чѣмъ Богъ послалъ“, п. ч. „послать“—глаголъ, управляющій винительнымъ падежомъ безъ предлога въ качествѣ прямого дополненія. Очевидно, что выраженіе „чѣмъ Богъ послалъ“ могло возникнуть только въ сочетаніи съ такимъ глаголомъ, который управляетъ *творительнымъ падежомъ* дополненія, напр., „*чѣмъ* бы здѣсь намъ пообѣдать“ (Пушкинъ): пообѣдать *тѣмъ, что* Богъ послалъ“, откуда уже „пообѣдать чѣмъ Богъ послалъ“. По аналогіи съ такими выраженіями, какъ „пообѣдать чѣмъ“, мы получаемъ: „чѣмъ Богъ послалъ“. Срв. также: „чѣмъ богаты, *тѣмъ* и рады“. Вопросъ „чѣмъ?“ вызываетъ въ нашемъ сознаніи отвѣтъ „тѣмъ“, и тогда вопросъ и отвѣтъ остаются оба въ рѣчи. Если же вопроса нѣтъ, то главный, управляющій глаголъ словосочетанія удовлетворяется синтактически своимъ дополненіемъ, вытѣсняя собой дополненіе второго глагола, причемъ вмѣсто этого второго дополненія остается лишь падежная форма, зависящая отъ перваго, управляющаго глагола. Сравни: „зарабатываю себѣ хлѣбъ, чѣмъ могу“; „хлопочу, о чемъ хочу“ и под. Или сравни обороты: „что дальше, то хуже“ (діалект., Казан. у.) вмѣсто: „чѣмъ дальше, тѣмъ хуже“. Срв. „что́ они тоньше, то важнѣе“. *(Гильдебрандтъ.* О преподаваніи отеч. языка и о національномъ образованіи и воспитаніи вообще. Перев. съ нѣмецкаго *Якушкина*. Изд. Сабашниковыхъ. М. 1916. Стр. 84. См. также стр. 74). На такія синтактическія образованія пока еще не обращалось вниманія! Посмотримъ теперь, какъ трактуются придаточныя предложенія въ учебной литературѣ. Въ настоящее время можно отмѣтить два направленія въ учено-учебной литературѣ синтактическихъ вопросовъ: одно направленіе—старинное, донаучнаго происхожденія, *логическое*, однако еще не отжившее свой вѣкъ ни въ ученой, ни въ учебной литературѣ. Это направленіе придаетъ чрезмѣрное значеніе *смысловой* сторонѣ словосочетаній, а потому отношеніе одного предложенія къ другому здѣсь опредѣляется не формою словосочетанія, а его смысломъ и значеніемъ. Къ этому направленію примыкаетъ большинство ученыхъ работъ, на немъ же стоятъ *всѣ безъ исключенія* учебники синтаксиса. Но какъ въ наукѣ, такъ и въ школьной литературѣ по русскому языку уже намѣтилось другое направленіе—*лингвистическое, чисто формальное*, опирающееся на форму словосочетаній. Сюда принадлежатъ труды *А. А. Потебни*, труды проф. *Е. Ѳ. Будде*, труды самаго послѣдняго времени—*г-на Пѣшковскаго*. Профессоръ *В. А. Богородицкій* хочетъ держаться середины (см. его статью „Нѣкоторые вопросы морфологіи и синтаксиса русскаго языка“ въ

Ж. М. Н. Пр. 1915 г. Декабрь), но, какъ всегда это бываетъ въ наукѣ, середина между двумя крайними рѣшеніями научнаго вопроса оставляетъ самый вопросъ нерѣшеннымъ и возбуждаетъ цѣлый рядъ непримиримыхъ положеній. Можетъ быть, я и заблуждаюсь, но пока *я предпочитаю держаться исключительно формальной точки зрѣнія* (См. мои „Основы синтаксиса“ въ отд. изданіи Казанскомъ и въ Р. Ф. В.—выше), и мнѣ еще не вполнѣ удается только изложеніе моей теоріи въ учебникѣ для средней школы. *Я опираюсь на то, что форма слова есть такая лингвистическая единица, которая, по своей опредѣленности, единственно можетъ быть критеріемъ для сужденія объ отношеніи членовъ предложенія другъ къ другу, и только съ точки зрѣнія формы можно судить о признакахъ того или другого вида придаточнаго предложенія.*

Возьму примѣры: 1) „*Чтобъ* музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье“. (Крыловъ). 2) „Я учусь, *чтобы* стать образованнымъ“. 3) „Я пишу, *чтобы* меня читали“. 4) „Я говорю, *чтобы* меня слышали“. 5) „Я сказалъ, *чтобы* подавали кушанье“. 6) „Я сомнѣваюсь, *чтобы* это пригодилось когда-нибудь“. 7) „Я боюсь, *чтобы* это не послужило препятствіемъ“. Читая эти и подобные примѣры и вникая въ ихъ содержаніе, прежде всего я обращаю вниманіе на то, *какой смыслъ* заключается въ каждомъ изъ вышеприведенныхъ словосочетаній. Понявши смыслъ каждаго изъ нихъ, я нахожу, что смыслъ ихъ различный: первое и второе изъ нихъ заключаютъ въ себѣ *цѣль* умѣнья, *цѣль* ученья. Третье и четвертое изъ нихъ уже не заключаютъ въ себѣ указанія только на *цѣль* писанья, *цѣль* моей рѣчи. А пятое, шестое и седьмое изъ этихъ словосочетаній уже вовсе не заключаютъ въ себѣ указанія на *цѣль*, между тѣмъ всѣ семь словосочетаній по частямъ каждаго изъ нихъ связаны однимъ и тѣмъ же союзомъ: „*чтобы*“. Отсюда я заключаю, что смыслъ рѣчи не всегда выражается ея *формою*, и что въ данномъ случаѣ *форма своимъ однообразіемъ указываетъ мнѣ на свою бѣдноту сравнительно съ разнообразіемъ оттѣнковъ смысла, или значенія рѣчи.* Въ своихъ разсужденіяхъ я иду дальше и задаюсь вопросомъ: связана ли вообще форма, а въ данномъ случаѣ, значитъ, и союзы, представляющіе одну изъ формъ словосочетанія, *опредѣленнымъ образомъ и неизмѣнно съ опредѣленнымъ тоже смысломъ, или значеніемъ рѣчи, слова, въ живомъ языкѣ?*

Во всемъ предыдущемъ нашемъ изложеніи мы старались анализировать форму и видѣли достаточное количество фактовъ русскаго письменнаго языка, убѣдившихъ насъ въ томъ, что въ былое время нашъ литературный языкъ, обладая *безспорно* бо́льшимъ количествомъ формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ, въ частности формъ глагольныхъ, представлялъ въ своемъ синтаксисѣ, въ словосочетаніи, несомнѣнно *меньшее* разнообразіе словесныхъ комбинацій и несомнѣнно *бо́льшую* скудость синтактическихъ единицъ и разновидностей. А потому мы вправѣ признать, что къ нашему времени русскій языкъ съ утратою многихъ формъ глагола, имени и другихъ частей рѣчи пріобрѣлъ спо-

собность развивать количество и качество семазіологическихъ единицъ за счетъ морфологическихъ единицъ; и этотъ, такъ сказать, культурный ростъ языка прежде всего выражается въ паденіи формальнаго богатства языка и въ накопленіи семазіологическаго: мы не разъ видѣли и наблюдали, что слово въ нашемъ языкѣ пріобрѣтало все новые и новые оттѣнки въ своемъ первоначальномъ (этимологическомъ) значеніи и наконецъ доходило до полнаго разрыва съ первоначальнымъ своимъ значеніемъ и продолжало свою жизнь съ совершенно инымъ, новымъ значеніемъ. Такъ, въ своемъ учебникѣ этимологіи русскаго языка мы видѣли слово „погибель“, „препятствіе“ и „перепонка“, „препинаніе“ и „запятая“ и мн. др. Такъ же износилось первоначальное значеніе и замѣнилось новымъ въ словахъ: „особа“ (о-собѣ), „надменный“ (на-дмти), задьница (первоначально „наслѣдство“), похабьнъ (срв. „у-хаб-ъ“=„порча“...), „притча“ (тък-а-ти), коло, о-коло, „окольный“ (срв. одно-кол-к-а) и проч. и проч. Выше мы также видѣли, что и управленіе словъ мѣняется съ теченіемъ времени: припомнимъ падежъ дополненія при глаголѣ соудити и проч. Слѣдовательно, и въ синтактическихъ категоріяхъ языкъ переживаетъ измѣненія: категорія *дополняемыхъ* глаголовъ существенно измѣнила свой составъ и самый характеръ дополненій. Развитіе въ нашей рѣчи т. наз. „сложныхъ“ предложеній внесло въ нашъ языкъ такія глубокія измѣненія, что часто нѣтъ возможности безъ особаго анализа историческаго процесса связать синтактическія построенія новаго русскаго языка съ построеніями уже отжившей эпохи. Равнымъ образомъ и служебныя части рѣчи (напр., союзы), переживая свою исторію, въ словосочетаніяхъ пріобрѣтали новые виды и новыя значенія. Такъ, союзъ „чтобы“ образовался изъ сліянія въ словосочетаніи мѣстоименія „что“ съ глагольной формой, ставшей въ рѣчи простою частицею, „бы“. Но сліяніе этихъ двухъ, когда-то полныхъ, словъ нынѣ образовало уже новое слово, которое стало употребляться въ качествѣ союза для связи частей нашихъ словосочетаній. Однако само разнообразіе значеній тѣхъ словосочетаній, которыя нынѣ способны связываться однимъ и тѣмъ же по своему происхожденію союзомъ „чтобы“, несомнѣнно, показываетъ, что въ этой способности мы должны видѣть указанія на тотъ семазіологическій процессъ, который переживали части рѣчи въ синтактическомъ строѣ, взаимно соприкасаясь и внутренней и внѣшней (звуковой) своей стороной съ сосѣдними словами—частями нашей рѣчи. Анализъ насъ приводитъ къ тому заключенію, что *за управляющимъ* словомъ при всѣхъ сочетаніяхъ остается главная роль въ синтаксисѣ рѣчи. А *форма управленія* опредѣляется формою управляемаго падежа, независимо отъ внѣшней связи со слѣдующими за этой формою словосочетаніями. Такимъ образомъ, форма управляемаго падежа указываетъ на синтактическое отношеніе словъ, хотя бы эта форма уже растворилась въ исторически измѣненномъ строѣ рѣчи. Путемъ анализа мы приходимъ къ заключенію, что система отношеній словъ другъ къ другу въ рѣчи, *опредѣляясь формою*

словъ, съ *внутренней* своей стороны связана съ *вопросами, на которые отвѣчаетъ форма.* Необходимо имѣть въ виду, что *всякая форма управляемаго слова служитъ отвѣтомъ въ рѣчи на строго опредѣленный вопросъ.* Вотъ въ какомъ смыслѣ надо понимать утвержденіе *А. А. Потебни,* что: „въ предложеніи кромѣ формы нѣтъ ничего, такъ что, отнявши форму, мы уничтожимъ предложеніе флексивныхъ языковъ". (*Потебня.* Изъ записокъ по р. грам. Изд. 2-е. Харьковъ. 1889. Стр. 65). Вотъ *какого рода* связь существуетъ между формою и синтаксисомъ, причемъ сами формы возникли изъ различія *значеній, отвѣчающихъ на появившіяся въ мысли вопросы.* Понятно, что съ теченіемъ времени *опредѣленная связь* между формою и ея значеніемъ *утрачивается.* Надо только всегда помнить и имѣть въ виду, что слово, пріобрѣтая новое значеніе, является для языка уже *другимъ, новымъ* словомъ, оставаясь лишь съ внѣшней, звуковой, своей стороны *прежнимъ* словомъ отжившаго языка, отжившей его эпохи. Такъ, слово „погибель" (=паденіе, смерть...) уже совсѣмъ другое слово, чѣмъ „погибель"—„колѣно", „изгибъ" (срв. „согнуть въ три погибели"). Такъ, словосочетаніе: „что бы ты сказалъ" (вопросъ: „что сказалъ бы ты"?) и: „чтобы ты сказалъ" (указаніе на цѣль) являются совершенно различными синтактическими величинами, хотя ихъ можно различить въ *звуковомъ* языкѣ *только интонаціею,* которая въ данномъ случаѣ является такимъ моментомъ, который имѣетъ опредѣленное *синтактическое значеніе.* Вотъ почему можно утверждать, что синтаксисъ развивался *въ звуковой рѣчи, при изглашеніи, а не въ письменной рѣчи:* письменная рѣчь даетъ намъ возможность усматривать прототипы сочетаній словъ, но только *устная* рѣчь вырабатываетъ съ теченіемъ времени новыя комбинаціи частей нашей рѣчи и надѣляетъ ихъ новымъ внутреннимъ содержаніемъ. Противники формальнаго принципа, какъ основы синтактическихъ изслѣдованій и синтактическаго разбора нашей рѣчи, видятъ въ этомъ господствующемъ положеніи смысла или значенія словъ и словосочетаній доказательство своего права смотрѣть на синтаксисъ съ *логической* стороны и принимать синтаксисъ за такое явленіе языка, которое стремится выразить логическія отношенія логическихъ категорій, а потому у противниковъ формальнаго принципа въ классификаціи языковыхъ явленій не видно различія между логикой и грамматикой, и они смѣшиваютъ грамматику языка съ логикой, т. е. съ совсѣмъ другой наукой, имѣющей и свои особыя задачи, и особый методъ, и свои спеціальныя цѣли. Надо разъ навсегда замѣтить, что роль значенія словъ и словосочетаній въ языкѣ вовсе не обусловлена *логическими* потребностями нашей мысли, а лишь *историческимъ* процессомъ семазіологическихъ измѣненій: вѣдь, логика съ ея законами мышленія не измѣняется, не смотря на время и пространство; ея законы вѣчны, и никогда она не примирялась и не примирилась бы съ наличностью нѣсколькихъ, напримѣръ, смертей для одного и того же организма въ теченіе одной и той же его физической жизни. Въ самомъ дѣлѣ, „двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать" въ

смыслѣ прекращенія жизненныхъ, біологическихъ процессовъ, между тѣмъ измѣненіе значеній одного и того же слова въ языкѣ—это фактъ, который однако нисколько не касается, нисколько не задѣваетъ собой логическихъ процессовъ: измѣнилось значеніе, умерло прежнее слово, умеръ старый языкъ, но логическая истина осталась живой и неизмѣнной: она не мѣняетъ своихъ значеній. Вотъ почему мы когда-то говорили *въ буквальномъ* смыслѣ: „согнуть въ *три погибели*“, но этотъ буквальный смыслъ, заключающійся въ этомъ словосочетаніи, былъ всѣмъ, говорившимъ на русскомъ языкѣ, понятенъ лишь до тѣхъ поръ, пока слово „погибель“ означало „изгибъ“, „колѣно“, т. е., пока это слово сохраняло свой этимологическій, коренной смыслъ. Съ утратой же этого коренного, этимологическаго значенія, слово „погибель“ постепенно стало *другимъ* словомъ и путемъ ассоціаціи представленій пріобрѣло новое значеніе: „смерть“, „уничтоженіе“, „прекращеніе жизни“. А при такой перемѣнѣ значенія этого слова и самое словосочетаніе „согнуть въ три погибели“ потеряло свой смыслъ и прекратило свое существованіе въ языкѣ. Зато новое значеніе слова „погибель“ развило собой и новыя словосочетанія съ этимъ словомъ, и, если теперь неупотребительно уже выраженіе „согнуть въ три погибели“, п. ч. оно стало уже непонятнымъ, то появились въ языкѣ новыя словосочетанія съ этимъ же *новымъ* словомъ въ *старой* его звуковой оболочкѣ: „Такъ вотъ гдѣ таилась *погибель* моя: мнѣ *смертію* кость угрожала“ (Пушкинъ). Само собой разумѣется, что въ эпоху этимологическаго, коренного значенія слова „погибель“ такое словосочетаніе, которое мы находимъ у Пушкина, не могло бы появиться. (По-гыб-ѣль; $\sqrt{}$гыб-, гъб-; гъб-ну-ть; г-ну-ть... См. мою Этимологію р. яз. для средн. учеб. заведеній. Или: гыб-ък-ій; гиб-к-ій и проч.) Такимъ образомъ, надо отличать *внутреннія измѣненія* въ языкѣ (измѣненія значеній и постепенное отъ того „перерожденіе“ языка) и *внѣшнія измѣненія* въ языкѣ (звуковыя): гыб—гиб—гъб—гб (со-гбенный) -г и проч. Срв. по-гиб-ъ и из-гиб-ъ; срв. с-дер-ну-ть и су-дорог-а и мн. др. *Однако вовсе необязательно измѣненіе внутреннее въ языкѣ вмѣстѣ съ измѣненіемъ внѣшнимъ*, т. е. вовсе необязательна перемѣна значенія слова при измѣненіи его звукового состава: сравни, напримѣръ, значенія словъ: „махать“, „маховое колесо“, „размашистый“, „наотмашь“ и друг. Точно такъ же необязательна непремѣнно въ языкѣ перемѣна внѣшней формы слова или даже словосочетанія при перемѣнѣ внутренней стороны (значенія). Напр., мы видѣли, что управленіе глагола „согнуть“, т. е. форма сочетаемости этого глагола съ управляемымъ имъ словомъ, съ дополненіемъ *въ винительномъ падежѣ съ предлогомъ* **„въ“**, вовсе не измѣнилось при перемѣнѣ значенія слова „погибель“: управленіе осталось прежнее, т. е. внѣшняя форма сочетаемости словъ не нарушилась: „согнуть въ дугу“, „согнуть въ три раза“, „согнуть въ бараній рогъ“ и под. А, такъ какъ всякая форма своимъ происхожденіемъ въ языкѣ обязана

потребности отвѣта на одинъ опредѣленный вопросъ, то и вопросъ *„во что“* (согнуть) вызвалъ форму винительнаго падежа съ предлогомъ *„въ“*: „согнуть въ кольцо“, „согнуть въ три изгиба, колѣна“ и проч. Вотъ почему *форма управленія словъ является* надежнымъ, стойкимъ и незыблемымъ *критеріемъ въ языкѣ для классификаціи синтактическихъ отношеній* между словами и ихъ сочетаніями. Само собой разумѣется, что, если съ теченіемъ времени въ языкѣ мѣняется и сама *форма управленія* (конечно, *по аналогіи* съ другими формами управленія: припомнимъ управленіе глагола судити выше), то мѣняется и самый вопросъ, вызвавшій собою форму, а, значитъ, мѣняется и отвѣтъ на этотъ вопросъ. Напримѣръ, „судить кому“—судити міроу; но: „судить кого“—„судить міръ“ (⟹„любить міръ“, „почитать міръ“ и под.). Сравни выше: „боюсь чего“, „боюсь грѣха“ и проч. Это же управленіе глагола „бояться“ осталось и въ словосочетаніи: *„боюсь* (чего?), *чтобы* брусничная вода мнѣ не надѣлала вреда“. (Пушкинъ). Или: *„боюсь“* (чего?), *что* онъ уйдетъ безъ спроса“. Или: *„сомнѣваюсь,* (въ чемъ?), *чтобы* это пригодилось“. *„Сомнѣваюсь,* (въ чемъ?), *что* это пригодится“. Управленіе по своей формѣ осталось одно и то же, хотя *формы словосочетаній* (союзы: „что“ и „чтобы“), *не обусловленныя* требованіемъ управляющаго, главнаго слова (глагола), получили возможность съ развитіемъ системы „сложныхъ“ предложеній разнообразиться въ связи съ исторіей измѣненія въ значеніяхъ и знаменательныхъ и служебныхъ частей рѣчи, а также въ связи съ образованіемъ въ связной устной рѣчи новыхъ звукосочетаній и потому иногда и новыхъ словъ [„что“, „что бы“, „чтобы“].

Вотъ почему *„система вопросовъ“* при синтактическомъ анализѣ, вопреки мнѣнію отдѣльныхъ лицъ (*Пѣшковскій*: „Синтаксисъ русскаго языка въ научномъ освѣщеніи“ и „Школьная и научная грамматика“. См. мою критику въ Ж. М. Н. Пр. за 1915 г. № 8 и отвѣтъ на нее Пѣшковскаго тамъ же 1915 г. № 12), остается *единственно* научно-правильнымъ пріемомъ для опредѣленія синтактическаго отношенія между предложеніями. При этомъ однако надо имѣть въ виду, что *какъ слова въ предложеніи по своей формѣ находятся въ опредѣленныхъ синтактическихъ отношеніяхъ другъ къ другу, такъ и цѣлыя словосочетанія* (предложенія) *находятся по своей формѣ сочетаній* (по формѣ, вызванной управленіемъ главнаго слова) *въ опредѣленныхъ синтактическихъ отношеніяхъ другъ къ другу.* Далѣе, что касается категорій отношеній, то легко замѣтить при синтактическомъ разборѣ (однако, не примѣшивая въ разборъ *логическихъ* отношеній и *логическихъ* категорій!), что слова и словосочетанія (цѣликомъ) имѣютъ непосредственное отношеніе къ двумъ главнымъ словамъ (членамъ) предложенія (предложеній): или они относятся къ именительному падежу (къ подлежащему), т. е. группируются около него, составляя *съ нимъ вмѣстѣ* законченное словосочетаніе (законченный смыслъ), или они относятся къ глаголу (къ сказуемому), т. е. группируются около него, составляя *съ нимъ вмѣстѣ* законченное словосо-

четаніе (законченный смыслъ). Напримѣръ: „И рабскую вѣрность Шибановъ, княжій стремянный, храня, своего отдаетъ воеводѣ коня“: здѣсь цѣлый рядъ словъ, съ одной стороны, группируется по своимъ формамъ, которыми обусловленъ законченный смыслъ словосочетанія, около слова „Шибановъ“: это слова: княжій, стремянный; съ другой стороны, цѣлый рядъ другихъ словъ группируется здѣсь по своимъ формамъ около слова „отдаетъ“: это слова: храня рабскую вѣрность, своего коня воеводѣ. Ясно, что пока форма „храня“ была формою причастія (т. е. отглагольнымъ прилагательнымъ, измѣнявшимся по родамъ, падежамъ и числамъ), до тѣхъ поръ она относилась къ слову „Шибановъ“, и, стало быть, всѣ слова: „рабскую вѣрность храня“, какъ и слова: „княжій“, „стремянный“, группировались тоже около слова „Шибановъ“, опредѣляя его формами согласованія въ родѣ, числѣ и падежѣ. Значитъ, все словосочетаніе строилось въ то время приблизительно по типу, соотвѣтствующему нашему: „Хранящій рабскую вѣрность, княжій стремянный Шибановъ отдаетъ своего коня воеводѣ“. Но съ утратою формъ рода, падежей и чиселъ, форма „*храня*“ потеряла свою „синтактичность“, окаменѣла и стала неизмѣняемымъ словомъ, т. е. *глаголънымъ нарѣчіемъ*, а потому и все словосочетаніе перестроилось уже по новому типу, гдѣ слова „рабскую вѣрность храня“ примкнули къ слову (сказуемому) „отдаетъ“, образовавъ *вмѣстѣ съ нимъ* законченное словосочетаніе и явившись приблизительно въ такомъ видѣ: „Княжій стремянный Шибановъ, по хранимой имъ рабской вѣрности къ воеводѣ, отдаетъ ему своего коня“.

Группировка по смыслу словъ около главныхъ членовъ предложенія (подлежащаго и сказуемаго) не исключаетъ однако возможности становиться болѣе и болѣе сложною *въ зависимости отъ распространенія* простого нераспространеннаго предложенія. (См. мой Учебникъ синтаксиса для средней школы). Въ самомъ дѣлѣ, простое нераспространенное предложеніе: „Шибановъ отдаетъ“ можетъ осложняться второстепенными членами предложенія, которые и сами по себѣ могутъ, въ свою очередь, притягивать къ себѣ, группировать около себя, различныя слова—*члены главныхъ членовъ* (подлежащаго и сказуемаго) предложенія, какъ мы только что и видѣли въ разобранномъ примѣрѣ. Вотъ еще примѣръ: „Старый, тянувшійся позади дома садъ, заросшій и заглохшій, былъ необычайно красивъ въ своемъ картинномъ запустѣніи“. Это словосочетаніе можно бы было распространить еще болѣе: примѣрно такъ: „Старый, тянувшійся позади обветшавшаго барскаго деревяннаго дома садъ, заросшій бурьяномъ и рядомъ съ нимъ молодыми кустами будущихъ деревьевъ—великановъ, заглохшій отъ недостатка ухода, былъ необычайно красивъ въ своемъ, хотя и дикомъ, но картинномъ запустѣніи“. Сравни: „Представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолѣвая на пути своемъ всѣ преграды, полагаемыя ей огромными камнями, и не находя себѣ окольнаго пути, мчится съ ужасною яростью съ высоты и на пути своемъ превращается въ кипящую бѣлую пѣну“. Сколько бы мы ни подбирали и

ни составляли примѣровъ, мы легко можемъ въ нихъ усмотрѣть, что группировка словъ по ихъ взаимному синтактическому отношенію другъ къ другу, складывается лишь по типу согласованія или по типу управленія. Согласованіе есть уподобленіе формальныхъ элементовъ словъ другъ другу по принципу приспособленія къ роду, къ числу и къ падежу. Управленіе есть употребленіе формы падежа по требованію управляющаго слова, прежде всего и главнѣе всего—глагола, а затѣмъ,—и имени. Срв. выше: домъ молитвѣ и нынѣ „домъ молитвы". *Внѣ этихъ двухъ типовъ* синтактическаго отношенія словъ въ словосочетаніяхъ внѣшняя (формальная) связь словъ и словосочетаній постоянно способна видоизмѣняться и разнообразиться во времени и въ діалектахъ языка, т. к. многоразличныя измѣненія въ языкѣ, о которыхъ мы говорили выше, отвели строй нашей рѣчи въ стороны отъ прототиповъ, и мы получили возможность новыхъ сочетаній. Такъ новое сочетаніе, обнаружившееся въ союзѣ „чтобы" потребовало и новаго синтактическаго фактора—*интонаціи*, а въ связи съ этимъ факторомъ въ языкѣ получилась возможность выражать старыми союзами новыя отношенія словъ и словосочетаній. Сравни значеніе союза „чтобы" въ словосочетаніяхъ: „Я работаю, *чтобы* имѣть кусокъ хлѣба". „Я хочу, *чтобы* вы знали". „Я понимаю, *что бы* вы могли на это отвѣтить" (въ звуковомъ языкѣ: „*что́бы*"). „Нѣтъ, *чтобы* онъ молча и безъ возраженій выслушалъ меня". „Когда это было, *чтобы* ты пришелъ во-время" и проч. под. Новыя отношенія между словами появились и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ формы словъ утратились: инфинитивъ, напримѣръ, получилъ функціи имени, хотя и утратилъ сознававшуюся когда-то падежную форму въ супинѣ и въ окончаніи именит.—винит. падежа. Срв. также судьбу причастныхъ формъ выше. Срв. инфинитивъ въ словосочетаніяхъ: „Люблю работать", „Хочу знать", „Иду отвѣчать", „Перестань разговаривать", „Иду, чтобы дойти" и под. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ мы видимъ функціи имени у инфинитива. Изъ сравненія словосочетаній: „*Долго смотрѣть* на одинъ предметъ *утомительно*". „*Умѣнье выбрать* жизненную дорогу дается не всегда сразу". „*Совѣтъ безстрашно умереть* нелегко выполнить" и под. можно видѣть, что инфинитивъ, какъ показатель именительнаго падежа, согласуется *со среднимъ родомъ* прилагательнаго именного сказуемаго; инфинитивъ, какъ показатель родительнаго падежа, стоитъ по требованію управляющаго имъ имени существительнаго. (Срв. „продажа вина"...). Но самъ инфинитивъ требуетъ нарѣчія, какъ глагольная фо́рма, *въ качествѣ дополнительнаго слова*. (См. наши „Основы синтаксиса р. языка". Каз. 1915 г. 3-е изд.). Срв. „Служить бы радъ, *прислуживаться тошно*". „Прислуживаться нехорошо". „Яйцо нехорошо". „Яйцо плохо". „Ужинъ не нуженъ". „Спальня не нужна". „Письмо не нужно". Изъ этихъ примѣровъ видно, что инфинитивъ соединяется съ прилагательнымъ—сказуемымъ, согласуясь съ нимъ *въ среднемъ родѣ*. Срв. еще: „Услуга дорога́", до́рого яичко", „не до́рогъ подарокъ" и проч.

Изъ предыдущаго мы выводимъ: 1) Что форма слова лишь совмѣстно съ вопросомъ отношенія словъ даетъ безошибочный критерій для опредѣленія категоріи членовъ предложенія и категоріи словосочетаній. (Т. е. категоріи подлежащаго, сказуемаго, опредѣленія и „дополнительныхъ“ словъ; а равно категорій опредѣлительнаго и дополнительнаго придаточныхъ предложеній. См. мои „Основы синтаксиса“). 2) Что вопросъ отношенія словъ и словосочетаній рѣшается формами согласованія и управленія *непосредственно связанныхъ между собою этими формами словъ*. 3) Что всѣ привходящія слова, какъ знаменательныя, такъ и служебныя, не вызванныя потребностями непосредственной грамматической (синтактической) связи между ними, не имѣютъ вліянія на рѣшеніе вопроса при синтактическомъ разборѣ о томъ, *какой* членъ предложенія имѣется въ данномъ случаѣ на-лицо, или *какое* придаточное предложеніе стоитъ въ подчиненіи главному. Пояснимъ эти три нашихъ вывода примѣрами: „Разумный и благожелательный совѣтъ человѣку, почувствовавшему себя въ затруднительномъ положеніи, весьма полезенъ, потому что указываетъ выходъ изъ затрудненія и вселяетъ надежду“. Непосредственная грамматическая связь здѣсь замѣчается между словами: „совѣтъ“ и „разумный“, „благожелательный“ (связь согласованія); „совѣтъ“ и „человѣку“ (связь управленія. См. выше). „Почувствовавшему“ и „человѣку“ (связь согласованія); „себя“ и „почувствовавшему“ (связь управленія); „въ затруднительномъ положеніи“ и „почувствовавшему“ (связь управленія); „полезенъ“ и „совѣтъ“ (связь согласованія); „полезенъ“ и „потому что“ (связь управленія: по чему? по тому; по этому; по болѣзни; по причинѣ и под.) и т. д. Мы не можемъ *въ языкѣ и его формахъ сочетанія найти несомнѣнныхъ доказательствъ въ пользу признанія различныхъ обстоятельствъ: причины, цѣли и проч. и проч. Изъ анализа формъ языка мы видѣли, что вопросы словоотношеній, выраженные формально, суть вопросы подлежащаго, сказуемаго, опредѣленія и косвенныхъ падежей съ предлогами или безъ нихъ, т. е. вопросы дополненія.* А потому мы, не считая возможнымъ вводить въ число „второстепенныхъ“ членовъ предложенія, кромѣ опредѣленія (связь согласованія; вопросъ: „какой“, „чей“) и дополненія (связь управленія; вопросы косв. падежей съ предлогами и безъ нихъ), еще различныя „обстоятельства“ (см. мои „Основы синтаксиса“), ограничиваемся лишь тѣми членами предложенія, которые имѣютъ для своего выраженія особыя синтактическія формы. Всѣ остальные члены мы называемъ условно „дополненіями“ за неимѣніемъ научно-точнаго термина.

Наша классификація членовъ предложенія (подлежащее, сказуемое, опредѣленіе и дополненіе—дополнительныя слова) претендуетъ, по нашему мнѣнію, совершенно основательно на научность: во-первыхъ, эта классификація вытекаетъ сама собой изъ *формальныхъ различій* между членами предложенія, во-вторыхъ, изъ *особенностей историческаго процесса*, пережитого синтаксисомъ русскаго языка и выразившагося въ смѣшеніи различныхъ служебныхъ словъ и частицъ другъ

съ другомъ въ рѣчи, вслѣдствіе утраты многихъ формъ языка и ихъ отличій, въ-третьихъ, изъ анализа современныхъ синтактическихъ построеній и правилъ, проникшихъ даже въ школьную литературу по русскому языку, представляющую сплошь наслѣдіе отъ періода донаучнаго въ лингвистикѣ, того періода, который не отличалъ принциповъ языковѣдѣнія отъ принциповъ логики.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, какія только словосочетанія мы можемъ теперь подчинять словамъ главнаго (управляющаго) предложенія, *не измѣняя вопросовъ отношенія и измѣняя форму внѣшней связи союзомъ*:

„Не знаешь (того, чего), { кого встрѣтишь; чего просить; что / гдѣ } найдешь...; когда / какъ } возьмешь / получишь; откуда / куда } пойдешь...; почему / для чего } ошибаешься / идешь...“

Срв. также: „Не знаешь, что пойдешь (встрѣтишь знакомаго) и что́ (найдешь въ немъ)“

и под., гдѣ мы имѣемъ *интонацію*, какъ единственный *формальный признакъ различія словосочетаній, однако не вносящій въ то же время различія въ словоотношенія*, т. е. различія между членами сложнаго предложенія. Въ послѣднемъ примѣрѣ мы имѣемъ поэтому сочетаніе главнаго, управляющаго предложенія („Не знаешь“...) и двухъ придаточныхъ *дополнительныхъ*, соединенныхъ союзомъ *„и“*, не смотря на различіе формальнаго признака („что“—союзъ и „что́“—мѣстоименіе). Эти два придаточныхъ предложенія являются именно, *дополнительными, потому, что вопросъ отношенія подчиненнаго слова* (словосочетанія) *къ управляющему остается одинъ и тотъ-же*: „не знаешь **чего?**“ (Вопросъ род. падежа безъ предлога). Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что форма отношеній между членами различна, а *смыслъ* (*вопросъ*) *отношеній все одинъ и тотъ-же*: *онъ данъ управляющимъ словомъ* „знаешь“, „не знаешь“ (кого, чего, что: род. и вин. падежи). Мы видѣли и обратное выше: смыслъ отношеній измѣнялся, а форма ихъ оставалась одинаковою („чтобы“—выше). Это несомнѣнно указываетъ на нарушеніе прежней связи между формою и значеніемъ, т. е. на историческое измѣненіе въ языкѣ во всѣхъ его областяхъ. Такъ же, какъ пережилъ измѣненіе союзъ „чтобы“, такъ пережиты измѣненія и союзами: „еслибы“, „когда бы“, потому, почему, поэтому и под.: „Когдабъ я зналъ, напрасно бы я юность не терялъ“... Или: „Еслибъ я зналъ, я не пошелъ бы“. *Исторически* „потому“, „почему“

и проч. создалось изъ: „по тому“, „по чему“ и т. д. А вотъ примѣры употребленія *нарѣчія „гдѣ“*, ставшаго *союзомъ*, оставшагося, какъ всякое нарѣчіе, *неизмѣннымъ по формѣ, но внесшаго различіе въ словоотношенія, т. е. измѣнившаго вопросъ отношеній*: „И гдѣ бъ его начать, лишь мѣсто выбираетъ“ (*какое* мѣсто?). „Деревня, гдѣ скучалъ Онѣгинъ, была прелестный уголокъ“. (*Какая* деревня?). „Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышитъ“. (*Какой* край?). Но: „Ты вышелъ оттуда, гдѣ я былъ раньше тебя“. (*Откуда* вышелъ?—дополнительныя слова, дополнительное предложеніе, отвѣчающее на вопросъ отношенія (откуда?) управляющаго слова („вышелъ“) къ зависимому („оттуда“ = отъ туда. Срв. если бы, что бы, когда бы и т. д. выше. Срв. въ древне-русскомъ языкѣ: коуда, коудꙑ, коудѣ, коудоу,.. коудѣ).

Историко-сравнительнымъ анализомъ мы убѣдились въ томъ, что нарѣчія лишь съ теченіемъ времени образовали изъ себя *безформенныя, несинтактическія* слова, но когда-то они могли быть и, вѣроятно, были формами падежей, какъ видно изъ ихъ формантовъ (флексій. Срв. форму инфинитива, супина, краткаго причастія): напр., „внѣ“, „вонъ“, „справа“, „слѣва“, „спроста“, „попросту“ и под. Такъ же: *коудѣ (срв. польск. skąd, dokąd...), коуда, коудꙑ, коудѣ, коудоу (стрсл. кѫдѣ, кѫдѫ...), отъ-туда, отъ-куда, до-куда, по-куда. Срв. современныя: по-скольку, по-стольку, по-нѣскольку; діалект. до-сколькѝ, „до сколькѝ часовъ“ (Каз. Срв. „до пятѝ“, „до шестѝ“ и проч.). Итакъ, съ одной стороны, мы видимъ *стародавніе* слѣды падежныхъ флексій при основахъ различныхъ частичныхъ словъ, а, съ другой,—образованія *по аналогіи* съ падежами *недавняго происхожденія. Такимъ образомъ, вопросъ отношенія между словами въ связной устной рѣчи и вопросъ отношенія между цѣлыми словосочетаніями рѣшается формою управляемаго слова, служащаго всегда отвѣтомъ на опредѣленный вопросъ говорящаго; отвѣты на эти вопросы говорящаго и даются формами падежей.* Напр., живоу новѣгородѣ, къневѣ; идоу смоленьскоу, къневаоу; отлоученъ съборища, мира; ити поутьмь тѣмь и проч. Срв. выше.

Такимъ образомъ, *основной принципъ анализа языковыхъ явленій, указываемый методологіей языкознанія, заключается въ разсмотрѣніи языковыхъ явленій въ ихъ исторической перспективѣ.* Въ исторической перспективѣ получаютъ объясненіе тѣ явленія современнаго намъ русскаго языка, которыя представляются намъ совершенно потерявшими свою связь другъ съ другомъ и съ своимъ прошлымъ и кажутся намъ разошедшимися въ самыя разнообразныя стороны.

Методологически-правильнымъ будетъ при анализѣ какого-бы то ни было факта современнаго русскаго языка прочно и точно установить его современный намъ звуковой видъ и современное намъ значеніе и его возможно болѣе древній, т. е. первоначальный, видъ и такое-же, по возможности, его значеніе. Связать между собой эти два вида каждаго языковаго факта, или явленія, удается, какъ оказывается, лишь при посредствѣ частичныхъ спеціальныхъ изслѣдованій, нерѣдко выводящихъ насъ изъ области чисто фонетическихъ явленій

въ область психологическихъ фактовъ языка, въ область образованій по аналогіи. Поэтому, какой бы фактъ современнаго намъ языка мы ни взяли, мы въ немъ при внимательномъ изученіи усмотримъ слѣды взаимнаго сплетенія физіологическихъ и психическихъ процессовъ въ теченіе жизни этого факта; и потому никогда нельзя ни въ какой школѣ (ни въ низшей, ни въ средней, ни въ высшей) *догматически* излагать ученіе о звукахъ и формахъ *живого* языка, пережившаго продолжительную свою исторію. Тѣмъ менѣе возможенъ *догматизмъ* при изложеніи синтаксиса такого *живого* языка, который насчитываетъ не одно тысячелѣтіе своей исторіи, своей жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, до какой степени *наивными и прямо безсмысленными* должны казаться ученому историку языка наши догматически составленные учебники грамматики русскаго языка, въ которыхъ мы встрѣчаемъ и противорѣчія и несообразности (съ научной точки зрѣнія) въ каждомъ отдѣлѣ, на каждомъ шагу. Такъ, раздѣленіе именъ сущ. на склоненія, опредѣленіе частей рѣчи, опредѣленіе предложенія и его частей, ученіе о „безличныхъ“ предложеніяхъ, ученіе о залогахъ глаголовъ, о формахъ глаголовъ и прочіе отдѣлы представляются пустой болтовней въ нашихъ школьныхъ учебникахъ, въ которыхъ потому и не могутъ разобраться ни ученики, ни учителя. Я остановлюсь изъ перечисленныхъ мною отдѣловъ школьной грамматики русскаго языка съ бо́льшей обстоятельностью преимущественно на слѣдующихъ: 1) на дѣленіи именъ сущ. на склоненія, 2) на опредѣленіи частей рѣчи и 3) на ученіи о „безличныхъ“ предложеніяхъ, такъ какъ другіе изъ перечисленныхъ мною выше отдѣловъ нашей школьной грамматики обработаны мною болѣе обстоятельно и съ надлежащей научной точностью въ моихъ учебникахъ и въ ученыхъ статьяхъ. („Учебникъ грамматики. Этимологія“. „Учебникъ грамматики. Синтаксисъ“. „Основы синтаксиса“. „Ученіе Вундта и Пауля о предложеніи“. „Къ ученію о синтаксисѣ простого предложенія“—Ж. М. Н. Пр. 1891 г.). Однако, строго говоря, и *остальные* изъ выше перечисленныхъ мною отдѣловъ школьной грамматики русскаго языка въ „*Методологіи*“ русскаго языкознанія нуждались бы *въ объяснительныхъ запискахъ* для преподавателей и для самообразованія, но для обстоятельныхъ методологически-необходимыхъ записокъ мнѣ пришлось бы во многихъ мѣстахъ моей настоящей книги повторяться, а это меня очень стѣсняетъ. Если однако этого требуютъ интересы изученія и преподаванія родного языка съ цѣлью разсѣять, наконецъ, путемъ науки тотъ туманъ, который окуталъ въ нашихъ школьныхъ учебникахъ всѣ отдѣлы нашего родного языка, то я надѣюсь, что читатели моей книги поймутъ это и простятъ мнѣ, ради такой цѣли, допущенныя мною *повторенія*.

I. Классификація именъ существительныхъ по склоненіямъ.

Всякому понятно, что предлагать тотъ или иной методъ изученія какого-либо предмета можетъ только тотъ съ пользою для дѣла, кто

самъ составилъ себѣ отчетливое представленіе объ этомъ предметѣ на основаніи изученія его со всѣхъ возможныхъ сторонъ и во всѣхъ его подробностяхъ и проявленіяхъ. Такое *изученіе* однако должно быть *научнымъ*, а научнымъ оно будетъ, именно, въ томъ только случаѣ, если оно опирается на *дѣйствительное положеніе* вещей и совершенно свободно отъ традиціонныхъ положеній, отъ предвзятыхъ цѣлей и постороннихъ дѣлу изученія даннаго предмета вопросовъ. Всякій выводъ изслѣдователя долженъ самъ собой вытекать изъ данныхъ, получаемыхъ при *наблюденіи* предмета, при *сравненіи* его съ другими однородными и при *анализѣ* его состава. При изслѣдованіи предмета нѣтъ мѣста слѣпому довѣрію къ тому, что́ сказано другими и, быть можетъ, прочно уже утвердилось въ обществѣ.

Слѣдовательно, свобода изслѣдованія, его самостоятельность, независимость и согласіе лишь съ индуктивно-добытыми результатами непосредственнаго наблюденія надъ изучаемымъ предметомъ, поставленнымъ въ надлежащимъ образомъ построенномъ *опытѣ*, или даннымъ *въ самой природѣ*, составляютъ необходимое условіе научной работы мысли и научнаго представленія о предметѣ. То, что сказано мною сейчасъ о научномъ изученіи и о научномъ методѣ вообще, относится ко всѣмъ областямъ науки и въ частности и къ лингвистикѣ, къ наукѣ о русскомъ языкѣ. Какъ ни печально это, но надо признаться, что по отношенію къ русскому языку слѣдуетъ дѣло представить себѣ, въ интересахъ школы, такъ, какъ будто бы не было еще никакихъ научно твердо установленныхъ фактовъ, выведенныхъ изъ непосредственнаго наблюденія надъ предметомъ и научнаго его изученія. *Такъ* надо представить себѣ это дѣло потому, что въ школу уже давно проникло такое ученіе о русскомъ языкѣ, о которомъ наивно думаютъ, что оно гарантировано наукою и опирается на эту послѣднюю, а между тѣмъ наука о языкѣ совершенно не виновата въ такомъ школьномъ ученіи и не можетъ терпѣть его и нести отвѣтственности за такое положеніе дѣла въ средней школѣ. Словомъ, все надо начинать *сызнова* для того, чтобы дать средней школѣ *научно* обработанный и *научно* освѣщенный матеріалъ по русскому языку.

Прежде всего, что́ мы называемъ *склоненіемъ* имени существительнаго? *Различаются ли* въ современномъ русскомъ языкѣ *имена по склоненіямъ? Сколько различныхъ склоненій? Какой принципъ дѣленія именъ на склоненія надо положить въ основу дѣленія* именъ существительныхъ современнаго русскаго языка? *Совпадаетъ ли этотъ принципъ* дѣленія *съ принципомъ дѣленія* именъ существительныхъ *въ древнемъ русскомъ языкѣ? Что даютъ въ этомъ отношеніи наши школьные учебники?* Вотъ рядъ вопросовъ, на которыхъ слѣдуетъ прежде всего остановиться въ научной методологіи русскаго языкознанія. Принимая во вниманіе всѣ требованія и условія, намѣченныя выше, мы опредѣляемъ склоненіе такъ: *склоненіемъ* называется измѣненіе имени присоединеніемъ къ его основѣ (см. морфологію въ Учеб-

никѣ этимологіи р. яз. Стр. 105. § 39. Изд. 4-е. М. 1914 года) формантовъ (флексій), образующихъ падежи, служащіе падежными формами отвѣтовъ на слѣдующіе вопросы: кто? что? (имен. п.), кого? чего? (род. п.), кому? чему? (дат. п.), кого? что? (вин. п.), кѣмъ? чѣмъ? (твор. п.), комъ? чемъ? (мѣстный, а потомъ „предложный" падежъ. См. выше). Всѣ эти падежи (вопросы) могутъ зависѣть отъ управляющихъ предлоговъ и управляющихъ другихъ частей рѣчи. Только форма *имен.* падежа (на вопросъ: кто? что?) не можетъ зависѣть ни отъ какого управляющаго слова. *Именительный падежъ представляетъ независимую форму склоненія, самостоятельную.*

Форманты (флексіи) падежей представляютъ строго опредѣленную систему падежныхъ окончаній. Именно:

Род. п.: а ('а, ја); ы (и, ји); и. — Сна́, кон'а́, вороб'ја́; окна́, остріја́; волны́, возни́, колеи́; оси́.

Дат. п.: у ('у, ју); ѣ; и. — Сну́, кон'у́, вороб'ју́; окну́, остріју́; волнѣ, вознѣ, колеѣ; оси́.

Вин. п.: Какъ имен. или род. п. — у́, ('у́, ју́) — Какъ имен. п. — Сон, кон', вороб'ја́; окно́, остріјо́; волну́, возн'у́, колеју́; ос'.

Твор. п.: о́м, ('о́м, јо́м); о́ју ('о́ју, јо́ју); 'ју. — Сно́м, кон'о́м, вороб'јо́м; окно́м, остріјо́м; волно́ју, возн'о́ју, колеjо́ју; ос'ју.

Предлож. п.: е́; и́. — Сне́, коне́, вороб'е́; окне́, остріе́; волне́, вознѣ, колеѣ; оси́.

Имен. п.: Или чистая основа, Или съ исчезновеніемъ гласнаго *е* изъ *ь* въ слабомъ положеніи, или: о́ (јо́); а́ ('а́, ја́). — Сон, кон', воробе́и—вороб'і; окно́, остріјо́; волна́, возн'а́, колеја́, ос'.

Изъ анализа этихъ формантовъ (падежныхъ флексій) мы заключаемъ о слѣдующемъ ихъ распредѣленіи по отличіямъ.

Вся наличность падежныхъ флексій именъ существительныхъ въ единственномъ числѣ современнаго намъ русскаго языка, какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, распадается на три группы:

1) Въ род., дат. и твор. п.п. имѣетъ окончанія *а, у, ом* съ твердымъ или мягкимъ согласнымъ (сюда относится и j) передъ гласными окончаній этихъ падежей: *а, у, о.*

2) Въ род., дат. и твор. п.п. имѣетъ окончанія *ы* (послѣ мягкой согласной—*и*), *ѣ, ою* (послѣ мягкой согласной *'ою* или *еіу*) и

3) Въ род., дат. и твор. п.п. имѣетъ окончанія: *и*—въ род. и дат. и—*'ју* ('ју́) и *ију*—въ твор. п. ед. числа.

Эти три группы именъ, отличающіяся другъ отъ друга въ процессѣ ихъ измѣненія по падежамъ въ един. числѣ, подмѣтилъ еще

проф. *Ѳ. И. Буслаевъ* въ концѣ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка на основаніи анализа и сравненія падежныхъ флексій въ именахъ существительныхъ. *Оказалось на основаніи сравненія, что только окончанія родительнаго, дательнаго и творительнаго падежей единственнаго числа могутъ и потому должны быть положены въ основу дѣленія именъ существительныхъ въ современномъ русскомъ языкѣ на склоненія по различію, именно, этихъ окончаній,* т. к. другія окончанія въ падежахъ или не вносятъ существенныхъ различій въ склоненія, или совпадаютъ другъ съ другомъ въ прочихъ падежахъ при вышеуказанномъ различіи въ трехъ вышеназванныхъ падежахъ.

Что касается именительнаго падежа един. числа въ именахъ существительныхъ въ современномъ намъ русскомъ языкѣ, то, какъ видно изъ анализа приведенной таблицы, этотъ падежъ *или вовсе не имѣетъ падежной флексіи (окончанія)*, а потому представляетъ собой чистую основу слова, оканчивающуюся на твердый согласный (сон), мягкій согласный (кон') или на і̯ (j), въ положеніи его послѣ гласнаго, представляющаго вмѣстѣ съ этимъ і̯—*дифтонгъ, сочетаніе двухъ гласныхъ одного слога* (воробе́і̯—воробе́j; у́леі̯; краі̯ (край); роі̯ (рой); Евгеній (Евгеніі̯—Евгенij); поцѣлу́і̯ (поцѣлу́й), гдѣ мы имѣемъ дифтонги: *ай, ей, ій, ой, уй.* Или же въ такой чистой основѣ могутъ быть фонетическія измѣненія, напр., въ словѣ „воробе́й"—чистая основа, но въ словѣ „воробья" и въ прочихъ косвенныхъ падежахъ мы имѣемъ фонетически измѣненную основу: „воробьj—а", т. е. вороб'j—. Изъ древне-русскаго и старославянскаго воробии и врабии мы видимъ, что звукъ и, стоящій передъ конечнымъ и (изъ jъ—jь *послѣ гласнаго*. См. фонетику выше), самъ чередуется съ древнерусскимъ ь—є (объ этомъ чередованіи см. Фонетику выше и мою Этимологію): это указываетъ намъ на то, что въ *древнѣйшій* періодъ жизни русскаго языка слово воробии имѣло передъ конечнымъ и звукъ ь: воробьи, а отсюда—въ сильномъ положеніи (см. выше) мы имѣемъ: воробєи, а въ слабомъ—воробьа—вороб'ја. Срв. однако: краи; род.—краі̯ (крај)+а: кра́й-а и проч. Въ именахъ окно́, острijо́—именит. падежъ имѣетъ флексію *о (jо́, е)* средняго рода, а въ именахъ: волна́, возн'а́, колеја́—флексію *а (ја)*—женскаго рода; въ именахъ: ос', кост', мысл', сып' и проч. въ именит. падежѣ един. числа—тоже чистая основа на согласный мягкій, который такъ же, какъ и въ именахъ, имѣющихъ въ род.—дат.—твор. п.п. окончанія *а, у, ом* можетъ быть *только глухимъ* (*отзвучнымъ*) по положенію (см. фонетику выше и мою Этимологію). Напр., рап, лоф, рок, трут, нош, вос, голуп', дошт', яс'; или въ словахъ съ род.—дат.—твор. п.п. на—*и, 'jу*: зып', кроф', твер'т', свяс', мол', тѣн' и проч. (Орѳографически: рабъ, ловъ, рогъ, трудъ, ножъ, возъ, голубь, дождь, язь; зыбь, кровь, твердь, связь, моль, тѣнь).

Въ таблицѣ мы выбирали для нагляднаго опыта *съ намѣреніемъ лишь ударяемыя падежныя флексіи*, т. к. *гласныя окончанія лишь подъ удареніемъ являются на слухъ* (языкъ—явленіе *звуковое*, зна-

читъ,—*слуховое*. См. выше) *безспорными* выразителями неизмѣненной звуковыми законами основной природы соотвѣтствующаго звука.

Такимъ образомъ, само положеніе дѣла указываетъ намъ на *три* различныхъ склоненія въ современномъ русскомъ языкѣ: къ одному склоненію принадлежатъ такія слова, какъ: сонъ, конь, край; окно, остріе, поле; къ другому склоненію принадлежатъ такія слова, какъ: волна, земля, возня, колея́, линія, скуфья́, ке́лья; къ третьему склоненію принадлежатъ такія слова, какъ: ось, кость, постель, моль, зыбь, сыпь. Въ какомъ бы мы порядкѣ ни считали эти склоненія, т. е. какое бы изъ нихъ мы ни назвали *первымъ*, это не имѣетъ никакого значенія научнаго: одно важно знать, что *всѣ эти склоненія различаются другъ отъ друга по окончаніямъ* (*флексіямъ*) *род., дат. и творительнаго падежей един. числа.*

Само собой разумѣется, что, если мы увеличимъ количество сравниваемыхъ между собой именъ по падежнымъ окончаніямъ (по окончаніямъ род.—дат.—твор. п.п. ед. ч.), то мы убѣдимся, что есть еще группа именъ существительныхъ, которыя въ процессѣ склоненія смѣшиваютъ эти окончанія трехъ вышеназванныхъ падежей такъ, что род. и дат. падежи ихъ идутъ по группѣ: и—и—ью (ію), а творит. падежъ имѣетъ окончаніе изъ группы: а—у—ом (ем): напр., время—времени—времени, но: временем(ъ). Такое склоненіе мы, естественно, назовемъ „*смѣшаннымъ*“, хотя признаемъ, что оно не вноситъ ничего новаго въ три основныя группы именъ, слѣдовательно, и *не колеблетъ ни основы дѣленія именъ на склоненія, ни нашихъ выводовъ*: оно только пользуется въ твор. п. ед. ч. окончаніями не соотвѣтствующей ему группы, оставляя все прочее въ процессѣ склоненія уже предусмотрѣннымъ и отмѣченнымъ и безъ измѣненій.

При анализѣ формъ имен. падежа ед. числа именъ намъ пришлось обратить вниманіе, кромѣ окончаній, еще и на *основу* слова въ склоненіи. Конечно, *съ точки зрѣнія основы словъ въ склоненіяхъ* намъ придется отмѣтить, сверхъ трехъ указанныхъ группъ, еще другіе виды склоненія именъ существительныхъ въ современномъ русскомъ языкѣ; такіе однако виды, которые не измѣняютъ нашей классификаціи по принципу падежныхъ флексій, а представляютъ подраздѣленія тѣхъ же вышеперечисленныхъ трехъ группъ, но подраздѣленія *по другому принципу*. Именно, анализируя *основы* современнаго склоненія *именъ существительныхъ, т. е. тѣ части словъ, которыя остаются неизмѣняемыми при перемѣнѣ падежныхъ окончаній*, мы видимъ, что эти основы являются то различными въ имен. п. ед. числа сравнительно съ основами прочихъ падежей *единственнаго же числа*, то различными въ един. и во множ. числахъ при указанномъ уже различіи основъ им. п. ед. числа и прочихъ падежей того же числа. Такъ, въ словахъ: мать, дочь, а также въ словахъ съ суф. *-ин-* (суффиксъ единичности), мы замѣчаемъ *чередованіе основъ въ падежахъ склоненія*. Именно: слова: *мать* и *дочь* имѣютъ въ им. п. ед. ч. основу *мат'*, *доч'*, т. е. основу на мягкій согласный, какъ и слова третьей группы:

ос', кост', мол' и под. Въ прочихъ падежахъ слова: *мать* и *дочь* имѣютъ основы: *матер'*, *дочер'*. Все склоненіе при этомъ идетъ по типу *ос'*, *кост'*. Слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ чередованіе основъ *мат'*, *доч'* и *матер'* и *дочер'*. Падежныя флексіи—тѣ же, что показаны нами выше въ *третьемъ* склоненіи. (См. выше). Слово *путь*, имѣя основу *пут'*, т. е. основу третьей группы именъ, принадлежитъ однако къ *„смѣшанному"* типу по падежнымъ флексіямъ: *пути*, *пути*, *пут'ом* (орѳ. „путемъ"). Слова съ суф. *-ин-*, какъ: господинъ, сѣверянинъ, бояринъ, баринъ, англичанинъ, болгаринъ, если только этотъ суффиксъ означаетъ *единичность*, чередуютъ основы слѣдующимъ образомъ: единственное число удерживаетъ суффиксъ единичности *„ин"*, а множественное число имѣетъ другую основу, безъ суффикса—*„ин"*. Такъ: барин-, барин-а, барин-у, барин-ом, барин-ѣ. Но во множ. ч.: бар-ы, бар-, бар-ам, бар-ами, бар-ах. Срв. господин—въ ед. ч. и господ—во множ. числѣ.

Далѣе, *по основамъ* мы различаемъ склоненіе такихъ словъ, какъ: время, бремя, темя, сѣмя, вымя, пламя, знамя, имя, стремя, племя, которыя въ имен. п. ед. ч. имѣютъ *чистую основу* безъ всякаго падежного окончанія, но фонетически видоизмѣненную въ русскомъ языкѣ еще въ періодъ прарусскаго единства, т. е. въ ту эпоху, когда въ восточной вѣтви славянства были утрачены *носовые гласные*, такъ что *vrętę (изъ общесл. *verm̃tę) въ русскомъ языкѣ дало фонетически (см. выше): verem'a, а въ церковныхъ книгахъ—съ болгарскимъ звуковымъ обликомъ, какъ заимствованное слово изъ болгарской графики: врѣмѧ и времѧ. Принимая во вниманіе, что всякое старославянское ę (по кирилловской транскрипціи—ѧ) въ положеніи *передъ согласнымъ звукомъ* или *въ концѣ слова*, но не во флексіяхъ косвенныхъ падежей, давало въ русскомъ языкѣ вышеуказанной отдаленной эпохи звукъ *'а*, мы приходимъ къ заключенію, что такое слово, какъ „время" представляетъ по своему звуковому облику чистую основу *vrętę, но уже *въ періодѣ послѣ утраты носового произношенія ę*, т. е. послѣ образованія въ соотвѣтствіи съ нимъ въ рускомъ языкѣ—*'а*: такъ получилось наше *время* (vrem'a) при старославянскомъ врѣмѧ и болѣе древнемъ русскомъ (уже утраченномъ въ X-мъ вѣкѣ. См. мои лекціи по исторіи р. яз. и мой Учебникъ этимологіи р. языка) врѣмѧ. (Буква „я" съ эпохи Петра Великаго замѣнила собой древнюю букву ѧ, т. е. ја или ја). Стало быть, слова типа „время" не только въ *современномъ* намъ русскомъ языкѣ не имѣютъ въ им. п. ед. ч. падежного окончанія, но не имѣли его и въ древнемъ русскомъ языкѣ, т. е. искони представляли въ формѣ им. п. ед. ч. *чистую основу*. Однако эта основа словъ разсматриваемаго типа въ косвенныхъ падежахъ (кромѣ вин. падежа, который *по звукамъ* равенъ именительному) чередуется съ основою *времен-*.

Такимъ образомъ, русское произношеніе звука ę (ѧ) дало въ формѣ имен. п. ед. ч. врем'а, а въ косвенныхъ падежахъ, гдѣ звуку ę (ѧ) приходилось находиться въ положеніи передъ гласнымъ элементомъ

падежной флексіи, этотъ звукъ ę (ѧ) еще ранѣе утраты носового произношенія гласныхъ въ русской вѣтви славянства образовалъ сочетаніе: *гласный (е) + носовой согласный* (п, т—н, м). Такъ получилось при формѣ vremę основа: vremen—для косвенныхъ падежей. Въ церковно-русскомъ произношеніи: врѣм'а (изъ болѣе древняго—до ½ X-го вѣка—vremę) для имен. падежа и времен—для косвенныхъ падежей. Слѣдовательно, въ этомъ словѣ, какъ и въ прочихъ подобныхъ на ѧ (ę), чередуются основы *врем'а* и *времен-* (въ чисто-русскомъ языкѣ, безъ примѣси церковно-болгарскаго произношенія: *верем'а* и *веремен-*). Такъ же: *съм'а* и *съмен-*; *плем'а* и *племен-; брем'а* и *бремен- (берем'а* и *беремен-*) и проч. под. Все же склоненіе такихъ именъ *по падежнымъ флексіямъ* представляется *смѣшаннымъ*: р. сѣмени, д. сѣмени, предл. сѣмени, но твор. сѣменем.

Само собой разумѣется, что основа *времен-* и основа *врем'а-*, ставшая формою имен. падежа ед. числа, другъ отъ друга отличались въ былое время (до ½ X-го вѣка) только тѣмъ, что одна и та же основа въ косвенныхъ падежахъ *фонетически* передъ слѣдующей гласной превращалась въ такую этимологическую часть слова, которая заканчивалась *носовымъ согласнымъ* въ положеніи передъ гласнымъ падежного окончанія, а въ именительномъ падежѣ ед. ч. она же и тоже фонетически, въ конечномъ положеніи въ словѣ, давала *не сочетаніе двухъ звуковъ*: гласнаго *е* + носовой согласный зубной н (*п*), *а одинъ звукъ е* съ носовымъ его произношеніемъ (при опущенной небной занавѣскѣ—velum palati. См. мой Учебникъ этимологіи. Фонетика. Также мой курсъ: „Русскій языкъ", лекціи на Педагогич. Курсахъ при Управленіи Каз. Уч. Округа 1911—1912 ак. года. 1-е изданіе—Варшава 1913 года. 2-е изданіе—Казань. 1914 г. 3-е изданіе безъ перемѣнъ—Казань. 1916 г.). Это носовое произношеніе звука *е* утратилось во всемъ русскомъ языкѣ (не въ какихъ-либо его нарѣчіяхъ!), однако вм. ę не получилось здѣсь просто—*е*, а это *е* стало постепенно расширяться, т. е. приближаться къ звуку *а*, сохраняя всетаки передъ собой былую *смягченную согласную*; слѣдовательно, звукъ (*е*) передняго ряда одновременно съ потерей носового произношенія (съ поднятіемъ небной занавѣски и прекращеніемъ доступа звучащей струѣ воздуха въ носовую полость изъ легкихъ черезъ гортань и полость зѣва) сталъ перемѣщать свою артикуляцію все болѣе и болѣе по направленію къ задней части (болѣе глубокой) полости рта, а языкъ въ это время сталъ опускаться, выравниваясь въ плоскость нижней челюсти и не выгибая спинку свою кверху, какъ было при гласномъ *е*. Этотъ сложный физіологическій процессъ перехода *'е* въ *'а* далъ цѣлый рядъ посредствующихъ ступеней звуковъ, рядъ, который мы можемъ графически изобразить примѣрно такъ: *'е—'е[а]—'ä—'а*. Такъ и получилось изъ vrem'ę—vrem'e—vrem'e[а]—vrem'ä—vrem'a; наше: *врем'а*. Нельзя думать, что всѣ эти отмѣченныя нами, физіологически необходимыя въ процессѣ перехода звука *'е* въ звукъ *'а*, звенья представляютъ собой лишь научную фикцію, своего рода *предполагаемыя*

величины, которыхъ въ *живой* рѣчи не было и нѣтъ послѣ. Напротивъ, почти всегда оказывается, что физіологически необходимыя звенья цѣпи, образующей звуковой рядъ, связывающій собою начальный и конечный (современный намъ) пункты звуковой исторіи (въ словѣ или въ словосочетаніи) даннаго звука, исчезая, утрачиваясь въ одномъ діалектѣ (нарѣчіи) русскаго языка, продолжаютъ свою жизнь въ другомъ нарѣчіи этого же языка, а потому наука о нарѣчіяхъ русскаго языка (діалектологія), естественно, даетъ лингвисту цѣлый рядъ фактовъ языка, необходимыхъ не только для построенія полной (безъ перерыва) звуковой исторіи каждаго даннаго звука, но и для объясненія звуковыхъ варьянтовъ и разновидностей, сохранившихся въ одномъ изучаемомъ нами нарѣчіи, *ставшемъ со временемъ литературнымъ русскимъ языкомъ*. Такъ, исконно-русское zętь дало въ концѣ концовъ: з'ат', но посредствующія звенья звуковой *русской* исторіи звука ę сохранились въ рядѣ сѣверно-великорусскихъ діалектовъ: z'ät'—олонецкое, вологодское, новгородское и др. Подобные факты мы находимъ и въ исторіи другихъ звуковъ русскаго языка, и такое же явленіе мы замѣчаемъ при изученіи діалектологіи другихъ родственныхъ индоевропейскихъ языковъ. Вотъ почему *діалектологія и физіологія звуковъ* суть дисциплины *основные*, а исторія звуковъ каждаго языка есть дисциплина *производная* изъ двухъ основныхъ (плюсъ *психологія рѣчи*).

Разсмотрѣвши группу именъ, въ которыхъ чередуются основы склоненія *въ современномъ русскомъ языкѣ*, мы видимъ, что основы косвенныхъ падежей въ нихъ оканчиваются или на *-н* (имен-), или на *-р* (матер-). Однако выше мы видѣли, что само чередованіе основъ въ склоненіи именъ существительныхъ *современнаго* русскаго языка является очень разнообразнымъ: то видимъ мы *одну* основу въ формѣ им. п. ед. ч., а *другую—во всѣхъ прочихъ падежахъ ед. и множ. числа* (сон-: сн-; муравеј-: мурав'ј(j)-; мат'-: матер'-; врем'-: времен-;), то видимъ мы *одну* основу во всѣхъ падежахъ ед. ч., а *другую*—во всѣхъ падежахъ мн. числа. (Напр., господин-: господ-; барин-: бар-; англичанин-: англичан-; неб-: небес-; чуд-: чудес-; слово „колесо“ при древнемъ „коло“—колес- и проч. показываетъ, что оно образовано отъ основы колес- по аналогіи съ словами, имѣющими въ им. ед. ч. окончаніе—*о*). То видимъ мы *одну* основу въ формѣ им. п. ед. ч., *другую*—въ косвенныхъ падежахъ ед. ч. и *третью основу*—во всѣхъ падежахъ мн. ч. [Напр., дит'-: дитят'-: дѣт'; теленок-: теленк-: телят; ребенок-: ребенк-: ребят-; это послѣднее слово обнаруживаетъ передъ нами своей исторіей слѣдующіе интересные факты: 1) въ его основѣ чередуется суффиксъ *-ок-* съ суффиксомъ *-к-*, т. е. чередованіе намъ указываетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло со старымъ суффиксомъ *-ъкъ-*, который въ сильномъ положеніи къ концу XII-го вѣка далъ *-ок-*, а въ слабомъ положеніи—*к*. 2) Форма „ребята“ въ древнемъ русскомъ языкѣ извѣстна, какъ „робята“, а имен. ед. числа извѣстенъ былъ „робя“. Слѣд., звукосочетаніе *-ен-* въ формахъ ребенокъ—робенокъ

есть произношеніе ę (ѧ) передъ гласнымъ (см. выше: vremę—vremen и мой Учебникъ грамматики р. яз. Этимологія. Фонетика); а звукъ *е* послѣ *р* въ литературномъ русскомъ произношеніи „ребенокъ“ произошелъ по ассимиляціи со слѣдующимъ гласнымъ слѣдующаго слога *-бе- (-бен-)*, т. к. въ народныхъ говорахъ русскаго языка мы имѣемъ или роб'о́нък (фонет. транскрипція; сѣверно-великорусское окающее произношеніе), или раб'о́нък (фонет. транскрипція; южно-великорусское акающее произношеніе). Древнѣйшая основа такихъ словъ, какъ: робѧ, телѧ, орлѧ, поросѧ и под. сдѣлалась и формою древняго именительнаго падежа ед. числа]. То, наконецъ, мы видимъ *одну* основу склоненія *для всѣхъ падежей обоихъ чиселъ*; напр., кон'-, слов-, пол'-остріj-, волн-, земл'-, кел'j-, линіj- и под. въ словахъ: конь, слово, поле, острiе́, волна, земля, келья, линія (орѳографическое написаніе).

Такимъ образомъ, въ современномъ русскомъ языкѣ мы имѣемъ *три рязряда именъ существительныхъ по отношенію къ основамъ современнаго склоненія: или одну основу всего склоненія, или двѣ основы* (причемъ этотъ разрядъ, въ свою очередь, подраздѣляется на два подотдѣла. См. выше), *или три основы склоненія.*

Что же касается *окончаній им. падежа ед. ч.*, то *въ современномъ* русскомъ языкѣ мы имѣемъ только слѣдующія окончанія въ этомъ падежѣ: о, е, jо́; а, 'а, ja: слово, окно́, поле, острijо; книга, волна́, бан'а, кел'ja, линија, лад'já. Неударяемыя изъ этихъ окончаній (слов*о*, пол*е*) произносятся редуцированно, т. е. при неполномъ образованіи, но все-таки близкомъ къ звукамъ *о, е.* Болѣе полнаго образованія неударяемыя *а, 'а, ja* (книг*а*, бан'*а*, линиj*а*). Другихъ окончаній въ им. п. ед. числа именъ существительныхъ современный литературный русскій языкъ не имѣетъ.

Заканчивая отдѣлъ: „классификація склоненій“, какъ этотъ отдѣлъ, по нашему мнѣнію, долженъ быть изложенъ съ точки зрѣнія *методологіи*, я теперь подведу итоги и постараюсь отвѣтить на поставленные мною выше вопросы:

1) Что мы называемъ склоненіемъ? Склоненіемъ мы называемъ измѣненіе слова присоединеніемъ къ его основѣ падежныхъ окончаній, съ помощью которыхъ форма каждаго падежа представляетъ отвѣтъ на опредѣленный вопросъ.

2) Различаются-ли въ современномъ русскомъ языкѣ имена существительныя по склоненіямъ? Различаются по окончаніямъ родительнаго, дательнаго и творительнаго падежей единственнаго числа.

3) Сколько различныхъ склоненій? Различныхъ склоненій *четыре*: три основныхъ и одно смѣшанное.

4) Какой принципъ дѣленія именъ существительныхъ на склоненія надо положить въ основу этого дѣленія въ современномъ русскомъ языкѣ? Въ основу дѣленія именъ существительныхъ по склоненіямъ въ современномъ русскомъ языкѣ надо положить не различіе основъ, а различіе *дѣйствительныхъ* падежныхъ окончаній: род., дат. и твор. падежей ед. числа. И вотъ почему: во-первыхъ, нѣкоторые

звуки старыхъ русскихъ основъ склоненія образовали собой въ современномъ языкѣ окончанія, измѣняемыя въ различныхъ падежахъ; во-вторыхъ, нѣкоторые гласные звуки старыхъ основъ совсѣмъ утратили свое произношеніе и потому отсутствуютъ въ современномъ русскомъ языкѣ; въ-третьихъ, въ современномъ русскомъ языкѣ не наблюдается связи между различіемъ основъ склоненія и различіемъ падежныхъ окончаній. Значитъ, съ теченіемъ времени измѣнился звуковой видъ самыхъ основъ склоненія, а потому и формы падежей словъ разлагаются въ современномъ русскомъ языкѣ на составныя этимологическія части совершенно иначе, чѣмъ въ древнемъ русскомъ языкѣ.

5) Совпадаетъ-ли этотъ принципъ дѣленія именъ на склоненія современнаго русскаго языка съ принципомъ дѣленія ихъ въ древнемъ языкѣ? Нѣтъ, не совпадаетъ и не долженъ совпадать, п. ч. съ измѣненіемъ звуковъ языка палъ и старый принципъ, основанный на различіи основъ склоненія, различіи, которое обнаруживалось при иномъ звуковомъ составѣ языка. Пояснимъ этотъ пунктъ. Прежде различались слѣдующія основы склоненія именъ: а) основы на -ŏ и -jŏ; б) основы на -a и -ja; в) основы на -ĭ; г) основы на -ŭ и д) основы на согласные: n, nt, s, r, v.

Звуки ŏ и ŭ въ извѣстномъ фонетическомъ положеніи совпали въ одномъ звукѣ, который былъ близокъ къ звуку o^u, но былъ неполнаго образованія. Этотъ звукъ въ азбукѣ Кирилла изображался буквою ъ и такъ же изображался соотвѣтственный звукъ и въ русскомъ языкѣ X—XI вѣка. Звуки же ĕ (jŏ) и ĭ совпали въ одномъ звукѣ -$ĕ^i$, который въ азбукѣ Кирилла изображался буквою—ь и, какъ звукъ, былъ тоже неполнаго образованія, но только передняго ряда, а не задняго ряда, какъ звукъ -ъ. Эти звуки ъ и ь въ конечномъ положеніи въ словѣ были слабыми и очень рано (еще въ прарусскую эпоху) утратили свое звуковое значеніе, т. е. отпали, причемъ ь оставилъ по себѣ слѣдъ въ мягкости предшествующаго согласнаго, а ъ въ этомъ положеніи исчезалъ безслѣдно. Въ серединѣ слова слабые ъ и ь тоже утратили свое звуковое значеніе, а сильные (см. выше) ъ и ь къ концу XII-го вѣка перешли въ о и е. *Такъ получились слова* со старыми *конечными* ъ и ь, утратившими свое звуковое значеніе, *на одинъ слогъ меньше*, чѣмъ были съ ъ и ь, пока эти послѣдніе имѣли значеніе гласныхъ звуковъ. Отсюда вмѣсто двухсложныхъ: сънъ, конь, рабъ, сынъ, волъ, медъ, звѣрь, поуть, цѣпь, кость и проч. получились односложные: сон, кон', раб, сын, вол, мед, звѣр', поут', цѣп', кост' и проч. Слѣдовательно, всѣ эти и подобныя слова *получили конечный согласный звукъ* и въ такомъ видѣ образовали новыя основы склоненія, къ которымъ присоединялись старыя унаслѣдованныя падежныя окончанія. (См. выше).

Паденіе и измѣненіе старыхъ гласныхъ ъ и ь измѣнило и весь звуковой строй русскаго языка, а утрата носовыхъ гласныхъ (см. выше) еще болѣе повліяла на звуковой составъ старыхъ основъ склоненія и на

звуковой составъ нѣкоторыхъ падежныхъ окончаній. Кромѣ того, взаимное вліяніе различныхъ типовъ склоненія другъ на друга, какъ психическій факторъ аналогіи, вызванный къ жизни въ области склоненія именъ въ значительной степени измѣненіемъ звукового состава языка, содѣйствовало разрушенію старой системы именного склоненія; и въ результатѣ всего этого русскій языкъ получилъ то склоненіе, основы и картину котораго мы разсмотрѣли выше. *Вотъ почему въ современномъ русскомъ языкѣ уже нельзя въ грамматикѣ держаться тѣхъ принциповъ дѣленія именъ на склоненія, которые были обязательны при изложеніи грамматическаго матеріала стараго отжившаго языка.*

6) Что даютъ въ этомъ отношеніи наши школьные учебники по русскому языку? Они даютъ только сбивчивое изложеніе предмета, путаницу и потому во многихъ отдѣлахъ полную безсмыслицу, которой наносится оскорбленіе и законамъ логики, и самымъ важнымъ лингвистическимъ положеніямъ, составляющимъ силу нашей науки о языкѣ и предметъ ея справедливой гордости. Такъ какъ мнѣ уже неоднократно приходилось подробно говорить въ различныхъ трудахъ моихъ о противорѣчіяхъ между школьной и научной грамматикой, объ отсталости школьныхъ учебниковъ по грамматикѣ русскаго языка отъ уровня науки о языкѣ, о неправильности построенія всей школьной грамматики вслѣдствіе непростительнаго и непонятнаго для здраваго смысла смѣшенія звуковъ языка съ буквами азбуки, то я ограничусь здѣсь лишь двумя—тремя примѣрами. (См. мои „Учебники по этимологіи и синтаксису“, „Основы синтаксиса“, „Русскій языкъ“—лекціи на Педагогическихъ Курсахъ и „Лекціи по исторіи русскаго языка“—2-е изд., а также другіе труды по анализу предложенія и проч.).

Вотъ примѣры (не буду называть авторовъ такихъ учебниковъ!): склоненія различаются въ русскомъ языкѣ *по несуществующимъ признакамъ*: по окончаніямъ *ъ, ь, й, я, мя*. Укажу на то, что *ъ* и *ь* теперь только *буквы*, но не звуки; стало быть, *въ учебникахъ имена дѣлятся на склоненія по буквамъ, съ которыми эти имена пишутся на бумагѣ; а учебники трактуютъ о словахъ языка, а не о тетрадкахъ бумаги и письменныхъ принадлежностяхъ!* Далѣе: *„й“* („край“, „рой“ и проч.) принадлежитъ *основамъ, а не окончаніямъ*. *„Я“* не есть звукъ, а *два звука*: *„я“*—только буква. Окончанія *„мя“* никакого нѣтъ, т. к. въ этомъ слогѣ звукъ *„м“* принадлежитъ основѣ или корню (*м'*), а окончаніе—*а*. Далѣе, нельзя къ группѣ именъ: „время“, „темя“ и проч. причислять и слово „дитя“ (см. выше!). Далѣе, формы род. падежей мн. числа, какъ: „зубъ“ и „зубовъ“; „глазъ“, „солдатъ“ и рабовъ, столовъ, половъ, воловъ и проч. истолкованы въ учебникахъ для школы совершенно *невѣрно*, такъ, *какъ будто бы въ нашей странѣ даже не было университетовъ и науки, которые бы не допустили въ среднюю школу превратныя понятія и безмыслицу „для образованія юношества“... Если бы школа въ лицѣ преподавателей отечественнаго языка у насъ въ Россіи и въ лицѣ составителей учебниковъ по русскому языку строго раздѣляла принципъ орѳографическій и принципъ науч-*

ный (лингвистическій) и не старалась бы, по недостатку знанія, мужества и здраваго смысла, соединять несоединимое въ учебникахъ ради того только, чтобы не выдѣляться изъ общаго уровня школъ, заслужившихъ одобреніе начальства, не имѣющаго спеціальнаго научнаго образованія и не компетентнаго потому въ вопросахъ лингвистическихъ, то наша средняя школа исполняла бы свой священный долгъ передъ родиной, передъ наукой и передъ истиннымъ просвѣщеніемъ!...

Вотъ почему *только методологія*, а не методика преподаванія (см. выше), можетъ оказать настоящую пользу школѣ, преподавателямъ и обществу; разсѣять „научныя“ суевѣрія, поднять уровень дѣйствительнаго образованія и вселить любовь къ своему родному богатому языку, расчистивъ и выполовъ плевелы, которые заглушали почти совсѣмъ въ средней школѣ *родной языкъ, какъ таковой.*

II. Опредѣленіе частей рѣчи.

Въ отдѣлѣ ученія о частяхъ рѣчи наши школьные учебники грамматики русскаго языка обнаруживаютъ всѣ безъ исключенія сбивчивость и неопредѣленность основаній для дѣленія словъ русскаго языка на *девять частей рѣчи*. Неизвѣстно, что̀ также служитъ для составителей учебниковъ характернымъ признакомъ каждой части рѣчи. По какимъ признакамъ всѣ части рѣчи дѣлятся со времени начала *школьнаго* обученія (съ XVI—XVII в.) у насъ въ Россіи, именно, *на девять частей?* Единственнымъ оправданіемъ такого дѣленія *служитъ*, повидимому, *традиція*: такъ, де, изстари повелось, такъ и продолжается, не смотря на то, что наука уже давно доказала неосновательность такого дѣленія и протестуетъ противъ него въ Университетахъ. Въ средней школѣ не обращаютъ никакого вниманія на науку: говори, дескать, свое, а мы будемъ учить по-старому, по привычному! И, дѣйствительно, школа съ ея режимомъ очень скоро приспособляетъ молодыхъ учителей къ условіямъ своей среды, заставляя этихъ молодыхъ учителей русскаго языка разстаться съ завѣтами и положеніями университетской науки, и это свое темное дѣло школа тѣмъ успѣшнѣе дѣлаетъ, чѣмъ бо̀льшее количество учебниковъ русской грамматики одобряется и допускается въ среднюю школу начальствомъ, которому ввѣрена забота о просмотрѣ и одобреніи и допущеніи учебниковъ въ школу... Пусть учебникъ по русскому языку несостоятеленъ съ научной точки зрѣнія; пусть онъ противорѣчитъ на каждомъ шагу положеніямъ науки о языкѣ; пусть онъ обнаруживаетъ даже непониманіе составителемъ предмета и задачи излагаемой въ учебникѣ „науки“; пусть онъ сѣетъ превратныя понятія,.... онъ всетаки вводится въ школу, допускается, одобряется и дѣлаетъ при посредствѣ „учителей“ свое отрицательное дѣло. А почему это такъ? Много есть причинъ, но, конечно, самая главная,—это та, что лица, отъ которыхъ зависитъ допущеніе учебника по русской грамматикѣ въ школу недостаточно компетентны въ лингвистикѣ, а компетентныя лица не имѣютъ достаточнаго времени и

надлежащаго желанія принести пользу школѣ въ этомъ отношеніи. Тѣ же лица, которыя и желали бы, и компетентны остаются въ сторонѣ „не извѣстными“ и „не замѣчаемыми“; такъ, дескать, спокойнѣе; нѣтъ ломки! Только въ министерство гр. Игнатьева взялись за реформу преподаванія русскаго языка въ нашей средней школѣ: программы составлены научно и даютъ право надѣяться, что отечественный языкъ въ нашемъ отечествѣ выйдетъ изъ своего захудалаго, позорнаго положенія въ школѣ, а, слѣдовательно, и въ обществѣ. Но программы еще не введены, и, какъ всегда у насъ, неизвѣстно, чего еще ожидать въ будущемъ для нашей средней школы....

Въ отдѣлѣ ученія о частяхъ рѣчи у насъ *искони* повелось дѣлить части рѣчи на *девять* отдѣловъ, положивъ въ основу дѣленія *логическій принципъ*, т. е. *значеніе словъ*, или, вѣрнѣе сказать, *логическія понятія, подразумѣваемыя подъ словами.*

Такъ, имя существительное опредѣляется, какъ *предметъ* или, въ лучшемъ случаѣ, съ недавнихъ поръ, какъ *названіе предмета.*

Имя прилагательное,—какъ *признакъ предмета* или *слово, означающее признакъ предмета.*

Глаголъ,—какъ *названіе дѣйствія или состоянія*; какъ *слово, означающее дѣйствіе или состояніе предмета* и проч.

И такъ, въ такомъ родѣ, опредѣляются постепенно всѣ части рѣчи и во всѣхъ учебникахъ грамматики для средней школы.

Попытка дать научное опредѣленіе частей рѣчи для учебниковъ и для самообразованія, послѣ того какъ въ научныхъ трудахъ уже давно это опредѣленіе установлено въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія профессоромъ *А. А. Потебней*, дана въ 1914-мъ году (два года тому назадъ) московскимъ учителемъ г. *Пѣшковскимъ* въ его двухъ книгахъ: 1) Русскій синтаксисъ въ научномъ освѣщеніи. М. 1914 и 2) Школьная и научная грамматика. М. 1914. Эта попытка г-на Пѣшковскаго достойна самаго горячаго привѣтствія, какъ я писалъ въ своей критической статьѣ о первой книгѣ Пѣшковскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1914 г. № 12, но выполненіе этой попытки авторомъ, въ особенности послѣ выхода въ свѣтъ его второй книжки, должно быть признано крайне наивнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вторая книжка автора выпущена имъ въ свѣтъ, какъ онъ самъ заявляетъ, въ объясненіе, или въ поясненіе, первой книги. И въ этой, именно, второй его книжкѣ дано имъ опредѣленіе всѣхъ частей рѣчи послѣ общей и совершенно вѣрной критики нашихъ школьныхъ грамматикъ. Но что́ далъ самъ Пѣшковскій въ своей второй книжкѣ?! Странно сказать, но онъ просто-на-просто выбросилъ *пять* традиціонныхъ частей рѣчи: имя числительное, мѣстоименіе, предлогъ, союзъ и междометіе! Вмѣсто выброшенныхъ *пяти* частей рѣчи г. Пѣшковскій ставитъ *три* новыхъ своихъ части рѣчи: *Причастіе, Дѣепричастіе и Инфинитивъ*. Такимъ образомъ, у Пѣшковскаго *семь* частей рѣчи: *Имя существительное, Имя прилагательное, Глаголъ, Нарѣчіе, Причастіе, Дѣепричастіе и Инфинитивъ*. Отно-

шеніе такой классификаціи къ ученію *Потебни* довольно отдаленное. При этомъ однако авторъ не объяснилъ толкомъ ни учителямъ, ни читателямъ, занимающимся самообразованіемъ, почему онъ, именно, такъ поступаетъ въ своемъ трудѣ; какія у него полномочія на это получены *отъ науки;* чѣмъ же необходимо замѣнить исключенныя имъ части рѣчи и проч. Словомъ, подъ именемъ „научнаго освѣщенія“ и какъ бы отъ имени „науки“ (?!) устраивается *прокрустово ложе* для частей рѣчи! Это, вѣдь, не есть ни объясненіе, ни доказательство, ни оправданіе тѣхъ мѣстами фантастическихъ домысловъ, которые въ изобиліи разсѣяны въ первой книгѣ автора подъ названіемъ: „Русскій синтаксисъ въ научномъ освѣщеніи“. И, хотя москвичи (*Ушаковъ* и *Поржезинскій*: одинъ въ газетѣ „Рус. Вѣд.“, другой въ своемъ трудѣ „Введеніе въ языкознаніе“), послѣ появленія въ свѣтъ моей критики въ Ж. М. Н. Пр. и послѣ возраженія на мою критику со стороны самого же г. Пѣшковскаго (см. Ж. М. Н. Пр. 1915 г. № 4), и заявили печатно, что они считаютъ эти труды г. Пѣшковскаго достойными особеннаго вниманія и цѣнными въ научномъ отношеніи, но, къ сожалѣнію, сдѣлали это голословно (въ краткой библіографической замѣткѣ въ „Рус. Вѣд.“—*г. Ушаковъ* и въ перечнѣ произведеній литературы предмета—*г. Поржезинскій*: „Введеніе въ языковѣдѣніе“. Изданіе 4-е. М. 1916 г. Стр. 213), не указавши на серьезность попытки *г-на Пѣшковскаго*, съ одной стороны, и на неудовлетворительность выполненія имъ этой попытки,—съ другой. Такимъ образомъ, вышла просто печатная рекомендація труда *г-на Пѣшковскаго* москвича москвичами-же! Такъ сказать, наклеена марка, и наклеена она голословно, безъ доказательствъ высокаго качества труда *г-на Пѣшковскаго*, просто—какъ фабричное клеймо: не упомянуто ни о недостаткахъ, ни о положеніяхъ моей критики. Очевидно, ученые москвичи или не читаютъ никакихъ другихъ ученыхъ трудовъ, *кромѣ московскихъ*, или считаютъ другіе труды недостойными своего вниманія и ограничиваютъ свою задачу самымъ легкимъ дѣломъ—наклейкою московскаго клейма за подписью представителей науки московскаго района! Это—дѣло, конечно, ихъ взгляда и ихъ манеры, но я скажу, что вѣдь, монополіи на *научные* труды нѣтъ и быть не можетъ.

Итакъ, г. Пѣшковскимъ исключены предлогъ, союзъ и междометіе! Однако всетаки у *Пѣшковскаго* осталось *семь частей рѣчи!* Какъ же это?! Онъ выбросилъ предлогъ, союзъ и междометіе, а прибавилъ: *причастіе, дѣепричастіе и инфинитивъ, исключивъ также имена числительныя и мѣстоименія, какъ особыя части рѣчи. Вотъ и вышло семь частей рѣчи въ „научной“ грамматикѣ Пѣшковскаго!* По моему мнѣнію, ближе къ научному положенію дѣла и къ признанному уже наукою состоянію русскаго языкознанія было бы, во-первыхъ, *установленіе принципа формальныхъ особенностей, какъ принципа дѣленія словъ на части рѣчи,* а, во-вторыхъ, *научное, т. е. послѣдовательное проведеніе этого принципа въ серьезномъ трудѣ безъ всякихъ компромиссовъ со школьной практикой, но исключительно въ согласіи съ исторіей русскаго языка.* Это мы и попытаемся сдѣлать ниже.

Наблюдая надъ свойствами и признаками словъ русскаго языка въ связной рѣчи современнаго намъ русскаго образованнаго общества (въ литературномъ, московскомъ, произношеніи), мы замѣчаемъ, что однѣ части рѣчи измѣняются по падежамъ и числамъ, а другія—по падежамъ, числамъ и родамъ. Слѣдовательно, прежде всего вниманіе изслѣдователя и наблюдателя останавливается *на одной особенности* въ измѣненіи частей рѣчи въ словосочетаніяхъ, *именно, на родовыхъ измѣненіяхъ. Измѣненія по родамъ наблюдаются только въ одной изъ частей рѣчи, именно, въ именахъ прилагательныхъ*: „глухóй человѣкъ", „глухáя деревня", „глухóе ущелье"; „дряхлѣющій, угасшій, любимый, оставленный старикъ", „дряхлѣющая, угасшая, любимая, оставленная женщина", „дряхлѣющее, угасшее, любимое, оставленное поколѣніе" и под. Отсюда съ очевидностью ясно, что всѣ эти слова, измѣняемыя по родамъ, независимо отъ ихъ отношенія къ производящимъ основамъ (независимо отъ значенія основъ, отъ которыхъ эти слова произведены), суть имена прилагательныя. При этомъ, если въ отдѣлѣ словообразованія придется указать на способъ образованія *„родовыхъ словъ"*, т. е. на ихъ суффиксы и на ихъ основы, то тогда, именно, и слѣдуетъ сказать, что *по отношенію къ производящимъ основамъ* „родовыя слова" бываютъ или *отыменными*, или *отглагольными* (и тогда послѣднія носятъ названіе *„причастія"*), или *коренными*: „домовый" (и „домовóй") или „божій"; „стоящій", „стоявшій", „гонимый", „гнанный" или: на-стоящій", „на-стоявшій", „гноимый", „на-стоенный"; „синій", „разный", „толстый", „первый", „второй", „третій" и проч., „кой", „чей", „сей", „тотъ" (удвоенное—редуплицированное тъ), „мой", „самъ", „который" и проч.

Слѣдовательно, ясно видно, что *по формальнымъ признакамъ* имена прилагательныя, причастія, имена числительныя порядковыя и нѣкоторыя количественныя (одинъ—одна—одно; два—двѣ), а также родовыя мѣстоименія—всѣ могутъ и должны быть объединены въ одномъ классѣ *„именъ прилагательныхъ"*.

Отсюда же, т. е. изъ анализа формъ измѣненія словъ въ словосочетаніяхъ, слѣдуетъ, что всѣ части рѣчи, измѣняемыя только по падежамъ и числамъ, должны быть признаны на основаніи того же принципа дѣленія *„именами существительными"*: сон, кон', муравей, окно, поле, острíјо; волна, земл'а, кел'ја, кост'; сем', восем', пят', шест', девят', десят' и проч.; сколько, столько, нѣсколько, къ-то (кто), чь-то (что), двое, трое, семеро, двѣсти, триста и проч.

Съ другой стороны, измѣненіе слова въ словосочетаніи по лицамъ, временамъ, наклоненіямъ, видамъ и залогамъ (см. мой Учебникъ этимологіи р. языка), мы должны признать характернымъ для особой части рѣчи, для *глагола*.

Поэтому, какова бы синтактическая судьба *инфинитива* ни была (см. выше—синтаксисъ), онъ является *глагольной формой* и, такъ же, какъ краткая форма прилагательнаго (отыменнаго, отглагольнаго или коренного) сохранила въ синтаксисѣ рѣчи только слабые остатки своего

родового измѣненія, именно, въ роли согласуемаго съ именемъ именного сказуемаго, и является всетаки *прилагательнымъ* по своимъ родовымъ признакамъ, такъ и *инфинитивъ*, не смотря на утрату измѣненій глагольнаго типа, является *глагольной формой* по слабымъ остаткамъ измѣненія глагольнаго типа: по временамъ, по видамъ и по наклоненіямъ: „ему не миновать", „ему не миновать было", „ему не миновать будетъ", „ему бы не миновать" и под.

Равнымъ образомъ краткая форма отглагольнаго прилагательнаго (= дѣепричастіе), какова бы ни была ея синтактическая судьба, является *именной формой*, т. е. *формой имени прилагательнаго, хотя она и утратила родовыя измѣненія:* за это ручается современная діалектологія русскаго языка! Напр., „на мальчика стала *походя́* апстры́ґа́најă". (Ряз.—Скоп. Въ приведенномъ примѣрѣ я сохранилъ для наглядности, изъ дидактическихъ цѣлей, *только послѣднее слово въ фонетической транскрипціи*, какъ оно сохранилось въ моихъ записанныхъ мною самимъ на мѣстѣ матеріалахъ. Это значитъ: „на мальчика стала походящей обстриженная". Разговоръ шелъ про молодую дѣвку, которая была тутъ же, обстриженная „подъ гребенку" послѣ болѣзни). Такимъ образомъ, синтактическая судьба формъ глагола дала намъ одно, въ высшей степени цѣнное, указаніе: именно, отглагольныя прилагательныя (причастія и дѣепричастія) и инфинитивъ сохранили въ словосочетаніи слабые намеки на свою *двойственную природу*: на глагольную и именную (см. выше. Срв. „кто кого *смога́*, тотъ того въ рога́". Саратов. „Смога" здѣсь глагольная функція. Срв. „она уже обрядивши" (= она уже нарядилась. Тул. Новосил.). Поэтому, методологически правильно было бы *причастіе причислять къ прилагательнымъ глагольнаго происхожденія* (по основнымъ измѣненіямъ *родовымъ*), а *дѣепричастіе* (безродовое прилагательное глагольнаго происхожденія. Срв. безродовыя мѣстоименія—существительныя: „я", „ты", „себя") *причислять къ глаголу, какъ нарѣчіе глагольнаго происхожденія, сохранившее потому измѣненіе по временамъ*: „зная", „знавъ". Инфинитивъ же остается глагольнымъ образованіемъ именного типа, какъ и многія прилагательныя остались именными образованіями *нарѣчнаго* типа, т. е. безъ всякихъ слѣдовъ самостоятельнаго измѣненія, напр., „мало-мальски". Срв. „звѣрски", „по-русски" и под.

Такимъ образомъ, мы получили слѣдующія части рѣчи: имя существительное, имя прилагательное, глаголъ. Мы убѣдимся сейчасъ, что остались еще: нарѣчіе, предлогъ и союзъ. Междометіе ни по происхожденію, ни по употребленію своему въ словосочетаніяхъ не составляетъ особой части рѣчи: это просто или нечленораздѣльное выраженіе впечатлѣнія, или восклицаніе, съ которымъ можетъ быть произнесена любая изъ частей рѣчи, или эквивалентъ слова, если авторъ дѣлаетъ его въ своей рѣчи „словомъ", какъ можетъ онъ сдѣлать „словомъ" любой звукъ рѣчи, стараясь передать услышанный имъ звукъ. Срв. „Огня! огня! кричатъ". Или: „Это вѣчное „ммм"... у меня подъ окномъ мнѣ уже надоѣло" и т. п.

Теперь о нарѣчіи. Выше мы видѣли, что въ русскомъ языкѣ за время его существованія, поскольку послѣднее можетъ быть ограничено фактами дѣйствительно восточно-славянской (русской) звуковой исторіи, морфологіи и фактами русскаго синтаксиса, произошли серьезныя измѣненія во всѣхъ направленіяхъ. Такъ, мы познакомились съ тѣмъ явленіемъ, которое выше назвали утратой звуковъ, формальныхъ принадлежностей и кореннымъ перестроемъ основъ словосочетанія. Напримѣръ, краткія (безчленныя) формы глагольныхъ прилагательныхъ (причастій, такъ называемыхъ „дѣепричастій"), переживъ утрату формальныхъ измѣненій по родамъ, по числамъ и по падежамъ, съ теченіемъ времени обратились въ неизмѣняемыя по этимъ признакамъ слова, сохранивъ лишь слѣды своего глагольнаго происхожденія въ измѣненіяхъ по временамъ, по залогамъ и по видамъ глагола. Такую-же утрату формальныхъ измѣненій по вышеуказаннымъ тремъ признакамъ (по родамъ, числамъ и падежамъ) пережили и другія прилагательныя (коренныя и отыменныя. См. выше) въ формахъ сравнительной степени. Такъ, мы теперь говоримъ: „Но *царевна* всѣхъ *милѣе*, всѣхъ *румянѣй* и *бѣлѣе*". (Пушкинъ. Ск. о мертвой царевнѣ). Мы говоримъ и: „Этотъ *братъ добрѣе*". „Это *дерево моложе*" и под. Слѣдовательно, на глазахъ исторіи *имена прилагательныя* (независимо отъ ихъ происхожденія по ихъ основамъ) *сдѣлались неизмѣняемыми словами въ словосочетаніяхъ и по своей исключительной способности группироваться въ словосочетаніяхъ около глагола* стали функціонировать такъ, какъ и исконно-неизмѣняемыя части рѣчи, напр., „когда", „всегда", „гдѣ" (кѣдѣ), „развѣ", „послѣ", „подлѣ" и под. Эти исконно-неизмѣняемыя части рѣчи, группирующіяся около глагола въ словосочетаніяхъ и неспособныя къ управленію другими частями рѣчи, а равно неспособныя служить соединительными словами въ словосочетаніяхъ, мы и будемъ называть *нарѣчіями въ собственномъ смыслѣ.* Эти нарѣчія мы будемъ отличать каждый разъ отъ прилагательныхъ, ставшихъ съ теченіемъ времени неизмѣняемыми по родамъ, числамъ и падежамъ. Возьмемъ примѣры: „Гдѣ ты росла?" „Гдѣ ты цвѣла?" „Когда волнуется желтѣющая нива". „Тогда смиряется души моей тревога". „Всегда такъ будетъ и бывало". „*Развѣ* вонь отъ умершаго смрадная *хуже* вони отъ гнили живой?" (Розенгеймъ). „Скажу тебѣ послѣ". „Подлѣ находилась изба". Сравните: „Я писалъ плохо". „Теперь я пишу лучше". „Теперь я сталъ ходить медленнѣе". „При мѣсяцѣ будутъ играть и летать, *играя*, *летая*, тебя усыплять" (Жуковскій).

Предлогъ. Такая *неизмѣняемая* часть рѣчи, которая *управляетъ* какимъ-либо изъ косвенныхъ падежей (т. е. требуетъ послѣ себя какого-либо косвеннаго падежа), называется предлогомъ. (См. мою Этимологію). Напримѣръ: „впустить въ домъ" (см. выше). „Живу въ домѣ". „Стоитъ за брата". „Стоитъ за братомъ". „Около тѣхъ мѣстъ голодный рыскалъ волкъ". „За дерзость такову я голову съ тебя сорву". „А самъ съ ноготокъ". „Со всѣмъ твоимъ добромъ я выгоню тебя долой со двора". „Полканъ съ барбосомъ *лежа* грѣлись".

Союзъ. Союзомъ мы называемъ соединительное слово, которое въ словосочетаніи соединяетъ слова этого сочетанія, находясь между ними и не вліяя на ихъ форму. „Я и ты—мы оба братья". „Мнѣ все подвластно, я же—ничему!" „И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой внимали той пѣснѣ святой". „Завистники на что ни взглянутъ, поднимутъ вѣчно лай, а ты себѣ своей дорогою ступай". „Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ!" „Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога, но за нее не всякъ умѣетъ взяться". „Или со щитомъ, или на щитѣ!" „Если жизнь тебя обманетъ, не печалься".

III. Ученіе о „безличномъ" предложеніи.

Въ учебной литературѣ у насъ обыкновенно принято называть предложеніе „безличнымъ", если въ немъ нѣтъ подлежащаго, и его нельзя „подразумѣвать". Но такъ-ли это? Вѣрно-ли это опредѣленіе и потому научно-ли оно? На чемъ основано это опредѣленіе? Не на логическомъ-ли принципѣ опять?! Въ наукѣ уже давно установилось иное мнѣніе о безличныхъ предложеніяхъ, и наука различаетъ „безличныя" и „безсубъектныя" предложенія. (См., напр., *Franz Kern.* Die deutsche Satzlehre. Berlin, 1888. [2]. *Fr. Miklosich.* Subjectlose Sätze. Wien. 1883. *W. Wundt.* Völkerpsychologie. II. Die sprache. Leipzig. 1904. См. также мою статью: „Къ ученію о синтаксисѣ простого предложенія". Ж. М. Н. Пр. 1894. № 4. Мою работу: „Ученіе Вундта и Пауля о предложеніи". Изв. Отд. р. яз. и слов. А. Н. 1910 г. № 4. *Sütterlin.* Das Wesen des Satzes. *Потебня.* Изъ записокъ по р. грам. Харьковъ. 1889—1899. *Jagič.* Beiträge zur sl. Syntax. *Овс.-Куликовскій.* „Изъ синтактическихъ наблюденій". (Изв. II отд. Ак. Н. 1900 г. № 4) и друг.).

Изученіе предложенія на почвѣ исторіи языка приводитъ насъ къ тому заключенію, что предложеніе, какъ грамматическое словосочетаніе, въ которомъ особою формою сказуемости опредѣленно указано отношеніе сказуемаго къ именительному падежу слова, находящагося въ томъ же словосочетаніи (см. мои „Основы синтаксиса". Каз. 1914.[3]. А также мои „Основы синтаксиса русскаго языка" въ Р. Ф. В. 1910 и 1913 г.г. и мой „Учебникъ синтаксиса". М. 1913), переживало длинную исторію, которая и до сихъ поръ не закончилась, и, именно, въ зависимости отъ связи глагольныхъ формъ со значеніями, измѣнявшимися въ сознаніи говорящихъ. Изъ изученія предложенія въ его исторіи я пришелъ къ слѣдующему выводу, который, думается мнѣ, имѣетъ методологическое значеніе. На основаніи данныхъ сравнительнаго языковѣдѣнія видно, что строеніе личныхъ формъ глагола состояло изъ глагольной основы и личнаго мѣстоименія („безродового") или мѣстоименнаго корня соотвѣтственнаго лица. Личное мѣстоименіе (или его корень) въ такой глагольной формѣ называло, обозначало подлежащее (именительный падежъ), а глагольная основа—сказуемое, т. е. признакъ, приписываемый говорящимъ лицомъ подлежащему. Такъ строились всѣ личныя формы глаголовъ въ

индоевропейскихъ языкахъ; формы, сохранившія въ личныхъ окончаніяхъ своихъ указанія на мѣстоименія соотвѣтственнаго лица, представлялись *древнѣйшими* по своему строенію и происхожденію, и глаголы съ такими формами получили потому названіе „архаическихъ“ глаголовъ. Такіе глаголы мы имѣемъ въ древне-индійскомъ языкѣ, въ древне-греческомъ спряженіи на—μι, въ древне-латинскомъ, напр., *sum* (изъ *esumi), въ старослав. и древне-русскомъ есмь и проч. Отсюда ясно, что древнѣйшій типъ предложенія былъ *двучленный*, причемъ одинъ членъ составляло мѣстоименное личное окончаніе глагольной формы, а другимъ членомъ служила глагольная основа, обозначавшая признакъ, приписываемый мѣстоименію въ языкѣ. Слѣд., мѣстоименіе—подлежащее, а глагольная основа при немъ—сказуемое. Такимъ образомъ, надо полагать, что *древнѣйшее состояніе языка не знало безличныхъ глаголовъ, не знало, значитъ, и безличныхъ предложеній*. Такія глагольныя формы, какъ: греч. ὄμβει, лат. pluit, ningit и под. или наши: свѣтаетъ, морозитъ, смеркается, мороситъ и проч. въ эту эпоху не нуждались въ обозначеніи особымъ словомъ именительнаго падежа—подлежащаго, т. к. такія глагольныя формы существовали въ языкѣ, вѣроятно, только въ разговорѣ или при упоминаніи о высшихъ существахъ, о богахъ, какъ посылающихъ атмосферическія явленія и управляющихъ ими. Это, конечно, была эпоха миѳологическаго міросозерцанія,—и въ разныхъ языкахъ—потомкахъ сохранились лишь тѣ или другіе остатки, какъ слѣды пережитой исторіи. Но съ теченіемъ времени міросозерцаніе мѣнялось, и назрѣвала потребность въ обозначеніи подлежащаго особымъ словомъ для ясности, какъ носителя или производителя признака. Это—эпоха забвенія мѣстоименнаго происхожденія личныхъ окончаній въ глагольныхъ формахъ. Къ этой-то эпохѣ забвенія въ сознаніи говорящихъ людей настоящаго значенія личныхъ формъ глагола и должно относиться, какъ слѣдствіе такого забвенія, съ одной стороны, появленіе словосочетаній изъ старыхъ личныхъ формъ глагола и именительнаго падежа особаго слова—имени (подлежащаго); съ другой стороны, этимъ появленіемъ новыхъ типовъ предложенія были оголены, такъ сказать, тѣ старые типы, состоявшія изъ однѣхъ „личныхъ“ формъ глагола безъ *особаго* слова—подлежащаго въ именительномъ падежѣ. Вотъ при этомъ-то процессѣ и получилось двѣ категоріи предложеній во 2-ую эпоху: одна категорія, дѣйствительно, „безличныхъ“ предложеній, т. к. *наличность лица* въ такой формѣ глаголовъ *уже не сознавалась къ этому времени*, и эта категорія словесныхъ выраженій была сравнительно малочисленною по количеству обнимаемыхъ ею выраженій; а другая категорія, болѣе многочисленная по составу, обнимала собой словосочетанія глагольной формы съ особымъ словомъ—подлежащимъ. Такъ получилось въ эту эпоху, съ одной стороны, такое выраженіе (подобное), какъ: „свѣтаетъ“, „морозитъ“ и проч., съ другой,—какъ: „онъ сидитъ“, „онъ ходитъ“, а затѣмъ и: „птица сидитъ“, „солнце ходитъ“, „земля стоитъ“ и проч. Рядомъ съ этимъ, въ это же

время, при формахъ: asmi, εἰμί, ѥсмь... и при *as-si, ἐσ-σί, *es-si, ѥс-си, естественно, получились: *я* ѥсмь, *ты* ѥси и проч., затѣмъ,—въ діалогическихъ формахъ рѣчи: „*я* сижу, хожу, иду“... „*ты* сидишь, ходишь, идешь“... и проч. Само собой разумѣется, что, именно, въ эту 2-ю эпоху, эпоху послѣ утраты въ сознаніи говорящихъ пониманія *истиннаго* значенія „личныхъ“ глагольныхъ формъ, могли развиться и появиться *одночленные типы предложеній.* Какъ видимъ, эта *вторая* эпоха, эпоха главныхъ явленій въ языкѣ, отражающихъ начавшееся переустройство основъ стараго миѳологическаго міросозерцанія, должна была протекать крайне медленно и очень долго: образовывались новые типы словосочетаній въ связи съ народившимися потребностями мысли выдѣлять въ рѣчи и отдѣлять въ своемъ сознаніи свое „я“ отъ „не я“ и выражать въ звуковомъ языкѣ взаимоотношеніе предметовъ, признаковъ и дѣйствій.

Не забудемъ, что все это время *безпрерывно* дѣйствовалъ и психологическій факторъ развитія языка: въ сознаніи говорящихъ появлялись ассоціаціи, а на ихъ основѣ—языковыя образованія *по аналогіи.* Такъ, именно, въ 3-ю эпоху по аналогіи съ первой и второй категоріями предложеній появились *„безсубъектныя“* предложенія, но не *„безличныя“*. Строго говоря, съ этой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія исторіи языка, мы и не знаемъ „безличныхъ“ предложеній; мы знаемъ только „безсубъектныя“ („безподлежащныя“) предложенія, *а истинно-безличныя* (двучленныя по составу формы глагола, но послѣ потери сознанія объ этой „двучленности“) предложенія, *выдѣлившіяся во* **вторую** *эпоху, нами давно забыты, т. к. забылось и ихъ значеніе съ утратой миѳологическаго міросозерцанія.* Такъ *въ третью эпоху* получились выраженія, подобныя нашимъ: „по платью *встрѣчаютъ*, по уму *провожаютъ*“; „его *убило* молніей“; „ужъ сколько разъ *твердили* міру“; „тише *ѣдешь*, дальше *будешь*“; „хоть *убей*, слѣда не видно“; „темно, хоть глазъ *выколи*“; „въ одинъ двоимъ за-ну́жду влѣзть, и то ни стать, ни сѣсть *(будетъ)*“; „стучитъ!“ и проч. под. Все это безсубъектныя предложенія, выраженныя старыми личными формами глагола, но въ новомъ ихъ значеніи! Само собой разумѣется, что и въ эту, *третью эпоху* языкъ не сразу, а постепенно, все шире и шире пользуясь *аналогіей,* переходилъ отъ формъ 3-го лица глаголовъ въ безсубъектныхъ предложеніяхъ къ формамъ 2-го лица. Русскій языкъ, вѣроятно, по времени уже и не засталъ двухъ первыхъ эпохъ исторіи предложенія, а потому русскія безсубъектныя предложенія едва-ли можно *безошибочно* возвести къ періоду миѳологическаго міросозерцанія даже въ такихъ случаяхъ, какъ: „свѣтаетъ“, „морозитъ“, „смеркается“, „мороситъ“ и т. п. Хотя отсутствіе въ нихъ формъ для 1-го лица служитъ какъ будто намекомъ на столь отдаленную эпоху и для восточнаго славянства (русскаго племени). Вообще же говоря, для славянскаго миѳологическаго періода, за недостаткомъ данныхъ, трудно рѣшить вопросъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, гдѣ языкъ вызывалъ собою зарожденіе миѳа, а гдѣ появившійся тѣмъ или инымъ пу-

темъ миѳъ находилъ для себя отраженіе въ формахъ языка. Есть много данныхъ и за первое, и за второе мнѣніе. Напр., „солнце встаетъ“, „солнце заходитъ“ и под. выраженія въ *русскомъ* языкѣ представляютъ ли собой остатки миѳологическаго воззрѣнія на солнце, какъ на живое существо, одаренное способностью произвольнаго движенія, или это—унаслѣдованіе преемственно переданныхъ въ готовомъ видѣ культурныхъ богатствъ русскому и вообще славянскому міру отъ другихъ народовъ.

Такимъ образомъ, *я признаю въ русскомъ языкѣ только тѣ глаголы* **безличными,** *которые не имѣютъ ни формъ 1-го лица, ни формъ 2-го лица, и предложенія только со сказуемымъ, выраженнымъ безличнымъ глаголомъ, считаю предложеніями* **безличными.** *Всѣ остальныя предложенія—безсубъектныя и сравнительно позднѣйшаго происхожденія.*

IV. О „профессорскихъ“ учебникахъ по русскому языку.

Въ послѣдніе годы на страницахъ нашего единственнаго серьезнаго научно-педагогическаго журнала, *посвященнаго лингвистикѣ и исторіи литературы* и издаваемаго извѣстнымъ ученымъ и профессоромъ, *Е. Ѳ. Карскимъ*, т. е. на страницахъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“, въ Педагогическомъ Отдѣлѣ и Отдѣлѣ Критики и Библіографіи, стали довольно часто появляться отзывы о моихъ трудахъ, посвященныхъ подготовкѣ назрѣвшей реформы преподаванія отечественнаго языка въ нашей школѣ, и ссылки на мои статьи, курсы и учебники по этимологіи, синтаксису и исторіи русскаго языка. Какъ всегда бываетъ, такъ произошло и въ данномъ случаѣ, что въ этихъ отзывахъ и ссылкахъ можно познакомиться и съ мнѣніями лицъ, раздѣляющихъ мои взгляды, и съ мнѣніями моихъ оппонентовъ. Всякому педагогу, какъ ученому теоретику, такъ и ученому педагогу-практику, такъ и просто практическому дѣятелю нашей школы интересны здѣсь въ методологическомъ отношеніи статьи извѣстнаго ученаго педагога *С. Н. Брайловскаго, г. Терновскаго* и друг. (Р. Ф. В. 1911—1915 г.г.). Въ связи съ этимъ интересны мнѣнія и ученаго педагога, профессора и учителя, *С. Г. Вилинскаго,* высказанныя имъ недавно въ его трудѣ: „Къ вопросу о постановкѣ преподаванія русскаго языка въ VIII классѣ женскихъ гимназій“. (По поводу учебника *Е. С. Истриной*: „Руководство по исторіи русскаго языка“). Одесса. 1916. Здѣсь на стр. 25—26 мы читаемъ мнѣніе проф. Вилинскаго (онъ былъ и учителемъ и знакомъ, какъ видно, съ практикой и постановкой дѣла въ школѣ) о профессорскихъ учебникахъ. Мнѣ это мнѣніе особенно интересно, п. ч. я—тоже профессоръ, тоже былъ учителемъ (между прочимъ изъ *девяти* лѣтъ моего учительства *два* года я состоялъ учителемъ VIII-го класса женской гимназіи) и, не смотря на свой опытъ учительскій, которымъ я и понынѣ очень дорожу, не смотря на свои девять лѣтъ учительства въ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ гимназіяхъ и въ реаль-

ныхъ училищахъ, значитъ, на опытъ, который долженъ былъ бы привести меня къ выводамъ, однороднымъ съ выводами *С. Г. Вилинскаго*, не смотря на все это, я въ нѣкоторыхъ вопросахъ радикально расхожусь съ г. Вилинскимъ: правда, онъ, поскольку можно судить по его ученымъ трудамъ, не лингвистъ, а историкъ литературы, но здѣсь будетъ у меня разсужденіе не о научныхъ вопросахъ, а о значеніи профессорскихъ учебниковъ для средней школы въ смыслѣ пригодности такихъ учебниковъ для школы *въ методологическомъ отношеніи (но не касаясь* **методики** *преподаванія)*. Однако обратимся къ мнѣніямъ профессора-учителя, *С. Г. Вилинскаго*. У него (стр. 25) читаемъ: „Во всякомъ случаѣ, нельзя не привѣтствовать идею, вызвавшую къ жизни этотъ учебникъ—стремленіе внести въ курсъ русскаго языка въ VIII классѣ *побольше научности**). Можно пожелать, чтобы отмѣченные выше дефекты учебника г-жи Истриной во второмъ изданіи книги были исправлены, дабы книгою можно было удобнѣе пользоваться. Можно высказать даже *пожеланіе, чтобы по стопамъ г-жи Истриной пошелъ бы (sic!) кто-либо изъ нашихъ лучшихъ педагоговъ* и составилъ бы дѣльный учебникъ русскаго языка для VIII класса женскихъ гимназій, *но чтобы это былъ именно педагогъ, а не ученый лингвистъ*, къ какимъ принадлежитъ г-жа Истрина: *знакомый съ исторіей русскаго языка педагогъ лучше, чѣмъ ученый лингвистъ, учтетъ и количество и ка*(стр. 26)*чество того матеріала, который можно дать ученицамъ VIII класса, и ту долю современныхъ научныхъ выводовъ, которую можно внести въ учебникъ*. Въ послѣднее время нашу среднюю школу часто дарятъ своими учебниками профессоры, особенно лингвисты—спеціалисты; *вызвано это явленіе тѣми планами* **), которые были намѣчены въ проектѣ новой программы по русскому языку для мужскихъ гимназій въ 1912 г. Программа не введена въ жизнь до сего времени, а учебники остались и, хотя въ большей части ихъ педагогическая сторона не безъ упрека, однако въ отношеніи научности они едва ли погрѣшаютъ; мнѣ извѣстно много случаевъ, когда, не введя оффиціально, *преподаватели довольно широко пользуются этими учебниками, оживляя затхлую атмосферу рутинной школьной грамматики*. Можетъ быть, впослѣдствіи *явится педагогъ, который создастъ и вполнѣ приспособленную для дѣтскаго пониманія и не сходящую съ научной почвы грамматику, и, можетъ быть, такая грамматика окажется болѣе подходящею для школъ, чѣмъ профессорскія. Но профессорскія грамматики уже свое дѣло сдѣлали: уже показали, что курсъ грамматики можно поставить въ средней школѣ, если не научно, то наукообразно, и указали, что̀ именно и можно и должно внести въ этотъ курсъ. Нѣчто подобное можно сказать и*

---

*) Курсивъ здѣсь и ниже въ трудѣ г. Вилинскаго принадлежитъ *мнѣ*: у автора все это мѣсто изложено *безъ курсива*.

**) Мой Учебникъ грамматики (Этимологія) появился въ свѣтъ въ 1-мъ изданіи въ 1900-мъ году, слѣд., задолго до проекта новой программы: онъ подсказанъ мнѣ наукою и опытомъ; въ немъ есть уже и историческій элементъ.

о книгѣ г-жи Истриной: этотъ учебникъ показалъ, какъ слѣдуетъ поставить курсъ русскаго языка въ VIII классѣ женскихъ гимназій, дабы избѣгнуть рутиннаго заучиванія двухъ учебниковъ или, по крайней мѣрѣ, дополнить его новымъ, свѣжимъ матеріаломъ, безусловно пригоднымъ для спеціалистокъ, будущихъ учительницъ русскаго языка". (Стр. 26).

Я намѣренно выписалъ такую пространную выдержку изъ статьи ученаго профессора и въ то же время опытнаго учителя, *С. Г. Вилинскаго*: ученое имя и преподавательская опытность автора этой статьи несомнѣнно сдѣлаютъ свое дѣло: они обратятъ вниманіе ученыхъ педагоговъ и авторовъ учебниковъ и практиковъ-учителей на мнѣнія г. Вилинскаго. Едва ли не *первому* мнѣ приходится выступать въ качествѣ оппонента г-ну Вилинскому въ печати. Дѣло-то въ томъ, что у насъ съ г. Вилинскимъ оказался особенный интересъ къ вопросу о постановкѣ преподаванія русскаго языка въ средней школѣ и потому и особенный интересъ къ учебникамъ по русскому языку для средней школы. И кругозоръ нашъ, кажется, долженъ былъ бы быть болѣе или менѣе однороднымъ, не смотря на то, что г. Вилинскій—историкъ литературы по преимуществу, а я—лингвистъ по преимуществу, но школьный опытъ и идеалы наши по отношенію къ средней школѣ, повидимому, почти одинаковы, тѣмъ не менѣе выписанная мною выше цитата изъ труда г. Вилинскаго заставляетъ меня спорить съ нимъ *и принципіально, и по поводу учебника г-жи Истриной въ частности.* Прежде всего замѣчу, что, какъ видно изъ стр. 27 цитируемой статьи г. Вилинскаго, *ему осталась неизвѣстной моя критическая статья объ учебникѣ г-жи Истриной* (въ Ж. М. Н. Пр. 1915 г. № 8). Повторю, что я считаю, не смотря на *неизбѣжные недостатки* (см. мою критику) *въ такомъ трудѣ, какъ учебникъ г-жи Истриной, который явился первымъ опытомъ учебника по исторіи русскаго языка для средней школы, этотъ учебникъ вполнѣ подходящимъ учебникомъ и по научности содержанія, и по изложенію, и по составу.* Познакомившись теперь со статьей г-на Вилинскаго, я вижу, что онъ не опровергаетъ *ни одного положенія* г-жи Истриной, но онъ недоволенъ *краткостью* его (о прописныхъ буквахъ я говорить не буду: это—деревья, за которыми г. Вилинскій лѣса не видитъ. Это—дѣло корректора!). Онъ требуетъ такой хрестоматіи, гдѣ бы было выяснено и значеніе Ломоносова подробно, и даны большіе образцы изъ нашихъ памятниковъ письменности. (См. стр. 18—22). Онъ требуетъ для учебника г-жи Истриной и физіологіи звуковъ р. языка, и общаго курса по введенію въ языковѣдѣніе, и пространныхъ выдержекъ изъ памятниковъ, и курса исторіи русскаго языка (см. еще стр. 16—18). И все это для учебника для средней школы! Да, вѣдь, тогда надо будетъ написать учебникъ *въ два тома*: въ одномъ теорія, а въ другомъ—хрестоматія! Сколько же будетъ стоить такой учебникъ? Кто его будетъ покупать? Какая доля такого учебника останется *неиспользованною* въ курсѣ средней школы, а не только въ одномъ

VIII-мъ классѣ женской гимназіи?! Кромѣ того, къ чему же тогда сведется роль учителя или учительницы?! Это совершенно немыслимо! И какъ собственный опытъ г-на Вилинскаго не подсказалъ ему этого! Посмотрите, напр., „Хрестоматію по исторіи русскаго языка“ *для высшей школы* пр.-доцента *Н. Н. Дурново* или „Просеминарій по русскому языку“ *для высшей же школы* пр.-доцента *Д. Н. Ушакова*, и вы увидите, что и въ этихъ книгахъ нерѣдко памятники приведены въ очень и очень скромныхъ размѣрахъ, *иногда по нѣскольку строкъ*. И я думаю, что это даже и *для высшей школы* только разумно! *Остальное предоставьте преподавателямъ!* Вѣдь, самъ же *С. Г. Вилинскій* говоритъ на стр. 27 своего отзыва объ учебникѣ *Е. С. Истриной* слѣдующее: „Вѣдь, каждый изъ насъ, преподавателей VIII класса, и теперь частью вырабатываетъ курсъ исторіи языка самъ, а частью измѣняетъ и дополняетъ какой-либо школьный учебникъ, напр., Смирновскаго“. Такимъ образомъ, если г. Вилинскій самъ признаетъ, что и теперь и до сихъ поръ учебникъ не давалъ и не могъ дать всего, что́ нужно было бы дать, по мнѣнію того или другого преподавателя, и что при всякомъ учебникѣ преподавателю приходится всетаки „и измѣнять и дополнять“ учебникъ, словомъ, приспособлять этотъ учебникъ къ задачамъ и къ цѣлямъ, какъ ихъ понимаетъ въ школѣ преподаватель, сообразуясь съ указаніями своего опыта и проч., то какъ же выставлять такія требованія, какія выставляетъ г. Вилинскій къ учебнику г-жи Истриной, какъ будто забывая, что учебникъ г-жи Истриной представляетъ собой *первый опытъ* и не имѣетъ для себя *испытанныхъ образцовъ въ качествѣ учебниковъ для средней школы по исторіи русскаго языка!* Самъ Вилинскій признаетъ, что *настоящее значеніе* учебника г-жи Истриной заключается *въ его научности*. (См. стр. 27, 16, 15. Особенно—стр. 15, гдѣ мы у Вилинскаго читаемъ: „Прежде всего, безусловнымъ достоинствомъ учебника слѣдуетъ признать именно научность его:... наши учебники обыкновенно такъ далеки отъ послѣднихъ выводовъ науки и при томъ не какихъ-либо гипотетическихъ выводовъ, а уже принятыхъ всѣми, что приходится удивляться, какъ оріентируются въ нихъ молодые педагоги, только что вышедшіе изъ университета и знающіе „послѣднія слова“ науки“...). (Стр. 15).

Такимъ образомъ, признавая, что при всякомъ учебникѣ на долю преподавателя остается еще очень многое, и что учебникъ г-жи Истриной „дѣлаетъ шагъ впередъ“ и имѣетъ значеніе, именно, своей научностью (стр. 15), *г. Вилинскій*, при оцѣнкѣ учебника г-жи Истриной и при указаніи на его *неполноту*, *впадаетъ*, незамѣтно для себя самого *въ противорѣчія*. Развѣ *такіе* учебники „по русскому языку“ *были и до сихъ поръ остаются* въ употребленіи средней школы?! Всѣ эти Смирновскіе, Петровы, Свѣтлаковы, Бѣлоруссовы и проч. и проч.,—все это, вѣдь, сплошная рутина и научная безграмотность!! (См. мои лекціи на учительскихъ курсахъ въ августѣ 1915-го года. Напечатаны въ Ж. М. Н. Пр. См. также мой курсъ „Русскій языкъ“,

читанный на Педагогическихъ Курсахъ при Управленіи Каз. Уч. Округа 1911—1912 уч. года. Варшава. 1913 и Казань. 1914 и 1916 годовъ). Кромѣ того, г. Вилинскій попадаетъ въ противорѣчіе и съ оффиціальной программой по грамматикѣ и исторіи русскаго языка для средней школы, выработанной въ Петроградѣ на съѣздѣ преподавателей русскаго языка подъ руководствомъ представителей науки и Министерства Народнаго Просвѣщенія и отпечатанной въ Ж. М. Н. Пр. 1915 г. Ноябрь—подъ заглавіемъ: „Матеріалы по реформѣ средней школы". Здѣсь, въ „Объяснительной Запискѣ" (къ курсу 3-го класса) читаемъ: „Учебникъ грамматики не долженъ стѣснять преподавателя, *т. к. слѣдуетъ не исходить отъ учебника, а приводить учениковъ къ нему*". (Курсивъ мой!). См. также здѣсь „Объяснительную Записку" по курсу исторіи русскаго языка для VII класса. Здѣсь—цѣнныя указанія и относительно физіологіи звуковъ „попутно", и относительно Ломоносова, реформа котораго должна быть въ курсѣ связана съ литературной дѣятельностью Пушкина. (См. также мои статьи въ Ж. М. Н. Пр. 1898 г. № 3 и 1899 г. № 5. „Изъ исторіи русскаго языка" (по поводу выхода въ свѣтъ Академическаго изданія первыхъ двухъ томовъ соч. Ломоносова. См. также мой „Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина. Вып. I. Введеніе. Изд. Отд. р. яз. и слов. Академіи Наукъ. СПБ. 1901). Вообще, я ожидаю, что, *если будетъ введена эта новая программа* по русскому языку и по его исторіи, выработанная въ министерствѣ *графа Игнатьева, въ среднюю школу*, то послѣдняя переживетъ истинную радость со временемъ, т. к. отечественный языкъ въ нашемъ Отечествѣ перестанетъ занимать позорное и недостойное его положеніе въ средней школѣ. Такимъ образомъ, я остаюсь и послѣ статьи г-на Вилинскаго при своемъ мнѣніи, что учебникъ г-жи Истриной, не смотря на небольшіе недочеты (см. мою критич. статью въ Ж. М. Н. Пр. 1915 г. № 8), представляетъ только *отрадное* явленіе; я не согласенъ съ тѣмъ, чтобы педагогъ, хотя бы и *„знакомый"* съ исторіей русскаго языка, лучше, чѣмъ ученый лингвистъ, могъ учесть и количество и качество того матеріала и т. д. (см. мою выноску выше), и что потому учебникъ такого педагога будетъ лучше, чѣмъ „профессорскій" учебникъ. Не согласенъ я и съ отзывомъ объ учебникѣ Истриной г-на Потапова, п. ч. такой исторіи русскаго языка, какую желалъ бы справедливо видѣть г. Потаповъ, еще не дано и самой наукой; еще много звеньевъ въ этой исторіи остается до сихъ поръ невозстановленными, между тѣмъ какъ общіе принципы и громадное количество фактовъ этой исторіи уже извѣстны наукѣ и твердо въ ней установлены. Но, вѣдь, такой исторіи, какой желалъ бы г. Потаповъ, не построено даже и въ той „исторіи", которая просто называется „исторіей", а не „исторіей языка"... (*П. О. Потаповъ.* Къ вопросу о введеніи въ курсъ средней школы исторіи русскаго языка. Одесса. 1916 г.).

Переходя отъ учебника г-жи Истриной къ *принципіальной* сторонѣ дѣла, поскольку она выясняется въ статьѣ г. Вилинскаго, я долженъ заявить, что и принципіально я расхожусь съ почтеннымъ профессоромъ.

Именно: 1) Совершенно невѣрно утвержденіе г. Вилинскаго на стр. 25—26, что будто-бы, именно, педагогъ, а не ученый лингвистъ, лучше учтетъ и количество и качество того матеріала, который можно дать ученицамъ VIII класса и ту долю современныхъ научныхъ выводовъ, которую можно внести въ учебникъ. Г. Вилинскій хорошо знаетъ (см. его статью стр. 15 объ учебникахъ грамматики), что наши учебники грамматики, составленные педагогами, особенно далеки отъ принятыхъ всѣми послѣднихъ выводовъ науки, и что въ этихъ учебникахъ „изъ-за правилъ не увидишь и самого языка". Это глубоко вѣрно сказано С. Г. Вилинскимъ! А, если такъ, то какъ же педагогъ, даже „знакомый съ исторіей языка", можетъ составить лучшій по научности (? см. выше) учебникъ и можетъ лучше учесть качество матеріала, чѣмъ профессоръ-спеціалистъ?! Не надо забывать того, что молодой педагогъ, у котораго еще свѣжи университетскія познанія по исторіи русскаго языка, не берется за составленіе учебника для средней школы (по естественной неопытности), а „опытный" педагогъ обыкновенно у насъ, подъ вліяніемъ учебниковъ грамматики составленныхъ педагогами же, представляетъ изъ себя олицетвореніе той рутины и отсталости отъ научнаго пониманія явленій языка, которыя мы находимъ въ учебникахъ: рѣдко можно встрѣтить среди „опытныхъ" педагоговъ нашей школы такого, который бы научно понималъ языкъ въ его жизненныхъ явленіяхъ. Если мы до сихъ поръ можемъ встрѣтить въ учебникахъ, составленныхъ педагогами, что составители не способны различать письменный знакъ (букву) и звукъ языка и дѣлятъ имена существительныя на склоненія по конечнымъ буквамъ словъ въ ихъ письменномъ („орѳографическомъ") изображеніи, въ то же время говоря въ своихъ учебникахъ, въ отдѣлѣ фонетики, что буквамъ *ъ* и *ь* не отвѣчаютъ въ русскомъ языкѣ никакіе звуки этого языка, то, вѣдь, дальше идти некуда... Кто же изъ такихъ педагоговъ будетъ „учитывать" *качество* матеріала *въ научно составленномъ* учебникѣ и взвѣшивать доли современныхъ научныхъ выводовъ?! Если же идетъ дѣло *о сокращеніи* матеріала, въ интересахъ средней школы, разработаннаго и взятаго въ научно-составленномъ учебникѣ профессора, то это *учетъ количественный, а не качественный,* и такой учетъ всегда въ рукахъ педагога-практика, какъ мы видѣли выше.

2) Если „профессорскіе" учебники уже сдѣлали свое дѣло, если они „оживляютъ затхлую атмосферу рутинной школьной грамматики" (стр. 26), то уже и этого довольно для подъема уровня истиннаго образованія и знанія: учителю-педагогу пролитъ яркій свѣтъ на предметъ его преподаванія „профессорскимъ" учебникомъ, и желать чего-либо другого или жалѣть, что учебникъ составленъ профессоромъ, именно, въ интересахъ научнаго (истиннаго) образованія, не приходится...

3) Приспособить научный учебникъ для дѣтскаго пониманія легко, если за дѣло преподаванія въ средней школѣ берется *педагогъ съ педагогическимъ призваніемъ и съ педагогическими дарованіями*: на урокахъ такого педагога (напр., давно покойнаго *В. П. Шереметевскаго*)

даже научный отдѣлъ словообразованія доставлялъ художественное наслажденіе ученикамъ II-го класса, какъ какое-нибудь поэтическое произведеніе!

4) Для *качественнаго* учета научнаго матеріала нужна *методологія научнаго языкознанія*, а она пока еще не доступна нашимъ педагогамъ-практикамъ, пока они еще утверждаютъ въ своихъ учебникахъ, что „предложеніе есть *мысль*"..., и что „ай!" есть сокращенное предложеніе, которое обозначаетъ: „булавка уколола!" (См. мои лекціи по исторіи р. языка на учительскихъ курсахъ въ августѣ 1915 г. въ Казани. Напечатаны въ Ж. М. Н. Пр.). Наконецъ,

5) Дѣло не въ „профессорскихъ" учебникахъ, а въ томъ, былъ ли профессоръ-составитель учебника по русской грамматикѣ *самъ* учителемъ средней школы. Если былъ, то, несомнѣнно, этотъ или такой составитель учебника дастъ для школы гораздо больше и лучше, чѣмъ педагогъ-практикъ, но *не* „ученый лингвистъ". Да, кромѣ того, выше уже было сказано, что учебникъ профессора, независимо отъ того, былъ-ли онъ самъ учителемъ средней школы, „оживляетъ затхлую атмосферу рутиннаго преподаванія по рутиннымъ школьнымъ учебникамъ русской грамматики".

Благотворное вліяніе на среднюю школу оказали у всѣхъ на глазахъ „профессорскіе" учебники *по исторіи*, которая нынѣ въ средней школѣ способна давать дѣтямъ „науко-образное" представленіе о явленіяхъ исторической жизни народовъ, благодаря „профессорскимъ" учебникамъ.

Вотъ въ какомъ смыслѣ, по моему мнѣнію, составленіе учебниковъ профессорами-спеціалистами для средней школы, въ особенности у насъ въ Россіи, и по отечественному языку—тѣмъ болѣе, *весьма желательно*. Къ сожалѣнію, у профессоровъ только очень мало времени остается свободнымъ отъ своихъ прямыхъ задачъ для составленія учебниковъ для средней школы!

V. Объ опредѣленіи предложенія вообще и его членовъ.

Ученію о предложеніи и его составѣ я посвятилъ уже нѣсколько статей („Ученіе Вундта и Пауля о предложеніи"; „Основы синтаксиса русскаго языка" въ Р. Ф. В.; „Основы синтаксиса". Казань. 1912; „Къ ученію о синтаксисѣ простого предложенія". 1894 г. „Учебникъ синтаксиса русскаго языка". Каз. 1913 г. и мѣстами въ другихъ моихъ трудахъ), поэтому мнѣ не хотѣлось бы въ этомъ трудѣ повторяться, такъ что я оставлю въ сторонѣ научное опредѣленіе предложенія, данное знаменитымъ нашимъ лингвистомъ, академикомъ и профессоромъ, нынѣ, къ сожалѣнію, покойнымъ, *Ф. Ѳ. Фортунатовымъ*; но разберу *школьныя опредѣленія* предложенія, которыя помѣщаются въ нашихъ школьныхъ грамматикахъ. Этого разбора я не давалъ въ другихъ своихъ трудахъ, а *для методологіи* онъ-то и важенъ. Возьму наиболѣе распространенные у насъ, въ Казанскомъ Учебномъ Округѣ, учебники Петрова, Абраменка, Свѣтлакова, Бѣлоруссова и друг. Про

всѣ эти и подобные имъ учебники нужно сказать, что они въ той или другой мѣрѣ, такъ или иначе, повторяютъ старинные наши учебники синтаксиса *Говорова* и *Кирпичникова*. Правда, и до сихъ поръ еще находятся люди, которые отстаиваютъ преимущества грамматики Кирпичникова (тоже, вѣдь, „профессорскій" учебникъ, какъ и учебникъ Овсянико-Куликовскаго, впослѣдствіи „съ помощью" Сакулина. См. IV отдѣлъ здѣсь выше. Кирпичниковъ во время составленія своего учебника былъ еще учителемъ, а Овсянико-Куликовскій—уже пересталъ быть профессоромъ: первый никогда не былъ лингвистомъ, а второй при составленіи своего синтактиса, послѣ окончанія профессорской дѣятельности, задался цѣлью популяризировать идеи А. А. Потебни, но не былъ знакомъ со средней школой), говоря печатно, что послѣдняя кратко и ясно излагаетъ ученіе о синтаксисѣ русскаго языка для средней школы (см. Р. Ф. В. Педагогическій Отдѣлъ. 1913 годъ. № 4. Статья *г. Терновскаго*, посвященная разбору новыхъ „профессорскихъ" учебниковъ *Карскаго, Грунскаго, Кульбакина* и друг. и сравненію ихъ съ учебникомъ *Кирпичникова*). Но, вѣдь, это одно сплошное недоразумѣніе: кто знаетъ учебники Кирпичникова (этимологія и синтаксисъ. Этимологія сначала была составлена двумя авторами: Кирпичниковымъ и Гиляровымъ) и Говорова (тоже этимологія и синтаксисъ), тотъ теперь, конечно, послѣ профессорскихъ учебниковъ, можетъ легко понять, что эти учебники (Говорова и Кирпичникова) *вовсе не излагали ученія о языкѣ*; въ особенности учебники Говорова, которые представляли изъ себя цѣлые трактаты *по логикѣ*. Эти старинные учебники, при посредствѣ учебника Говорова, восходятъ къ учебнику знаменитаго въ свое время профессора *Ѳ. И. Буслаева*, который даже въ своей „Исторической грамматикѣ русскаго языка", въ концѣ 60-хъ годовъ XIX-го столѣтія излагалъ ученіе о представленіяхъ, понятіяхъ, сужденіяхъ, о признакахъ и свойствахъ предметовъ, о метафорахъ, синекдохахъ, метониміяхъ и проч. (Я когда-то учился самъ по этимъ учебникамъ въ Московской гимназіи между 1869-мъ и 1875-мъ годами). Съ тѣхъ поръ прошло много времени: лингвистическая наука съ конца 80-хъ годовъ прошлаго вѣка приняла совсѣмъ другое направленіе, сдѣлалась наукою о языкѣ, а не наукою о мысли, а наша средняя школа еще и до сихъ поръ продолжаетъ подъ названіемъ „русскаго языка" излагать составъ мысли и разбирать ея члены, наивно отождествляя мысль и языкъ. (См. учебники Абраменка, Петрова, Свѣтлакова, Смирновскаго, Преображенскаго и друг.). Чаще всего въ этихъ учебникахъ мы находимъ такое опредѣленіе предложенія: *„предложеніе есть мысль, выраженная словами"*. Шагъ впередъ представляетъ собой опредѣленіе: *„предложеніе есть соединеніе словъ, выражающихъ только одну мысль"* (учебникъ Преображенскаго). Наконецъ, самое послѣднее и правильное, т. е. согласное съ наукою, опредѣленіе мы находимъ въ учебникѣ *Гусева и Сидорова* (1914 г.): „предложеніе есть такое сочетаніе словъ, въ которомъ находится личная форма глагола" (§ 1. Стр. 4.

Однако срв. примѣчаніе къ § 3 на 9 страницѣ. Опредѣленіе предложенія я передалъ *почти* дословно, за неимѣніемъ этой книги подъ рукой). Но и въ этомъ учебникѣ научно правильно только опредѣленіе предложенія, а далѣе весь синтаксисъ свелся на почву смѣшенія языка съ логикой. Методологически правильно было бы сначала разобраться въ отношеніяхъ между мыслью и языкомъ, а потомъ составлять учебникъ для школы. Если авторъ учебника по грамматикѣ какого-либо языка самъ не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, можетъ-ли одна и та же мысль выражаться совершенно различными словами и совершенно различными ихъ сочетаніями, то онъ уже не сможетъ отдѣлить предмета языкознанія отъ предмета логики. Такъ, напримѣръ, я могу сказать: „сильный встрѣчный вѣтеръ затрудняетъ мое движеніе"; „противъ сильнаго вѣтра мнѣ трудно идти"; „при ходьбѣ я съ трудомъ преодолѣваю препятствіе отъ сильнаго встрѣчнаго вѣтра"; „если дуетъ сильный встрѣчный вѣтеръ, то мнѣ трудно двигаться"; „борьба съ сильнымъ встрѣчнымъ вѣтромъ при ходьбѣ затрудительна" и проч. под. Каждый изъ насъ понимаетъ, что всѣ эти словесныя выраженія, не смотря на ихъ разнообразіе и по составу словъ, и по способу (характеру) ихъ сочетанія (ихъ связи), передаютъ намъ только одну мысль, именно, мысль о томъ, что „*трудно идти противъ сильнаго вѣтра*". А между тѣмъ одна и та же мысль выражена во всѣхъ выше приведенныхъ примѣрахъ совершенно различными словами и въ совершенно различныхъ ихъ сочетаніяхъ другъ съ другомъ. Вотъ для преподающаго *языкъ* и для изучающаго языкъ и важно, особенно важно, отдать себѣ отчетъ въ томъ, что преподаватель *логики* остановитъ свое вниманіе на мысли: „трудно идти противъ сильнаго вѣтра" и будетъ изучать съ учениками самое содержаніе этой мысли: *согласно-ли это утвержденіе о трудности* борьбы съ сильнымъ противнымъ вѣтромъ при движеніи какого-нибудь лица или предмета *съ дѣйствительностью, согласно-ли оно съ полученнымъ опытомъ и знаніемъ, не заключается-ли въ этомъ утвержденіи какихъ-либо противорѣчій съ данными опыта, съ законами сопротивленія силъ и под.* Словомъ, преподаватель *логики* или изучающій *логику* изслѣдуетъ *качественную* сторону мысли, ея состоятельность со стороны соотвѣтствія ея тому, что̀ есть на самомъ дѣлѣ, и тому, что̀ дѣйствительно бываетъ или можетъ быть, независимо отъ того, посредствомъ какихъ словъ и какъ эта мысль выражена. Представитель логики предпочелъ бы всегда обходиться *безъ всякихъ словъ только одной мыслью*, еслибы возможна была передача мысли другому человѣку безъ словъ языка... Другое дѣло—преподаватель языка и изучающій языкъ, а не мысль, (т. е. другое дѣло—лингвистъ!): для него предметомъ его вниманія служатъ *слова и ихъ сочетанія въ формахъ рѣчи*, независимо отъ смысла и содержанія мысли, заключающагося въ словосочетаніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ можетъ быть нелѣпѣе, съ точки зрѣнія логики, народныхъ сказокъ, гдѣ могутъ расти на вербѣ груши, гдѣ избушка стоитъ на курьихъ ножкахъ, гдѣ люди ѣздятъ и летаютъ на метлахъ,

на коврахъ, гдѣ колдуньи вылетаютъ въ трубу, лошади перескакиваютъ черезъ моря и океаны и проч., а между тѣмъ лингвистъ въ сказкахъ найдетъ свой матеріалъ для своей науки и займется имъ со вниманіемъ. Намъ скажутъ отсталые отъ науки учителя и составители рутинныхъ учебниковъ по русскому языку, что въ сказкахъ мы имѣемъ дѣло съ фантастическимъ міромъ, съ метафорами, съ поэзіей и проч., а въ логикѣ—съ дѣйствительностью и законами ея жизни. Такъ и *до сихъ поръ* говорятъ и пишутъ учителя русскаго языка, такъ и *до сихъ поръ* преподаютъ въ нашей средней школѣ! А между тѣмъ, въ силу закона противорѣчія и въ силу закона тождества, представитель логики отвергнетъ сказки, какъ образцы *нелогической* мысли, изъ-за ихъ утвержденій, что царевна есть та же лягушка, что баба-яга есть тотъ же вѣтеръ, что человѣкъ-кощей безсмертенъ и бываетъ любымъ животнымъ: и птицей, и растеніемъ и проч. Представитель логики будетъ смотрѣть на весь этотъ фантастическій міръ народныхъ и поэтическихъ замысловъ, какъ на поэзію, на вымыселъ и под. Но лингвистъ скажетъ: „меня не касается вопросъ о томъ, бываетъ ли въ дѣйствительности безсмертный человѣкъ, растутъ ли на вербѣ груши: это для меня въ данномъ случаѣ—все равно! Мнѣ важно то, что всѣ эти вымыслы выражены въ такихъ же формахъ словъ, такими же словами и ихъ сочетаніями, какими выражаются и выражены и научныя истины; *форма выраженія, т. е. языкъ,—это предметъ моей науки, и этимъ я интересуюсь. Раньше, чѣмъ учителя и общество привыкнутъ* постепенно помощью школы и учебниковъ, стоящихъ на высотѣ научнаго представленія о предметѣ науки, *къ этому разграниченію мысли и языка, какъ формы мысли,* языкознанія въ нашей школѣ не будетъ... Это обязана указать нашей школѣ *методологія*: ея дѣло разсказать, какъ научное лингвистическое міровоззрѣніе постепенно вырабатывалось и отражалось въ учебной и ученой литературѣ, и въ какой стадіи развитія находится теперь школа относительно русскаго языкознанія. Конечно, всякая наука имѣетъ свою исторію; имѣетъ ее и средняя школа! Но какъ въ наукѣ можетъ служить значительнымъ препятствіемъ для прогресса наличность отжившихъ свое время методовъ и положеній, такъ и въ школѣ рутинные учебники и отсталые учителя способны поддерживать и въ молодомъ поколѣніи и въ обществѣ научный обскурантизмъ и невѣжество. На исторіи опредѣленій предложенія и его членовъ особенно наглядно отражается темное состояніе русскаго языка въ средней школѣ! Въ самомъ дѣлѣ, какъ это до сихъ поръ въ нашей средней школѣ нѣтъ научныхъ представленій о языкѣ и его жизни, тогда какъ въ университетахъ языкъ уже давно излагается научно, а по другимъ наукамъ и средняя школа достигаетъ уже научнаго уровня представленій? Въ самомъ дѣлѣ, почему это почти каждый ученикъ VI-го класса, смотря на геометрическій чертежъ усѣченной пирамиды, напримѣръ, вычисляетъ ея поверхность и объемъ независимо отъ того, толстыми-ли линіями изображенъ чертежъ, или тонкими, выступаетъ-ли онъ въ воображе-

ніи ученика изъ плоскости классной доски, или нѣтъ и проч.? Почему теперь для наглядности употребляется въ школахъ разноцвѣтный мѣлъ, и приносятся въ классъ модели геометрическихъ фигуръ? Въ прежнее время и этого не было, а *геометрическія представленія* у учениковъ всетаки были! Вѣдь, нельзя же сказать, что математика вообще менѣе отвлеченная наука, чѣмъ русскій языкъ! А тѣмъ не менѣе *лингвистическихъ представленій* у учениковъ и до сихъ поръ почти не найдешь! Конечно, все дѣло здѣсь заключается въ состояніи учебной литературы и въ подготовкѣ учителей: учитель, поступая на службу, прежде всего старается приспособиться къ школьному учебнику и мало-по-малу разстается съ научными представленіями, ища въ принятомъ въ школѣ учебникѣ помощи своему дѣлу и облегченія труда преподаванія: дескать, всѣ учебники трактуютъ предложеніе, *какъ мысль*, ну, стало быть, это легче дать ученикамъ, чѣмъ вырабатывать вмѣстѣ съ ними и для нихъ новый учебникъ на научныхъ началахъ. Къ этой школьной рутинѣ присоединилось еще, на бѣду для отечественнаго языка, стремленіе школы и составителей учебниковъ насадить орѳографическую грамотность. А требованія въ этомъ отношеніи со стороны высшаго начальства способствовали окончательному приниженію отечественнаго языка до уровня искусства орѳографически-грамотно писать. Мнѣ не разъ приходилось слышать и отъ нынѣшнихъ учениковъ и отъ учителей вопросъ: „какъ писать *лѣчебница*: *ѣ* или *е* послѣ *л*“? Если скажешь, какъ, и объяснишь, почему, то слышишь вопросъ: „а почему же тогда на вывѣскахъ и въ газетахъ и въ книгахъ пишутъ это слово черезъ *е*“? Дѣйствительно, странно: вѣдь, когда говоришь ученикамъ и учителямъ о грозѣ и молніи, никто, вѣдь, на ваше объясненіе въ школѣ или дома не возразитъ вамъ вопросомъ: „а почему же въ народѣ говорятъ, что громъ происходитъ отъ колесницы пророка Иліи“? Точно такъ же: васъ будутъ увѣрять, что фраза: „дважды два—четыре“ и фраза: „два и два будетъ четыре“—одинаковыя предложенія, п. ч. они выражаютъ одну и ту-же мысль! Никто и не подумаетъ, что самое предложеніе-то, какъ терминъ языка, опредѣляется лишь внѣшними, формальными особенностями словосочетанія, а не своимъ внутреннимъ смысломъ. Словомъ, престижъ языкознанія не тотъ, что у другихъ наукъ, а виноваты въ этомъ учебники и учителя! Смѣшали въ одно „*mixtum-compositum*“ языкознаніе и логику, а словообразованіе съ орѳографіей: въ этомъ смѣшеніи участвовало и начальство, и общество, и учителя, и учебники. Вотъ въ результатѣ этого положенія и получилось: 1) захудалое положеніе отечественнаго *языка*, какъ предмета преподаванія, 2) неправильное пониманіе языкознанія, какъ *знакомство* съ языкомъ *практическое* путемъ чтенія литературныхъ и художественныхъ произведеній слова, 3) включеніе въ программу занятій *по языку* усвоеніе *догматической орѳографіи* (не „исторической!“ См. мой курсъ „Русскій языкъ“—лекціи, читанныя на Пед. Курсахъ при Управленіи Каз. Учеб. Округа. Казань. 3-е изданіе. 1916 г. Стр. 7—8. 1-е и 2-е изданія вышли въ 1913-мъ году).

Методологія русскаго языкознанія обязана прежде всего констатировать это смѣшеніе наукъ и задачъ науки въ нашей средней школѣ и учебникахъ, а затѣмъ—содѣйствовать разграниченію наукъ въ школѣ и учебникахъ путемъ демонстративныхъ курсовъ и ученыхъ сочиненій, въ которыхъ бы обстоятельно и популярно излагалось *современное* ученіе о языкѣ въ университетскомъ преподаваніи и въ наукѣ *сравнительно со школьнымъ изложеніемъ предмета, носящаго названіе „русскій языкъ“ въ средней и низшей школахъ.* (См. мою статью въ журн. „Русская Школа“. СПБ. 1901 г.: „Грамматика русскаго литературнаго языка въ средней школѣ и въ Университетѣ“). Вотъ эти цѣли мы и преслѣдовали и въ этомъ своемъ трудѣ, и во всѣхъ предыдущихъ.

Возьму опять примѣры. Учебникъ (Петрова, Абраменка и друг.) учитъ, что: *„на восходѣ солнца* хорошо клюетъ рыба“ означаетъ: „рыба хорошо клюетъ, *когда восходитъ солнце*“. Слѣдовательно, заключаетъ учебникъ: „на восходѣ солнца“ = „когда восходитъ солнце“. Конечно, такъ! Скажемъ мы: конечно, „на восходѣ солнца“ означаетъ „когда восходитъ солнце!“ Но что же изъ этого слѣдуетъ для *языковѣда?* Современный учебникъ синтаксиса русскаго языка, составленный невѣжественнымъ въ языкознаніи авторомъ, учителемъ средней школы, продолжающимъ свое темное дѣло (я сообщаю все факты и свои наблюденія, полученныя мною въ бесѣдахъ съ учителями по поводу учебниковъ и постановки въ школѣ русскаго языка!), скажетъ: „ну, значитъ, вмѣсто: „на восходѣ солнца“ можно сказать: „когда восходитъ солнце“. „Значитъ, продолжаетъ мой собесѣдникъ,—на восходѣ солнца“—*сокращенное предложеніе* изъ предложенія: „когда восходитъ солнце“ и т. д. Тогда я говорю: „путь“ означаетъ „дорога“. Можно сказать вмѣсто: „мнѣ будетъ по пути“—„мнѣ будетъ по дорогѣ?“ Можно! Значитъ, можно сказать вмѣсто: „Я узналъ это *путемъ* привлеченія свидѣтелей“—„Я узналъ это *дорóгою* привлеченія свидѣтелей?“ Наступаетъ раздумье. Почему? Собесѣдникъ начинаетъ сознавать, что въ первой фразѣ слово „путемъ“ есть уже совсѣмъ *другое слово,* чѣмъ слово „дорóгою“ во второй фразѣ, хотя слова: „путь“ и „дорога“ означаютъ одно и то же, т. е. означаютъ одно и то же понятіе. Слѣдовательно, собесѣдникъ мой *демонстративно* убѣждается въ томъ, что *въ языкѣ* два слова съ *одинáковымъ* значеніемъ становятся иногда словами съ *различными* значеніями, т. е. *не замѣнимыми другъ другомъ.* Отсюда ясно, что замѣна одного слова другимъ, даже при тождествѣ ихъ первоначальнаго значенія, становится невозможной въ словосочетаніяхъ, т. к. въ языкѣ слово въ сочетаніи съ другими пріобрѣтаетъ новыя значенія, т. е. становится уже *другимъ, не прежнимъ* словомъ. Это же мы видѣли выше въ процессахъ измѣненія языка *во времени.* (Припомнимъ значенія слова „погибель“. Также слово „верста“ прежде и теперь: срв.: „сверстникъ“, „наверстать“ и „сверстать“ и проч.). Значитъ, слова мѣняются въ языкѣ не только *въ сочетаніяхъ* съ другими, *но и въ теченіе времени.*

Возвращаясь къ своему прежнему примѣру, по поводу котораго я велъ бесѣду съ учителями и размышлялъ надъ ихъ учебниками и ихъ преподаваніемъ, я попрошу сказать мнѣ, можно-ли вмѣсто выраженія *„на восходѣ солнца“* поставить выраженіе *„когда восходитъ солнце“* въ слѣдующемъ примѣрѣ: *„на восходѣ солнца проснулся дѣдушка“?* Очевидно, нѣтъ! Стало быть, мы убѣдились, что вмѣсто предложенія: „когда восходитъ солнце“ не всегда и не во всякомъ случаѣ можно сказать: „на восходѣ солнца“. А если это такъ, то, значитъ, выраженіе: „на восходѣ солнца“ не можетъ быть сокращеннымъ видомъ предложенія: „когда восходитъ солнце“, т. е. между этими выраженіями нельзя поставить *знакъ равенства.* Такимъ образомъ, *опираясь въ своемъ разсужденіи на логическій законъ тождества,* мы должны признать, что два выраженія: „когда восходитъ солнце“ и „на восходѣ солнца“ не равны другъ другу и не тождественны ни по формамъ входящихъ въ нихъ словъ, ни по смыслу ихъ. А если мы можемъ указать на этотъ случай, какъ на случай, доказывающій, что сокращенія предложеній въ томъ смыслѣ, въ какомъ учатъ о такомъ сокращеніи наши школьные учебники, нѣтъ и не можетъ быть, то, значитъ, и *вообще теорія сокращенія предложеній должна быть признана ложною.* А ложнымъ теоріямъ и учить молодое поколѣніе нельзя!

Я на этомъ примѣрѣ умышленно избѣжалъ научнаго опредѣленія предложенія, какъ „словосочетанія, въ которомъ особою формою сказуемости опредѣленно указывается отношеніе сказуемаго—глагола къ подлежащему—именительному падежу“, чтобы при своихъ разсужденіяхъ и доказательствахъ по поводу „сокращеннаго предложенія: на восходѣ солнца“ нашихъ учебниковъ не брать отправнымъ пунктомъ для себя *научнаго* опредѣленія предложенія, т. к. есть учителя-педагоги, которые говорятъ: „а что если Ваше научное опредѣленіе предложенія невѣрно“?! „Какъ доказать достовѣрность такого опредѣленія“? Само собой разумѣется, что при такихъ вопросахъ методологія науки должна разъяснить, *какъ добываются учеными вообще научныя истины, что̀ убѣждаетъ насъ въ ихъ истинности, и остаются-ли добытыя наукою положенія и опредѣленія истинными на вѣчныя времена.* Въ такихъ случаяхъ необходимо припомнить то, о чемъ я говорилъ въ началѣ моего этого труда, именно, о методахъ *индукціи, сравненія, синтеза и дедукціи.* Только то опредѣленіе будетъ научнымъ, которое представляетъ собою *выводъ* изъ разносторонняго или, по возможности, всесторонняго изученія и изслѣдованія факта или явленія индуктивнымъ, сравнительнымъ, синтетическимъ и дедуктивнымъ путемъ. При этомъ надо имѣть въ виду, что всякое положеніе и опредѣленіе въ наукѣ *должно отвѣчать современному уровню научныхъ знаній* въ данной области и согласоваться съ нимъ. *Только тогда оно научно!*

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что, такъ какъ ученіе школьныхъ учебниковъ о предложеніи не соотвѣтствуетъ современному уровню

научныхъ знаній въ этой области, а соотвѣтствуетъ отжившему уже въ *современной* наукѣ отождествленію „предложеній“ языка съ „мыслью“ логики (см. выше), то современные учебники являются *отсталыми* отъ науки и потому не отвѣчающими своему назначенію—содѣйствовать подъему уровня научныхъ знаній и образованія въ школѣ, а, стало быть, и въ странѣ, а, напротивъ,—поддерживаютъ обскурантизмъ и застой.

Теперь возьмемъ опять прежній примѣръ: „на восходѣ солнца“ и „когда восходитъ солнце“ и разберемъ его съ точки зрѣнія формы входящихъ въ него словъ. Употреблю пріемъ *deductio ad absurdum* для разбора словосочетанія „на восходѣ солнца“. Итакъ, если это словосочетаніе есть предложеніе (хотя и сокращенное), то въ словосочетаніи: „на восходѣ солнца хорошо клюетъ рыба“ нужно признать *два предложенія*, изъ которыхъ первое (сокращенное) составляетъ *часть другого, второго* („хорошо клюетъ рыба“) и, *именно, обстоятельство времени* (по школьному ученію), т. е. получается: *часть равна цѣлому*. Этого, очевидно, быть не можетъ, т. к. современное человѣчество признаётъ *за аксіому*, что *часть меньше цѣлаго*, и, слѣдовательно, *никакой членъ предложенія не можетъ въ языкѣ становиться предложеніемъ, пока онъ, именно, членъ, или часть предложенія; если же онъ—предложеніе, то онъ уже не часть его, и ничего общаго* формально *нѣтъ между предложеніемъ и его частью*. „На восходѣ“, какъ обстоятельство времени, соотвѣтствуетъ и по формѣ и по значенію (=обстоятельство времени) выраженію: „на закатѣ“, „на западѣ“, „на востокѣ“ и под. Слѣдовательно, выходитъ, что „на востокѣ“ есть предложеніе. Такъ разсуждая, согласно съ учебниками, придется признать, что и „на днюˮ, „на склонѣ дней“, „на зарѣ“, „на возрастѣ“ и под.—предложенія, т. е. чуть не всѣ слова языка придется признать предложеніями. *Стоя на почвѣ школьныхъ учебниковъ, мы договорились до абсурда!* И такъ, дѣйствительно, и бываетъ: при своихъ посѣщеніяхъ средней школы я не разъ убѣждался, что учителя русскаго языка вмѣстѣ съ классомъ своихъ учениковъ въ III-мъ классѣ приходятъ, при прохожденіи синтаксиса, къ научнымъ абсурдамъ, къ полной нелѣпицѣ, съ научной точки зрѣнія. Такъ, напр., нарѣчія считаютъ опредѣленіями при глаголѣ, „безличными“ считаютъ такія предложенія, какъ: „что посѣешь, то и пожнешь“ и проч.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ доказать, что „на закатѣ солнца“ = „когда солнце закатывается“? Приходится ссылаться на смыслъ! Но, вѣдь, мы убѣдились уже выше въ томъ, что *тождество смысла не есть тождество словъ и ихъ формъ, выражающихъ этотъ смыслъ*: все равно, какъ, напримѣръ, варенье состоитъ между прочимъ изъ сахара, но сахаръ и всѣ прочія составныя части даннаго варенья всетаки не есть варенье; такъ и здѣсь: слова въ ихъ сочетаніяхъ могутъ выразить мысль, но отъ этого слова́ не дѣлаются мыслью, а остаются всетаки сочетаніями звуковъ рѣчи, какъ матеріала для языка. Вообще, какъ мы видѣли выше, ссылкой на смыслъ словосочетанія и ссылкой

на мысль, заключающуюся въ данномъ словосочетаніи, ничего не объяснишь въ языкѣ и ничего не докажешь, т. к. мысль имѣетъ свои особые законы своей жизни и своего развитія, а языкъ—свои, и для изученія языка необходимо уразумѣть на изслѣдованіи явленій языка, а не мысли, законы жизни и развитія языка: это только наша привычка надѣлять слова въ ихъ сочетаніяхъ опредѣленнымъ смысломъ; въ самихъ же сочетаніяхъ словъ не заключается ничего *объективно* свидѣтельствующаго о вѣрности нашего пониманія словосочетанія: точно такъ, какъ и въ звукахъ языка нѣтъ ничего такого, что-бы *объективно* указывало намъ, что звуки языка связаны, *какъ звуки*, съ опредѣленнымъ значеніемъ и смысломъ: все это—результатъ привычки нашего сознанія. Можно привести много курьезныхъ примѣровъ, доказывающихъ крупную роль привычки нашего сознанія въ дѣлѣ пониманія звуковой рѣчи. Сравните, напримѣръ, словосочетанія: „одинъ студентъ шелъ въ пальто, а другой въ университетъ". Или: „Ну, пусть ѣдетъ онъ по всей вѣроятности, а мы съ вами поѣдемъ по желѣзной дорогѣ" и под. Если же мы обратимся не къ указаніямъ нашего *привычнаго* акта сознанія, а *къ объективнымъ фактамъ языка въ его исторіи*, то мы убѣдимся, что *единственнымъ объективнымъ доказательствомъ различія смысла въ различныхъ словосочетаніяхъ служатъ формальныя измѣненія отдѣльныхъ единицъ* (словъ) *сочетанія и цѣлыхъ словосочетаній. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ инымъ могли бы объясняться различія формъ языка, какъ не различіемъ смысла и значеній словъ въ нашей связной рѣчи?!*

Сравнивая словосочетанія: „на восходѣ солнца" и „когда восходитъ солнце", *мы видимъ объективныя различія между ними по формамъ*: во второмъ изъ нихъ есть форма глагола третьяго лица („восходитъ") и форма именительнаго падежа („солнце"), согласованныя между собой, а въ первомъ изъ нихъ нѣтъ ни личной формы глагола (=формы сказуемости), ни формы именительнаго падежа (=формы подлежащаго). Слѣдовательно, въ первомъ словосочетаніи нѣтъ и грамматически составленнаго предложенія. (См. наши „Основы синтаксиса" и „Учебникъ синтаксиса"). Что же касается того, что нѣкоторые учебники, стараясь прислушаться къ вопросу о сокращеніи предложеній въ научномъ освѣщеніи, стали прибѣгать къ термину: *„замѣна предложенія"* вмѣсто болѣе стариннаго *„сокращеніе предложенія"*, то это нововведеніе нашихъ учебниковъ, измышленное самими учителями—составителями учебниковъ, не улучшаетъ дѣла, потому что не приближается къ научному пониманію явленія: въ самомъ дѣлѣ, мы выше видѣли, какъ опасна бываетъ „замѣна" въ рѣчи одного слова другимъ, и какъ такая „замѣна" произвольна. Отъ такого свободнаго обращенія съ языкомъ и его особенностями только ухудшается дѣло преподаванія и изученіе языка въ школѣ, т. к. вырабатывается привычка смотрѣть на языкъ, какъ на явленіе, въ которомъ нѣтъ никакой закономѣрности процессовъ его жизни.

Такимъ образомъ, если мы доказали, что 1) „сокращенія" пред-

ложеній быть не можетъ и нѣтъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимаетъ наша школа и ея учебники; что 2) для состава предложенія, какъ языковаго образованія, необходима личная форма глагола и форма именительнаго падежа и что 3) гдѣ нѣтъ этихъ формъ, тамъ нѣтъ и грамматическаго предложенія, а можетъ быть только его часть, одинъ изъ его составныхъ элементовъ (а часть никогда не равна цѣлому), то, значитъ, грамматика имѣетъ дѣло только съ предложеніями, какъ языковыми значащими единицами синтаксиса. Всѣ эти „сокращенныя“ предложенія и „эквиваленты“ (Вундтъ) предложеній не представляютъ съ точки зрѣнія языка значащихъ единицъ синтаксиса, слѣд., не являются предложеніями.

Къ тому, что́ сказано здѣсь въ V-й главѣ, надо прибавить еще то, что́ сказано мною въ „Основахъ синтаксиса“, чтобы имѣть научное представленіе о предложеніи въ цѣломъ и объ его частяхъ—членахъ.

VI. Ученіе о залогахъ глагола.

Изъ всѣхъ отдѣловъ школьной этимологіи русскаго языка едвали не самый запутанный и сбивчивый, а равно и *совершенно произвольный*, представляетъ отдѣлъ ученія о залогахъ. Этого „ученія“ никогда въ школѣ не понимали ни учителя, ни ученики; его не понимаютъ и до сихъ поръ! Начать съ того, что въ одномъ учебникѣ мы находимъ *три* залога, въ другомъ—*четыре, пять* и даже *шесть*: дѣйствительный, средній, страдательный, возвратный, взаимный и общій. На какихъ *объективныхъ* основаніяхъ покоится такая школьная классификація залоговъ, *никому неизвѣстно*. По объясненіямъ и опредѣленіямъ учебниковъ можно заключать, что основаніемъ послужило *значеніе формъ*. Но мы уже видѣли, что значеніе не гарантируетъ собою формы: припомнимъ опредѣленіе глагола, какъ части рѣчи, которая означаетъ дѣйствіе или состояніе; припомнимъ, какъ были сконфужены наши учебники грамматики, когда имъ наука указала, что слова: „дѣйствіе“, „состояніе“, „бѣгъ“, „ходьба“ и под. означаютъ какъ разъ дѣйствіе и состояніе, *а всетаки отъ этого значенія эти слова не сдѣлались глаголами* потому, что они не измѣняются по лицамъ, временамъ и наклоненіямъ, а измѣняются по падежамъ. Стало быть, *не значеніе слова* составляетъ тотъ *существенный признакъ*, по которому мы различаетъ части рѣчи, *а ихъ формы измѣняемости*. Вотъ почему слово „дѣйствіе“ есть имя существительное, не смотря на свое значеніе; слово „красота“—тоже, не смотря на его значеніе („качество“); слово „городовой“—имя прилагательное, не смотря на его значеніе, п. ч. имѣетъ родовые форманты—окончанія. Срв. „полицейскій“ и проч. Вотъ почему и глаголы въ формѣ инфинитива могутъ становиться именами, теряя формы глагольной измѣняемости: срв. „мочь“, „не-мочь“, „печь“, „знать“ и др. Срв. „мнѣ *неохота*“ = = „мнѣ не хочется“ (діалектич.).

Само собой разумѣется, что всѣ эти формы („мочь“, „печь“...) лишь *фонетически* совпали съ формами именъ существительныхъ, но

самое это совпаденіе формъ имени и формъ глагола характерно для опредѣленія роли нашего привычнаго сознанія при употребленіи языка и для опредѣленія происхожденія формантовъ имени и инфинитива въ нашихъ языкахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что *залоги есть формальная принадлежность глагола* (это доказывается формами залоговъ въ др. инд. языкѣ, въ греческомъ и въ латинскомъ), но не другой какой-либо части рѣчи; *вотъ почему въ основу классификаціи залоговъ необходимо положить формальное отличіе*. Въ наукѣ извѣстно ученіе академика и профессора *Ф. Ѳ. Фортунатова* о залогахъ русскаго глагола. (Изв. Отд. р. яз. и слов. Акад. Наукъ. 1899 г. Т. IV, кн. 4). Этому знаменитому ученому удалось путемъ анализа и сравненія глагольныхъ формъ и ихъ употребленія въ русской рѣчи точнѣе и полнѣе другихъ классифицировать залоги на основаніи формальныхъ ихъ особенностей и отношенія глаголовъ къ объекту. Какъ и всякое ученіе, основанное на строго научныхъ принципахъ, ученіе Фортунатова отличается крайней простотой и при этомъ обнимаетъ все разнообразіе залоговыхъ особенностей русскаго глагола. Я внесъ это ученіе въ свой учебникъ этимологіи русскаго языка еще въ 1900-мъ году, когда вышло въ свѣтъ первое изданіе моей этимологіи; тѣмъ не менѣе наши школьные учебники и до сихъ поръ придерживаются рутины, не смотря на всеобщія жалобы, какъ со стороны учениковъ, такъ и со стороны учителей-педагоговъ на трудность опредѣленія залога въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ при попыткѣ держаться ученія нашихъ школьныхъ учебниковъ.

Я изложу здѣсь сущность ученія о залогахъ Ф. Ѳ. Фортунатова.

1) Всѣ глаголы русскаго языка представляютъ два вида по образованію: или они образуются безъ частицы *-ся*, или—съ частицею *-ся* (старая форма возвратнаго мѣстоименія, ставшая нынѣ частицею). Есть глаголы, которые образуются съ частицею *-ся* и безъ этой послѣдней неизвѣстны.

2) По отношенію къ объекту (дополненію) они бываютъ или *переходными*, или *непереходными*, или *средними*.

3) Частица *-ся* дѣлаетъ всякій переходный глаголъ непереходнымъ.

4) Непереходные глаголы могутъ имѣть при себѣ частицу *-ся*, но могутъ быть и безъ этой частицы. Есть непереходные глаголы, которые неизвѣстны съ частицею *-ся*.

5) Частица *-ся* можетъ вносить различіе въ значеніе глаголовъ, но можетъ и не вносить никакого различія. Такимъ образомъ:

По формѣ.

Глаголы безъ частицы *-ся:* *(Невозвратная форма).*	**Глаголы съ частицею *-ся:*** *(Возвратная форма).*
Любить, уважать, строить, помогать, угождать, сидѣть, лежать, спать, ходить и проч.	Уважаться, строиться, сидѣться, спаться, смотрѣться, колоться, надѣяться, сердиться, бояться, стараться, смеркаться, красоваться, гордиться и проч.

По значенію.

Непереходное значеніе: „мыться“ и под.

А) Въ отношеніи къ объекту:

I. Переходные — съ дополненіемъ въ *вин.* пад. и безъ предлога.

Любить отца,
уважать человѣка,
строить домъ,
видѣть брата,
смотрѣть квартиру,
пройти версту.

Б) Въ отношеніи къ частицѣ *„ся“:*

а) Частица *-ся* при переходныхъ глаголахъ можетъ вносить пять видовъ значенія въ основное значеніе глагола:

1) Значеніе страдательное: „домъ строится плотниками“.

2) Значеніе взаимно-переходное: „я сражаюсь съ врагомъ“.

3) Значеніе возвратное: „я моюсь“ (мою себя).

4) Значеніе измѣненія признака въ самомъ субъектѣ: „я гнѣваюсь“, „я сержусь“...

5) Значеніе глагола безъ отношенія къ объекту: „ежъ колется“, „собака кусается“... „я прошелся“.

Безъ *-ся:*

Переходные.

Съ частицею *-ся:*

б) Частица *-ся* не вноситъ никакого различія въ значеніе глагола: *(Общіе* глаголы).
„Она смотрится въ зеркало“.
„Гляжу—не нагляжуся“ и проч.
„Онъ молится“.

II. Непереходные. — Безъ дополненія, не дополняемые.

Сидѣть, трещать,
лежать, шумѣть,
ходить, горѣть,
бѣжать,
сохнуть, меркнуть,
стынуть и проч.

а) Частица *-ся* можетъ вносить два вида значеній въ основное значеніе глагола:

1) Значеніе усилительное: „что-то бѣлѣется на солнцѣ“; „краснѣется“...

2) Значеніе безличности: „мнѣ спится“; „мнѣ хочется“... „мнѣ плачется“... (См. III).

б) Частица *-ся* не вноситъ никакого различія въ значеніе глагола: *(Общіе* глаголы).
Напр., „Кто тамъ стучится“? „Кто-то звонится“. Глаголъ „звонить“ кого въ смыслѣ „звать“ звонкомъ—уже образованіе по аналогіи.

III. Средніе. { Непереходные, но съ переходнымъ значеніемъ: дополненіе *не* въ вин. п.

Помогать, вѣрить, хотѣть, подражать, служить, плакать, потакать, и проч.

Таково, въ общихъ чертахъ и въ своей сущности, ученіе о залогахъ русскаго глагола, предложенное покойнымъ *Ф. Ѳ. Фортунатовымъ*. (См. также мой докладъ о Фортунатовѣ въ Педагогическомъ Обществѣ при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ 25 октября 1914 г.). Отд. оттискъ изъ журн. „Труды и Протоколы"—III. 1.—Пед. О-ва при Имп. Каз. Университетѣ. Стр. 22—23

Намъ могутъ сказать, что и въ этомъ ученіи, которое признается соотвѣтствующимъ уровню научныхъ знаній нашего времени, входитъ элементъ семазіологическій (значеніе), какъ основа классификаціи глагольныхъ залоговъ. Однако, такъ ли это? Вникнемъ поглубже въ ученіе Фортунатова о залогахъ. Во-первыхъ, дѣленіе глаголовъ на два разряда по присутствію или по отсутствію въ нихъ частицы *-ся* есть *дѣленіе чисто формальное*. Во-вторыхъ, дѣленіе глаголовъ по отношенію къ объекту есть дѣленіе *по формамъ управленія,* а это, какъ мы видѣли выше, тоже *принципъ формальный*. Въ-третьихъ, если разсматривать значеніе въ соотношеніи его съ формою (а въ данномъ случаѣ и разсматривается измѣненіе въ значеніяхъ глаголовъ въ зависимости отъ участія въ нихъ формальной частицы *-ся)*, то и этотъ *принципъ остается формальнымъ*. (См. выше и мой Учебникъ синтаксиса. Предисловіе).

Какъ добыто это ученіе Фортунатовымъ? Всѣ ли виды русскихъ глаголовъ вошли въ объемъ этого ученія? Что надо было предварительно продѣлать Фортунатову, чтобы формулировать свои выводы вышеозначеннымъ образомъ? Вотъ вопросы, которыми должна заняться методологія современнаго языкознанія. Прежде всего, конечно, Фортунатову пришлось по словарю русскаго языка просмотрѣть и продумать *всѣ* глаголы; при этомъ ему выяснилось, что русскіе глаголы въ формѣ инфинитива или имѣютъ при себѣ частицу *-ся* и безъ нея не могутъ быть, или не имѣютъ и имѣть ея не могутъ, или, наконецъ, извѣстны въ обоихъ видахъ: и съ частицею, и безъ нея: „смеркаться", „лежать", „сморкаться" и проч. (см. таблицу выше). Далѣе, сравнивая глаголы „лежать" и „уважать", напримѣръ, по ихъ особенностямъ въ отношеніи частицы *-ся*, ученый долженъ былъ видѣть, что глаголъ „лежать" не можетъ имѣть при себѣ *-ся*, а, если частица *-ся* извѣстна при немъ, то онъ пріобрѣтаетъ значеніе *безличности:* „онъ лежитъ", но: „ему не лежится". И такъ оказалось при всѣхъ глаголахъ, которые не могутъ управлять дополненіемъ въ вин. п. безъ предлога, т. е.

означаютъ непереходное дѣйствіе. Оказалось, что есть еще цѣлая группа глаголовъ, которая неизвѣстна вовсе безъ частицы *-ся*: „стараться“, „бояться“, „надѣяться“, „божиться“ и друг. А другая группа глаголовъ—неизвѣстна съ частицею *-ся*: „трещать“, „шумѣть“, „горѣть“ и т. п. Такимъ образомъ, получились двѣ основныя группы глаголовъ: типа „стынуть“, неспособные соединяться съ частицею *-ся*, и типа „стараться“, неспособные обходиться безъ *-ся*. Кромѣ того, какъ въ классѣ переходныхъ глаголовъ, такъ и въ классѣ непереходныхъ глаголовъ, Фортунатовъ замѣтилъ присутствіе такихъ глаголовъ, въ значеніе которыхъ частица *-ся* не вноситъ ничего новаго: эти глаголы Фортунатовъ назвалъ *общими*: „смотрѣться“ (=смотрѣть), „стучаться“ (=стучать) и т. д.

Слѣдовательно, пришлось путемъ *анализа*, *сравненія* и *индукціи* придти къ *синтезу* всѣхъ разсмотрѣнныхъ и изученныхъ случаевъ, чтобы предложить общее ученіе о залогахъ, какъ выводъ изъ изученія отдѣльныхъ фактовъ вышеуказанными методами.

Это ученіе должно удовлетворять и всякому новому запросу, который можетъ встрѣтиться въ практикѣ: тогда только оно полно и вѣрно.

Положимъ, намъ встрѣтилась фраза: „онъ обѣщается принести подарокъ“. Спрашивается, къ какому залогу слѣдуетъ отнести глаголъ „обѣщается“. Къ какому виду изъ перечисленныхъ выше, въ ученіи Фортунатова, относится этотъ глаголъ по своей формѣ и по своему значенію? Имѣя въ виду вышеприведенную таблицу, въ которой мы для наглядности представили ученіе о залогахъ Фортунатова, мы разсуждаемъ такъ: глаголъ „обѣщается“ съ частицею *-ся*, слѣдовательно, онъ имѣетъ *возвратную форму*; въ немъ частица *-ся* присоединена къ глаголу переходному „обѣщать“, слѣдовательно, эта частица можетъ вносить или одно изъ пяти значеній въ значеніе глагола „обѣщать“, или не вносить никакого новаго значенія въ этотъ глаголъ. Сравнивая словосочетанія: „онъ обѣщается принести подарокъ“ и „онъ обѣщаетъ принести подарокъ“ между собою по смыслу, мы видимъ, что оба глагола въ обоихъ словосочетаніяхъ имѣютъ одно и то же значеніе: „обѣщается“ и „обѣщаетъ“ означаютъ одно и то же: „даю обѣщаніе“. Слѣдовательно, частица *-ся* не вноситъ никакой разновидности въ значеніе глагола „обѣщать“. Значитъ, глаголъ „обѣщаться“, имѣя *возвратную форму*, принадлежитъ къ глаголамъ *общимъ*. (См. таблицу I б). Равнымъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что глаголъ „свѣти́ться“—принадлежитъ къ II б, но, имѣя возвратную форму, онъ принадлежитъ къ глаголамъ, въ которые частица *-ся* не вноситъ различія по значенію: именно, „онъ свѣтится“=„онъ свѣтитъ“ и проч. Значитъ, глаголъ „свѣти́ть“, будучи непереходнымъ, не измѣняетъ своего значенія отъ соединенія съ частицею *-ся*, т. е. при возвратной формѣ; слѣдовательно, онъ—тоже глаголъ *общій*.

Возьмемъ еще примѣръ: „онъ плачется на свою судьбу“: глаголъ „плакать“—средній, а частица „*ся*“ придаетъ ему общее значеніе, дѣлаетъ его общимъ въ возвратной формѣ. Въ примѣрѣ: „и вѣрится, и плачется, и такъ легко, легко“, равно какъ и въ примѣрѣ „мнѣ ѣстся,

ться“ глаголы средніе (вѣрить, плакать) и переходные (ѣсть, пить), соединяясь съ частицею *-ся*, пріобрѣтаютъ значеніе безличности по аналогіи съ такими, какъ „мнѣ спится“. Въ примѣрѣ: „онъ жалуется на свою судьбу“ мы имѣемъ глаголъ „жаловать“ переходный, а частица *-ся* дѣлаетъ его непереходнымъ, какъ всегда, и вноситъ значеніе измѣненія признака въ самомъ субъектѣ. (См. табл. I а 4). Равнымъ образомъ находимъ, что глаголы: „раскаиваться“, „отчаиваться“ принадлежатъ къ среднимъ съ общимъ значеніемъ въ возвратной формѣ. (См. табл. III).

До обнародованія этого ученія Фортунатова опредѣленіе залога въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ представляло, дѣйствительно, немало затрудненій: ученіе о залогахъ нашихъ учебниковъ, идущее отъ старины и остающееся и до сихъ поръ безъ всякаго научнаго упорядоченія, только сбивало и сбиваетъ учителей и учениковъ, т. к. по этому ученію выходитъ, что почти всякій глаголъ можетъ быть причисленъ къ нѣсколькимъ залогамъ; вѣрнѣе, онъ занимаетъ какое-то срединное мѣсто между разными залогами нашихъ школьныхъ учебниковъ. Наука обратила на это вниманіе, и крупная заслуга Фортунатова заключается, именно, въ томъ, что онъ призналъ, что въ русскомъ языкѣ, строго говоря, нѣтъ залоговыхъ отличій въ глаголахъ, причемъ таковыми отличіями должны бы были быть, съ точки зрѣнія науки, *объективныя формальныя отличія*, а не субъективныя отличія по значеніямъ, которыя въ значительной степени зависятъ не отъ формъ, а практики употребленія: такъ, напр., глаголы: „отчаяться“, „раскаяться“, „напиться“ всѣ имѣютъ возвратную форму, на что̀ указываетъ частица *-ся*, а между тѣмъ формы: „отчаянный“, „(не)раскаянный“, „покаянный“ явно указываютъ своимъ формантомъ (-ян-н-) на форму страдательнаго залога, т. е. предполагаютъ переходность значенія этихъ глаголовъ, слѣдовательно, форму такъ называемаго *дѣйствительнаго залога*, которой однако въ современномъ русскомъ языкѣ отъ этихъ глаголовъ не имѣется. Такихъ примѣровъ можно привести множество. Куда отнести подобные глаголы?! Разъясняетъ это дѣло только *историческое изученіе русскаго языка*: *формальныя залоговыя отличія* къ эпохѣ современнаго русскаго языка въ большинствѣ случаевъ *утрачены*: мы имѣемъ теперь въ русскомъ языкѣ только *нѣкоторые остатки залоговыхъ формъ*: именно, *формы дѣйствительнаго залога* (онъ же *по формамъ* и *средній)* и *только три формы причастій страдательнаго залога*: *наст. вр.* на *-мый* и *прош. вр.* на *-тый* и *-нный* (см. мой Учебникъ этимологіи р. яз.—во всѣхъ изданіяхъ, начиная съ *перваго*, 1900-го года). Такимъ образомъ, залоговъ въ русскомъ глаголѣ нынѣ нѣтъ, какъ особыхъ формъ глагола, а потому и дѣленіе по залогамъ и опредѣленіе ихъ въ современномъ русскомъ языкѣ представляется невозможнымъ. Въ виду этого, научная классификація глаголовъ у Фортунатова совершенно обходитъ вопросъ о залогахъ: въ ученіи Фортунатова мы имѣемъ двѣ формы глаголовъ: *возвратную* и *невозвратную*, а вся масса русскихъ глаголовъ на почвѣ разграни-

ченія этихъ двухъ формъ классифицируется *по отношенію глаголовъ къ объекту*, причемъ формальная частица *-ся* модифицируетъ значенія глаголовъ по оттѣнкамъ, придавая переходнымъ и непереходнымъ глаголамъ или значеніе частное, или значеніе общее. Слѣдовательно, установить связь между переходными и непереходными глаголами въ ихъ отношеніи къ формальной частицѣ *-ся* удалось Фортунатову.

Это есть новая постановка вопроса на основаніи привлеченія новыхъ данныхъ и на основаніи изученія свойствъ русскаго языка, тѣхъ свойствъ, которыя не принимались во вниманіе предшественниками Фортунатова. Оказалось, такимъ образомъ, что, *хотя залоговыя формы глаголовъ и не сохранились въ русскомъ языкѣ, но ихъ функціи приняли на себя иныя принадлежности и иныя особенности русскаго языка, которыя даютъ возможность выражать всѣ разновидности старыхъ формально-залоговыхъ значеній.*

Залогомъ глагола мы называемъ такое *глагольное образованіе помощью особыхъ формантовъ*, которое вноситъ различія въ значеніе глагола. Такихъ особыхъ формантовъ (кромѣ указанныхъ выше „*м*“, „*т*“ и „*н*“ страдательнаго залога) въ глаголѣ русскаго языка не сохранилось; слѣдовательно, и залоговъ въ русскомъ глаголѣ теперь нѣтъ, а потому говорить о залогахъ русскаго глагола было бы ненаучно: *роль залоговыхъ формантовъ стала играть частица* **-ся**, *по происхожденію винительный падежъ возвратнаго мѣстоименія. И потому образовались въ русскомъ языкѣ не залоги, утраченные языкомъ когда-то навсегда, а различныя значенія при одной общей формѣ для переходныхъ и непереходныхъ глаголовъ, къ которымъ могла присоединяться частица* **-ся**. Такъ надо учить и въ средней школѣ, которая до сихъ поръ силится вмѣстѣ съ учениками разгадать и указать залоги въ каждомъ отдѣльномъ глаголѣ современнаго русскаго языка. Такъ, напримѣръ, взаимнаго залога нѣтъ и никогда не было, а взаимно-переходное значеніе есть („сражаться съ кѣмъ“, „драться съ кѣмъ“, „бороться съ кѣмъ“ и под.); наши же учебники по традиціи указываютъ и „взаимный залогъ“. Точно такъ-же общаго залога нѣтъ и не было, между тѣмъ какъ общее значеніе глагола есть, а наши учебники, не смотря ни на что, продолжаютъ указывать и „общій залогъ“ и т. д. Впрочемъ, надо сказать, что въ этомъ отношеніи, какъ и въ отношеніи склоненій именъ существительныхъ, и въ отношеніи формъ времени русскаго глагола, наши учебники учатъ различно и далеко несогласны сами съ собой, а это еще хуже для школы, чѣмъ однообразное, хотя и отжившее уже ученіе учебниковъ: въ однихъ совсѣмъ нѣтъ общаго и взаимнаго залоговъ, въ другихъ они помѣщены гдѣ-то въ примѣчаніи, въ третьихъ (Кирпичниковъ, Говоровъ и др.) имѣются всѣ шесть „залоговъ“. Нынѣ, въ программѣ по грамматикѣ русскаго языка и въ Объяснительной Запискѣ къ курсу грамматики, напечатанныхъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія подъ заглавіемъ: „Матеріалы по реформѣ средней школы“ (1915 г. Ноябрь) и выработанныхъ на оффиціальномъ съѣздѣ при участіи спеціалистовъ, предложено излагать въ средней

школѣ *только три залога*: *дѣйствительный залогъ* съ прямымъ дополненіемъ, *страдательный залогъ*, который представляетъ собой видоизмѣненіе дѣйствительнаго залога относительно дополненія, *и средній залогъ*. Два первые означаютъ *дѣйствіе*, а третій—*состояніе*. Дѣйствительный залогъ предлагается подраздѣлять на два отдѣла: а) съ прямымъ дополненіемъ; такіе глаголы могутъ обращаться въ страдательный залогъ. И б) не имѣющіе прямого дополненія. Это ученіе какъ будто подкупаетъ своей простотой, но при немъ остаются совершенно никуда не включенными такіе глаголы, какъ „кататься", „двигаться", „ѣхать", „бѣжать" и друг.; два первые изъ нихъ означаютъ дѣйствіе, но они, несомнѣнно, не могутъ быть дѣйствительнаго залога, т. к. они одновременно представляли бы собой два залога: и дѣйствительный—*по значенію*, хотя не дополняемый винительнымъ падежомъ прямого дополненія, и страдательный—*въ случаѣ дополненія въ творительномъ падежѣ*, указывающаго на то, что это дополненіе произошло изъ прямого: „бѣлье катается валькомъ", „паровозъ двигается паромъ". Кромѣ того, эти же два глагола перестаютъ быть дѣйствительными и страдательными, если они означаютъ *движеніе произвольное*: напр., „я катаюсь въ коляскѣ", „онъ понемногу двигается на своихъ ногахъ". Въ этомъ послѣднемъ случаѣ эти оба глагола становятся уже *средними по залогу, хотя вовсе не означаютъ состоянія, а продолжаютъ означать дѣйствіе*. Точно такъ же глаголы „ѣхать", „гулять" означаютъ дѣйствіе, но, несомнѣнно, они не могутъ быть причислены къ тому же классу глаголовъ, къ которому слѣдуетъ отнести глаголъ „служить" („онъ служитъ поваромъ"); т. е. ко второй разновидности дѣйствительныхъ глаголовъ, не дополняемой вин. падежомъ прямого дополненія. Кромѣ того, въ предложенномъ на Петроградскомъ съѣздѣ ученіи о залогахъ не приняты вовсе во вниманіе глаголы на *-ся*, которые, въ большинствѣ случаевъ, невозможно будетъ подвести подъ это ученіе. *Отсюда ясно, что признавать залоги русскаго глагола, выходя изъ основного значенія глагола, методологически - неправильно: не значеніе руководитъ формою, а, наоборотъ, форма руководитъ значеніемъ.* (Срв. выше объ отношеніи формы и значенія). Сравните глаголы: „сидѣть" и „терпѣть"—по формѣ и по значенію: формы одинаковыя, а значенія совершенно различныя, *но значенія не основныя* (основныя значенія въ этихъ глаголахъ тоже одинаковыя: оба они означаютъ *состояніе*), *а значенія формальныя, т. е. значенія, пріобрѣтаемыя этими глаголами въ словосочетаніяхъ*: „я сижу" и „я терплю зубную боль". Опять очевидно, что *залоговыхъ формъ нѣтъ теперь въ русскомъ языкѣ, но есть формальныя значенія глаголовъ, получаемыя ими отъ соединенія съ формальной частицей* **-ся** *и пріобрѣтаемыя ими въ формахъ словосочетанія*: напр., „чесать" и „чесаться", „я проживу на свѣтѣ недолго" и „я проживу всю сумму своихъ денегъ".

Такимъ образомъ, изъ *анализа* ученія Фортунатова и изъ *сравненія* этого ученія съ другими ученіями нашихъ школьныхъ учебниковъ (ученіе, напечатанное въ Ж. М. Н. Пр. 1915 г. № 11, страдаетъ

недостаткомъ, общимъ всѣмъ школьнымъ учебникамъ: *оно выходитъ при классификаціи глаголовъ по залогамъ изъ основного значенія глагола и задается предвзятой мыслью о томъ, что залоги въ современномъ русскомъ языкѣ существуютъ; оно забываетъ научное опредѣленіе залога, какъ особаго глагольнаго образованія помощью особаго производственнаго суффикса, или форманта), мы заключаемъ, что единственно состоятельное въ научномъ отношеніи ученіе о залогахъ современнаго глагола въ русскомъ языкѣ принадлежитъ Ф. Ѳ. Фортунатову, т. к. оно выходитъ изъ изученія фактовъ языка въ немъ самомъ, т. е. изъ изученія современнаго русскаго языка въ его фактахъ.*

VII. О формахъ временъ глаголовъ и о спряженіяхъ.

Такъ же, какъ нѣтъ у насъ въ современномъ русскомъ языкѣ, вслѣдствіе утраты, особыхъ формъ залога, т. е. нѣтъ у насъ залоговъ, такъ нѣтъ у насъ особыхъ формъ и для всѣхъ трехъ временъ глагола, слѣдовательно, нѣтъ у насъ въ современномъ языкѣ и трехъ временъ: есть только два времени, т. к. для двухъ временъ (настоящаго и прошедшаго) есть свои формальныя принадлежности, свои форманты. Не слѣдуетъ бояться въ школѣ этого ученія, изъ-за того, что оно идетъ въ разрѣзъ съ рутиной и традиціей: оно правдиво и соотвѣтствуетъ фактамъ современнаго русскаго языка! Всякому ученику, даже малолѣтнему, понятно, что въ словосочетаніи: „я черезъ годъ *женю* своего сына“ форма „женю“ означаетъ будущее время, а въ словосочетаніи: „чѣмъ Вы заняты“?—„Я *женю* своего сына“ эта же форма „женю“ означаетъ настоящее время. Слѣдовательно, форма настоящаго времени можетъ имѣть два значенія: и настоящаго и будущаго времени, значитъ, *форма одна, именно, форма настоящаго времени*, которую можно провѣрить сравненіемъ по личнымъ окончаніямъ со всѣми формами настоящаго времени прочихъ глаголовъ:

жен-ю	сиж-у	и-д-у	при-(и)-д-у	воз-ьм-у
жен-и-шь	сид-и-шь	и-д-е-шь	при-(и)-д-е-шь	воз-ьм-е-шь
жен-и-тъ	сид-и-тъ	и-д-е-тъ	при-(и)-д-е-тъ	воз-ьм-е-тъ
жен-и-мъ	сид-и-мъ	и-д-е-мъ	при-(и)-д-е-мъ	воз-ьм-е-мъ
жен-и-те	сид-и-те	и-д-е-те	при-(и)-д-е-те	воз-ьм-е-те
жен-ятъ	сид-ятъ	и-д-утъ	при-(и)-д-утъ	воз-ьм-утъ

и проч., и проч.

Такимъ образомъ, въ русскомъ языкѣ есть особая форма только *настоящаго* времени, что̀ видно изъ личныхъ окончаній.

О формѣ прошедшаго времени, т. е. собственно о формѣ причастія на *-лъ*, я говорилъ подробно выше.

Только немногіе глаголы сохранили до нашего времени старинныя *особыя основы* для будущаго времени, и эти основы *служатъ* въ нихъ *формальною принадлежностью, указывающею*, что *когда-то была особая формальная категорія будущаго времени* русскаго глагола *сохранившаяся въ остаткахъ, хотя личныя окончанія и при этихъ*

основахъ заимствованы изъ формъ настоящаго времени. Эти формы „*лягу*“ и „*сяду*“ (стрсл. и др.-рус. до X-го вѣка: лѫгѫ и сѣдѫ). Форма „*дамъ*“ тоже имѣетъ значеніе будущаго времени, хотя это настоящее время, но отъ глаголовъ архаическаго спряженія на *-мь.*

Такимъ образомъ, *особыхъ формъ для будущаго времени* въ русскомъ глаголѣ *не сохранилось.* (Срв. остатки трехъ формъ причастія страдат. залога выше и прочіе остатки формъ спряженія и склоненія—выше). Поэтому пора въ школьномъ языкознаніи оставить ученіе о *трехъ* временахъ глагола, т. к. это ученіе не соотвѣтствуетъ фактамъ русскаго языка и дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, не учатъ же въ средней школѣ, не смотря на ея рутинные учебники по русскому языку и на ея общую отсталость отъ науки въ этой области, тому, что имена прилагательныя качественныя имѣютъ два склоненія: въ полной формѣ и въ краткой, а говорятъ, что краткая форма именъ прилагательныхъ качественныхъ утратила свое склоненіе, сохранивъ лишь его остатки въ народномъ языкѣ и въ роли именного сказуемаго. („Сѣлъ на добра коня“, „подъѣхалъ ко бѣлу шатру“; „отецъ добръ“, „мать добра“ и проч.).

Такъ надо учить и о временахъ глагола, не смѣшивая формъ языка съ значеніемъ словъ въ языкѣ. Этотъ принципъ согласія съ фактами языка въ ихъ формальныхъ обнаруженіяхъ надо строго и послѣдовательно проводить чрезъ весь курсъ языка во всѣхъ его отдѣлахъ. Черезъ это послѣдовательное проведеніе научнаго принципа достигается, во-первыхъ, повышеніе научности курса русскаго языка во всей школѣ, во-вторыхъ, развивается ясность и отчетливость представленій о явленіяхъ языка, въ-третьихъ, распространяется уваженіе къ наукѣ вообще и къ наукѣ объ отечественномъ языкѣ въ частности, въ-четвертыхъ, мало-по-малу прекратятся общественные превратные толки, слухи и суевѣрія относительно того, что „въ русскомъ языкѣ нѣтъ ничего достовѣрнаго и опредѣленнаго“, и что „русскому языку можетъ учить въ средней школѣ всякій“, даже и безъ научной подготовки, познакомившись только со школьными учебниками. Я знаю факты назначенія начальствомъ на мѣста учителей и учительницъ русскаго языка въ среднюю школу лицъ безъ спеціальнаго лингвистическаго образованія (историковъ и историчекъ по образованію), лицъ, которыя, за неимѣніемъ научнаго представленія о явленіяхъ языка, продолжаютъ „темное дѣло“ въ духѣ рутинныхъ школьныхъ учебниковъ по русскому языку. Такими назначеніями мы, конечно, не поднимемъ уровня средней школы и не положимъ начала истинному просвѣщенію, которое не можетъ уживаться вмѣстѣ съ общественными суевѣріями и обскурантизмомъ....

Есть еще одинъ вопросъ въ учебной теоріи глагола, вопросъ, который требуетъ методологическаго разъясненія. *Это вопросъ о признакахъ 1-го и 2-го спряженій.* Сколько могу припомнить, этотъ вопросъ изложенъ научно только въ *двухъ* учебникахъ: въ моей Этимологіи (начиная съ 1-го изданія 1900 года) и въ Этимологіи *Смирнов-*

скаго, появившейся уже послѣ выхода въ свѣтъ повторныхъ изданій моего учебника. И то у Смирновскаго изложено это ученіе *мелкимъ шрифтомъ*, такъ что въ школахъ проходится далеко не каждымъ учителемъ. По личнымъ наблюденіямъ, я знаю, что *рѣдкіе ученики и ученицы*, даже по окончаніи среднихъ учебныхъ заведеній, знаютъ хорошо признаки 1-го и признаки 2-го спряженія: обыкновенно—полная путаница въ этомъ отношеніи, чему неопровержимымъ доказательствомъ служатъ и письменныя работы по русскому языку, исполненныя учениками гимназій и реальныхъ училищъ на окончательныхъ, выпускныхъ экзаменахъ. (См. мои Отчеты по Округу за 1912-й и за 1913-й годы). Обычныя ошибки: „они борятся за свои права", „вдали колятъ дрова" и под. Здѣсь какъ будто я ссылаюсь на орѳографію, но, какъ извѣстно, я различаю *научную сторону въ нашей орѳографіи и сторону, составляющую результатъ бвзсознательнаго обычая, недоразумѣнія и недостаточно обоснованнаго начальственнаго циркулярнаго распоряженія. Научную сторону нашей орѳографіи надо преподать* въ средней школѣ со всей полнотой и тщательностью *и требовать ея усвоенія* и примѣненія на практикѣ. Къ этой сторонѣ дѣла относится и классификація глаголовъ по двумъ спряженіямъ. Она основана на научномъ отдѣлѣ *словообразованія*, а этотъ отдѣлъ, въ виду его важности для языка, долженъ быть и изложенъ въ учебникахъ отчетливо и обстоятельно, и пройденъ съ учениками основательно. Въ этомъ отношеніи поучительно привести выдержку изъ Объяснительной Записки къ курсу грамматики русскаго языка въ тѣхъ же „Матеріалахъ" (Журн. Мин. Нар. Просв. 1915. Ноябрь). Здѣсь находимъ: „*Особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на выясненіе морфологическаго состава словъ, или на словообразованіе, т. к. выясненіе состава словъ и происхожденія ихъ отъ извѣстныхъ корней не только развиваетъ анализирующія способности ума, но и способствуетъ лучшему осмысленію самаго значенія словъ*". Къ сожалѣнію, этого отдѣла нѣтъ въ надлежащей полнотѣ и серьезности изложенія *ни въ одномъ* изъ принятыхъ оффиціально нашихъ школьныхъ учебниковъ! Очевидно, никто изъ учителей-составителей нашихъ учебниковъ этимологіи русскаго языка не понимаетъ важности отдѣла словообразованія! Вотъ теперь и посмотримъ, какъ научное словообразованіе разъясняетъ и упрощаетъ естественную классификацію русскихъ глаголовъ на два спряженія. Выше мы видѣли, что въ формахъ настоящаго времени *личныя окончанія всѣ одинаковы*: у ('у), шь, тъ; мъ, те, утъ ('утъ). Только окончаніе 3-го лица множ. числа имѣетъ особенность въ одномъ спряженіи: именно, -атъ ('атъ). Вотъ эту-то особенность окончанія 3-го лица множ. числа учебники и связали съ тѣмъ, что глаголы съ этимъ личнымъ окончаніемъ въ 3-мъ лицѣ множ. числа имѣютъ въ прочихъ лицахъ, *будто-бы*, окончанія: *ишь, итъ, имъ, ите*; а глаголы, имѣющіе въ 3-мъ лицѣ множ. числа личное окончаніе -утъ ('утъ), въ прочихъ лицахъ имѣютъ, будто-бы, личныя окончанія: *ешь, етъ, емъ, ете* при 1-мъ лицѣ ед. ч. въ обоихъ спряженіяхъ на -у (*ю*). Далѣе, спряженія, будто бы, узнаются по окон-

чаніямъ 3-го лица множ. числа: если окончаніе этого лица и числа *-утъ (-ютъ)*, то глаголъ 1-го спряженія, а если окончаніе этого лица и числа *-атъ (-ятъ)*, то глаголъ 2-го спряженія. Вотъ таково ученіе нашихъ школьныхъ грамматикъ!

На самомъ же дѣлѣ это совсѣмъ не такъ: 1) личныя окончанія вовсе не *-ешь* и т. д. и не *-ишь* и т. д., а только *-шь, -тъ, -мъ, -те* для вторыхъ и третьихъ лицъ ед. числа и для первыхъ и вторыхъ лицъ множ. числа, и *-у ('у)* для 1-го лица ед. числа и *-утъ ('утъ), -атъ ('атъ)*—для 3-го лица множ. числа. Слѣдовательно, личныя окончанія въ обоихъ спряженіяхъ одинаковы во всѣхъ лицахъ и числахъ настоящаго времени, кромѣ 3-го лица множ. числа. 2) Гласные *е* и *и* передъ *-шь* и проч. вовсе не принадлежатъ къ составу личныхъ окончаній: они составляютъ конечный гласный основы настоящаго времени въ соотвѣтствующихъ лицахъ, т. е. во вторыхъ и въ третьихъ лицахъ ед. числа 1-го спряженія и 2-го спряженія и въ первыхъ и вторыхъ лицахъ множ. числа тоже обоихъ спряженій. Такимъ образомъ, основы наст. времени 1-го спряженія оканчиваются на *-е*, а 2-го спряженія—на *-и*: напр., несе-, везе-, иде-, возьме-, и: жени-, сиди-, люби-, ходи-, терпи- и проч. Эти конечные гласные основы настоящаго времени (*е* и *и*) подвергаются фонетическимъ измѣненіямъ (см. фонетику) въ 1-мъ лицѣ ед. числа и въ 3-мъ лицѣ множ. числа. Наконецъ, 3) въ глаголахъ надо строго различать основу наст. времени, основу инфинитива и основу глагольную вообще; напр., *терпи-* основа наст. времени, *терпѣ-* основа инфинитива и *терп-* основа глагольная и под. Или: *пише-*, *писа-* и *пис-* и т. д.

Далѣе, способъ образованія формы инфинитива также вліяетъ, вмѣстѣ съ перечисленными выше условіями образованія формы наст. времени, на процессъ спряженія: 1-го и 2-го.

Такимъ образомъ, вовсе не по 3-му лицу множ. числа настоящаго времени узнается спряженіе, а *по всей совокупности* выше указанныхъ условій. Кромѣ указанныхъ условій, *надо знать* еще слѣдующее и преподавать въ школѣ: надо знать, что форма инфинитива образуется изъ глагольной основы или непосредственнымъ присоединеніемъ къ этой основѣ окончанія *-ть* или *-ти* (никакого третьяго окончанія нѣтъ!), или посредствомъ суффиксовъ: *ну, ѣ, и, а, ова, ева, ыва, ива*, которые стоятъ между глагольной основой и окончаніемъ инфинитива— *-ть* или *-ти*. Такъ, *зна-ть, пи-ть, дви-ну-ть, красн-ѣ-ть, терп-ѣ-ть, суд-и-ть, дыш-а-т-ь, слыш-а-ть, слуш-а-ть, пах-а-ть, кус-а-ть, образ-ова-ть, гор-ѣва-ть, сказ-ыва-ть, ста-ива-ть* и т. п.

Основы наст. времени на *-е* принадлежатъ къ 1-му спряженію, а основы наст. времени на *-и* принадлежатъ ко 2-му спряженію. Вотъ эти научныя данныя нужно знать. Но дѣло въ томъ, что, считаясь съ историческими измѣненіями въ русскомъ языкѣ, надо постоянно оглядываться на двѣ основы заразъ: на основу наст. времени и на основу инфинитива. Кромѣ того, надо каждый разъ учителю и учебнику указывать, сохранился ли древній видъ этихъ основъ, или съ теченіемъ

времени онъ измѣнился подъ вліяніемъ фонетическихъ причинъ или причинъ аналогіи. Вотъ мы и дадимъ теперь обозрѣніе зависимости спряженія отъ основъ инфинитива и отъ основъ настоящаго времени. Образовательный суффиксъ инфинитива назовемъ *глагольною примѣтою*. По основамъ инфинитива всѣ глаголы русскаго языка дѣлятся на *шесть* классовъ.

I. Глаголы безъ примѣты. Форма инфинитива образуется отъ глагольной основы черезъ *непосредственное* присоединеніе къ ней окончанія *-ть* или *-ти*. Окончаніе *-ти* въ русскомъ литературномъ языкѣ сохранилось лишь подъ удареніемъ. Въ народномъ языкѣ и безъ ударенія.

Напр., зна-ть, ста-ть, би-ть, пи-ть, жи-ть, (об) у-ть, поро-ть, коло-ть, боро-ть(ся), (у)мере-ть, пере-ть, тере-ть, пѣ-ть, стерег-ть (г+т=ч), берег-ть (гт=ч); нес-ти́, вез-ти́, и(д)-ти́, плет-ти́ (тт=ст), бред-ти́ (дт=ст), ѣ́д-ть (дт=ст), мог-ть (гт=ч), пек-ть (кт=ч) и проч. под. Такимъ образомъ, 1-й классъ глаголовъ имѣетъ *глагольную основу*, оканчивающуюся или на гласный, или на согласный звукъ.

Примѣчаніе: Глаголъ *ста-ть* сохранился въ морфологически-правильномъ спряженіи только съ префиксами: до-ста-ть; до-ста-ю́, до-ста-ё́-шь и проч., в-ста-ть; в-ста-ю́, в-ста-ё́-шь и проч. Наша форма ста-н-у... отъ гл. ста-ть съ инфиксомъ (=вставкою) звука *н* служитъ для означенія будущаго времени. См. ниже V классъ: гл. сов-а-ть; су-ю́; су́-н-у и др.). Въ глаголахъ типа *бить*, гдѣ звукъ *и* чередуется въ формахъ наст. времени съ отсутствіемъ звука (т. е. со старымъ *-ь*): б'ју́ (бью)... п'ју́ (пью).... мы имѣемъ дѣло съ особымъ звукомъ *и*, по природѣ своей восходящимъ къ гласному *ь* въ сильномъ положеніи передъ і̯ (j): срв. въ именахъ прилагательныхъ членныхъ: синь+и =синиі̯=синій—синій. Это *и* въ слогѣ ударяемомъ передъ і̯ становится само сильнымъ, какъ и его прототипъ *ь*: би́і̯, пи́і̯ (наши.: *бе́й, пе́й, убе́й*— изъ **бьі̯, *убьі̯, *пьі̯*, т. к. въ нихъ *ь* въ сильномъ положеніи: только *и* въ *бий* по аналогіи съ *и* въ *бить*, а *е* въ *бей*—по аналогіи съ формами отъ основы наст. времени, гдѣ *ь* въ *слабомъ* положеніи, но *е*—въ сильномъ: бью́—бе́й.... По фонетическимъ причинамъ въ такихъ глаголахъ, гдѣ $^{ь}/_{и}$ передъ і̯, смѣшались обѣ основы и дали начало аналогичнымъ образованіямъ). Въ слогѣ же неударяемомъ передъ і̯ остается слабымъ *ь*: си́ньі̯, откуда лишь по ассимиляціи со слѣдующимъ і̯ дало оно тоже *і*: такъ получилось си́ніі̯. Сравни однако „самъ-третѐй“, гдѣ *е́* передъ і̯ указываетъ намъ, что оно изъ *ь* въ сильномъ положеніи передъ і̯. Наконецъ, это же *и* (изъ *ь*) передъ і̯, хотя и въ слогѣ неударяемомъ, но *передъ ударяемымъ слогомъ* остается какъ і+і̯, между тѣмъ какъ *вообще въ неударяемомъ слогѣ* даетъ въ такомъ сочетаніи передъ і̯ не і+і̯, а і+j (согласный): сравни: добра+і̯его=добрааго, добраго; но: до́бра+і̯а =добра+ја=до́брая. Такъ и въ нашемъ случаѣ относительно и+і̯: ши́ју, но шиі̯у́, откуда шьју́—ш'ју́; би́ју, но: биі̯у́, откуда бьју́—б'ју́. (Т. е. взамѣнъ утраты звука *и* изъ *ь* въ *слабомъ* положеніи возстановляется сила утраченнаго слабаго $^{ь}/_{и}$ въ напряжен-

номъ согласномъ j). См. *Шахматовъ*: „Къ вопросу о различеніи j и i̯ въ слав. языкахъ". Р. Ф. В. 1903 г. № 3—4.—Глаголъ *жи-ть* долженъ былъ бы образовать наст. время такъ: жи-j-у, жи-j-е-шь и т. д.,—жи-j-утъ. Такъ мы и имѣемъ въ нѣкоторыхъ слав. языкахъ и русскихъ нарѣчіяхъ (верхне-лужиц., словацк., малорус. и др.); но здѣсь издавна, еще въ обще-индоевропейскомъ языкѣ чередовались корни *g$_{u̯}$i-u *g$_{u̯}$iv— (ži- и živ-), т. е. g$_{u̯}$iu̯o, съ формантомъ u̯o (=vo). И, вслѣдствіе образованій *по аналогіи*, получилось и *žiju̯ и živ$_{o}$. Т. е. какъ бы: жи-ти и *жив-ти. Глаголъ (об)-у-ть имѣетъ настоящее время (об)-у́-ю *со значеніемъ будущаго времени* (срв. гл. архаическій *„дамъ"*—выше). Хотя въ діалектахъ русскаго языка находимъ съ другимъ удареніемъ сохраненіе и значенія настоящаго времени: (об)-у-ю́, об-у-е́-шь и т. д. Срв. гл. сов-а-ть по суффиксу инфинитива—V-го класса съ примѣтою *-а*, но основа настоящаго времени: суе-, т. к. *ов* чередуется съ *у*: сов/су. Наст. время: су-ю́, су-е́-шь и т. д. Буд. время съ инфиксомъ *н* (какъ „ста-н-у". Срв. выше): су́-н-у, су́-н-е-шь и т. д. Но въ діалектахъ русскаго языка (въ Малороссіи и Новороссіи) „су́ну"—настоящее время: „куда ты су́нешь бѣлье?" означаетъ: „куда ты суе́шь бѣлье?" Также: „су́нешь" и проч. Глаголы съ полногласной глагольной основой: поро-ть, боро-ть, коло-ть, моло-ть, тере-ть, пере-ть, мере-ть и под. *не имѣютъ глагольной примѣты, т. е. принадлежатъ къ 1-му спряженію, какъ и весь I-й (безпримѣтный) классъ глаголовъ, т. е. имѣютъ основу наст. времени на* -е: поре-, боре-, коле-, меле-, тере-, [т(ь)ре-], пере-, [п(ь)ре] мере-, [м(ь)ре-], и проч. под. Это надо въ школѣ хорошо выяснить (см. у меня здѣсь—выше, про ошибки въ экзаменныхъ работахъ средней школы): легко запомнить глагольныя примѣты; среди нихъ не значится (см. выше) примѣта *-о-* и *-е-* потому, что *такой примѣты нѣтъ*. Слѣд., глаголы „пороть" или „мереть" и под. *безпримѣтные*, значитъ, они I-го класса и потому и 1-го спряженія: *„они колютъ, порютъ, мелютъ, трутъ, мрутъ, прутъ"*. Это же подтверждается и сравненіемъ такихъ глаголовъ съ соотвѣтствующими глаголами старославянскаго языка, въ которомъ, какъ извѣстно, нѣтъ полногласія: тамъ мы находимъ: вм. -оро-, -оло-, -ере-, -еле- *между согласными* слоги: -ра-, -ла-, -рѣ-, -лѣ-: прати, брати, клати, млѣти, трѣти, мрѣти, прѣти и проч. Слѣдовательно, въ стрсл. языкѣ ясно видны глагольныя основы такихъ глаголовъ, которые въ русскомъ языкѣ фонетически даютъ *полногласныя основы*: въ стрсл. мы имѣемъ: пра-, бра-, кла-, млѣ-, трѣ-, прѣ-... въ русскомъ имъ соотвѣтствуютъ: поро-, боро-, коло-, моло-, тере-, пере-...

О прочихъ глаголахъ I-го класса здѣсь говорить не приходится, т. к. измѣненія ихъ основъ (пѣ-ть и пој-у, гдѣ *ѣ* = оі̯, ој передъ гласнымъ, стерег-у и стеречь, гдѣ *ч* = г + т и проч.) предусмотрѣно фонетикой языка, а фонетику надо пройти отчетливо въ школѣ, въ виду ея важности *для словообразованія*. Слѣдуетъ особенно напомнить, что нельзя учить въ школѣ, что окончаній инфинитива *три*: *-ть, -ти* и *-чь*, т. к. *-чь вовсе не окончаніе*: здѣсь звукъ *ч* фонетически изъ

г + *т* или изъ *к* + *т*, или изъ *х* + *т*, гдѣ *г*, *к*, *х* принадлежатъ основѣ [мог-ть, стерег-ть, пек-ть; основъ на *-х* въ современномъ русскомъ языкѣ не сохранилось: въ др.-р. яз. и въ стрсл. языкѣ онѣ были, напримѣръ: вρьχ҃т, *vrьchti, вρьштн; рус.: вьрхоу, *vьгči, *vьгčь; вьрьхоу. Срв. основу *верех-*, откуда, вѣроятно, и фамилія *Вересаевъ* (со *вторымъ* полногласіемъ и звукомъ *с* изъ *х*. См. фонетику у меня въ „Лекціяхъ по исторіи р. языка", 2 изд., въ учебникѣ Этимологіи и здѣсь выше). Срв. діалектическое русское (Казанское): печчи́, стереччи́, береччи́ и проч., въ другихъ говорахъ: берекчи́ и проч.]. Такимъ образомъ, *никакого окончанія -чь въ инфинитивѣ русскихъ глаголовъ нѣтъ*: окончаній только *два*: *-ть* и *-ти*, а *-чь состоитъ изъ задненебнаго согласнаго, принадлежащаго основѣ*, и *-ть—окончанія инфинитива*. Слѣд., и здѣсь мы имѣемъ *окончаніе -ть* или діалектически *-ти*. Про глаголъ *ѣмъ* надо сказать, что онъ образовался изъ *ѣд-мь* (какъ: *дамъ* изъ *дад-мь*: срв. 3-е лицо мн. ч. *дад-утъ*), но это уже дано должно быть въ фонетикѣ. Глаголы на *-мь* (нынѣ *-мъ*) въ настоящемъ (значеніе будущаго) времени называются *архаическими*, т. к. въ нихъ личныя окончанія настоящаго времени сохранили звуки основъ личныхъ мѣстоименій (см. выше); эти окончанія слѣдующія: 1 л. ед. ч. -мь (мъ), 2 л. -си, 3 л. -ть (тъ); 1 л. мн. ч. -мы (мъ), 2 л. -те, 3 л. -уть (утъ), -ять (ятъ). Напримѣръ:

1 ед. ес-мь, да-мь (нынѣ: да-мъ), вѣ(д)-мь
2 ед. е(с)-си, да-си (нынѣ: да-шь), вѣ-си
3 ед. е(с)-ть, дас-ть (нынѣ: дас-тъ), вѣс-ть
1 мн. е(с)-мы, да-мъ (нынѣ: дад-и-мъ), вѣ-мъ
2 мн. е(с)-те, дас-те (нынѣ: дад-и-те), вѣс-те
3 мн. (е)с-уть, дад-ѧть (нынѣ: дад-утъ), вѣд-ѧть

Основы: ес-, дад-, вѣд-. Согласные основъ: *с* и *д* въ положеніи передъ согласными личныхъ окончаній послѣ ассимиляціи съ послѣдними выпадаютъ, т. е. сокращаются: да-си изъ *дад-си черезъ дас-си; вѣ-си изъ *вѣд--си черезъ вѣс-си.

Форма *есуть давно исчезла: она возстановлена и употреблялась однимъ писателемъ XVII в. Юріемъ Крижаничемъ.

Звукъ *д* въ основахъ *дад-* и *вѣд-* передъ согласнымъ *т* личныхъ окончаній въ 3 л. ед. ч. и во 2 л. мн. ч. фонетически перешелъ въ *с*; передъ согласными *м* и *с* по ассимиляціи съ послѣдними утратился (сократился) въ 1 л. ед. ч. и во 2 л. ед. числа; передъ гласными въ 3 л. мн. ч. остался не измѣненнымъ, на своемъ мѣстѣ, въ концѣ основъ: дад- и вѣд-. Такъ же звукъ *с* въ основѣ *(е)с-* тоже въ 3 л. мн. числа: *с-уть*.

Нынѣшнее спряженіе *да-мъ, да-шь* и т. д. пріобрѣло значеніе будущаго времени и сохранило старыя формы лишь въ 1 л. ед. ч. (съ отвердѣніемъ конечнаго *-м*) и въ 3 л. ед. ч. (старое *-ть* личныхъ окончаній вообще сохранилось лишь въ діалектахъ русскаго языка; въ литературномъ произношеніи это *т'* отвердѣло, какъ и вообще въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ). Форма *дашь*—по аналогіи съ про-

чими глаголами, т. е. *не архаическими*, которые, какъ мы знаемъ образуютъ *основу, или тему*, настоящаго времени присоединеніемъ къ глагольной основѣ передъ личными окончаніями звука *-е* для 1-го спряженія и звука *-и* для 2-го спряженія. *Какъ видимъ, архаическіе глаголы присоединяютъ личныя окончанія въ наст. времени непосредственно къ глагольной основѣ, т. е. безъ тематической гласной* е *или* и. *Поэтому архаическіе глаголы называются* (по способу образованія основы настоящаго времени) *нетематическими, въ отличіе отъ прочихъ, т. е. образующихъ свои основы настоящаго времени посредствомъ присоединенія къ глагольнымъ основамъ гласнаго* е *или гласнаго* и, *называемыхъ тематическими.*

Формы: *дадимъ, дадите, дадутъ* образованы по аналогіи съ формами другихъ глаголовъ и спряженій: *сидимъ, сидите*; *горимъ, горите*— по основамъ на *-и*—2-го спряженія, а *дадутъ*—по аналогіи съ *ведутъ* и проч. глаголами съ основами на *-е*—1-го спряженія.

Формы глагола *вѣмь* не сохранились въ современномъ русскомъ языкѣ: 3-е лицо ед. числа *вѣсть*, какъ остатокъ старины, сохранился въ выраженіи: *„Богъ вѣсть“*.

Къ архаическимъ же глаголамъ принадлежитъ и гл. *ѣмъ* изъ *ѣд-мь*. О формахъ этого глагола: *ѣшь, ѣстъ, ѣдимъ, ѣдите* нужно сказать то же, что я говорилъ о формахъ: *дашь, дастъ, дадимъ, дадите*. Форма же 3 л. мн. ч. *ѣдятъ* сохранилась въ чистотѣ отъ старины: сравни формы: дадѧтъ и вѣдѧтъ—выше. О фонетическихъ измѣненіяхъ формы *ѣдмь* въ прочихъ лицахъ нужно сказать то же, что я говорилъ о фонетическихъ измѣненіяхъ формъ глагола *вѣдмь* (*вѣмь*)—выше.

Въ методологическомъ отношеніи важно еще замѣтить слѣдующее: *узнавать спряженіе по окончаніямъ 3-го лица множ. числа -утъ (ютъ)* и *-атъ (ятъ)*, какъ учатъ школьные учебники, *вообще нельзя*, т. к. эти окончанія безспорны на слухъ только при ударяемыхъ гласныхъ въ нихъ: *у́тъ (ю́тъ)*, *а́тъ (я́тъ)*, т. е. въ такихъ глаголахъ, какъ: *веду́тъ, жую́тъ, лежа́тъ, родя́тъ, сидя́тъ* и под. Но, вѣдь, большинство глаголовъ имѣетъ эти окончанія *неударяемыми*, и тогда *практически* это школьное ученіе падаетъ само собой. Слѣд., это школьное ученіе и *ненаучно*, и *непрактично.* Въ самомъ дѣлѣ, какъ ученику узнать по этому правилу, какого спряженія *ви́дятъ, хо́дятъ, ко́лютъ, по́лютъ, бо́рютъ* и проч.?? Вѣдь, ученикъ для этого долженъ ссылаться на письменное изображеніе этихъ словъ въ книгахъ, т. е. *на орѳографію*, а орѳографія этихъ-то глаголовъ и узнается по научному ихъ словообразованію! Что же получается? *Ученикъ для того, чтобы узнать спряженія такихъ глаголовъ* (съ неударяемыми личными окончаніями), *долженъ знать ихъ орѳографію, а для того, чтобы узнать ихъ орѳографію, долженъ знать ихъ спряженіе!* По истинѣ – circulus vitiosus, заколдованный кругъ!

Таково ученіе нашихъ школьныхъ учебниковъ о спряженіяхъ!

Теперь перехожу къ продолженію классификаціи глаголовъ по основамъ инфинитива и настоящаго времени.

II. Глаголы съ примѣтой **-ну.** Такъ какъ глагольной примѣтой (см. выше) называется суффиксъ глагола въ формѣ инфинитива, присоединяющій окончаніе инфинитива *-ть* или *-ти* къ глагольной основѣ, то основою инфинитива глаголовъ II-го класса будутъ основы: тону-, двину-, стукну-, трону-, пихну-, сохну-, дохну- и т. п., т. е. основы инфинитива мы получимъ, по общему правилу, въ томъ случаѣ, если отбросимъ окончаніе. (Въ данномъ случаѣ—окончаніе инфинитива *-ть* или *-ти*). Какъ глаголы I-го класса, безпримѣтные, такъ и глаголы II-го класса—съ примѣтою *-ну*—всѣ имѣютъ основы настоящаго времени на *-е*, т. е. *всѣ I-го спряженія:* тоне-, двине-, стукне-, троне-, пихне-, сохне-, дохне- и проч. Въ приведенныхъ примѣрахъ основъ наст. времени глаголовъ II-го класса мы имѣемъ только одну основу—*пихне-*, при которой будутъ личныя окончанія съ ударяемымъ гласнымъ, и форма 3-го лица множ. числа наст. времени (значеніе опять *будущаго* времени. Однако сравни по значеніямъ: *тону́, то́нутъ; со́хну, со́хнутъ*; *до́хну, до́хнутъ* и *дохну́, дохну́тъ*...) *пихну́тъ*, которая своимъ *ударяемымъ* окончаніемъ *-у́тъ* согласуется съ закономъ, выведеннымъ *научно* изъ анализа фактовъ и стоящимъ *внѣ зависимости* отъ ударяемости личныхъ окончаній, а самая ударяемость этихъ окончаній иллюстрируетъ и показываетъ на фактахъ языка достовѣрность добытаго наукою закона объ основахъ настоящаго времени глаголовъ. Это тоже *необходимо* каждый разъ указывать учащимся въ школѣ и отмѣчать въ учебникахъ для школы, именно, *всѣ случаи согласія теоретическихъ выводовъ науки съ живыми фактами языка*, т. к. такіе случаи *наглядно* показываютъ, *какъ добываются законы языка въ наукѣ, и какъ эти законы оправдываются, въ свою очередь, фактами живого языка. Вотъ на это-то, къ сожалѣнію, и не обращается вниманіе въ школѣ при изученіи отечественнаго языка; это-же обходятъ молчаніемъ и школьные учебники по русскому языку.* Между тѣмъ какъ научная методологія языкознанія раскрываетъ всѣ эти дефекты школьныхъ руководствъ по языку и школьныхъ учительскихъ курсовъ въ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

III. Глаголы съ примѣтою **-ѣ.** Глаголы этого класса имѣютъ суффиксъ (примѣту) инфинитива *-ѣ*. Въ этомъ классѣ надо различать *два* вида глаголовъ: 1) Одинъ видъ глаголовъ этого класса *имѣетъ основу настоящаго времени съ той особенностью, что тематическій гласный* -е (1-го спряженія) *присоединяется въ ней къ основѣ инфинитива:* основа инфинитива въ глаголахъ этого класса всегда оканчивается на *-ѣ* (не смѣшивать съ глаголами I-го класса *съ полногласной* основой инфинитива: пере-ть, тере-ть, мере-ть и проч. См. примѣчаніе къ глаголамъ I-го класса). Такимъ образомъ: умѣ-ть, синѣ-ть, краснѣ-ть, болѣ-ть, тупѣ-ть, робѣ-ть, совѣ-ть, сѣдѣ-ть, глазѣ-ть, сѣрѣ-ть, лысѣ-ть, млѣ-ть, остервенѣ-ть, богатѣ-ть и проч. под., въ которыхъ тематическій гласный *-е* присоединяется къ этимъ основамъ инфинитива для образованія личныхъ формъ настоящаго времени. *Всѣ такіе глаголы принадлежатъ къ 1-му спряженію.*

Основа инфинитива: умѣ-, совѣ-, лысѣ-, млѣ-.
Основа наст. времени: умѣе-, совѣе-, лысѣе-, млѣе-.

Напр., умѣ-ю	совѣ-ю	лысѣ-ю	млѣ-ю
умѣ-е-шь	совѣ-е-шь	лысѣ-е-шь	млѣ-е-шь
умѣ-е-тъ	совѣ-е-тъ	лысѣ-е-тъ	млѣ-е-тъ
умѣ-е-мъ	совѣ-е-мъ	лысѣ-е-мъ	млѣ-е-мъ
умѣ-е-те	совѣ-е-те	лысѣ-е-те	млѣ-е-те
умѣ-ютъ	совѣ-ютъ	лысѣ-ютъ	млѣ-ютъ.

2) Другой видъ глаголовъ этого класса *имѣетъ основу настоящаго времени на* **-и** (2-го спряженія), *причемъ въ ней тематическій гласный* **-и** *присоединяется къ глагольной основѣ для образованія личныхъ формъ настоящаго времени. Всѣ такіе глаголы этого вида и этого класса принадлежатъ ко 2-му спряженію.*

Напр., терпѣ-ть, велѣ-ть, сопѣ-ть, висѣ-ть, вертѣ-ть, смердѣ-ть и проч. под.

Основа инфинитива: терпѣ-, велѣ-, сопѣ-, висѣ-, вертѣ-, смердѣ-.
Основа наст. времени: терпи-, вели-, сопи-, виси-, верти-, смерди-.

Напр., терпл'-у	вел'-у	сопл'-у	виш-у	верч-у	смерж-у
терп-и-шь	вел-и-шь	соп-и-шь	вис-и-шь	верт-и-шь	смерд-и-шь
терп-и-тъ	вел-и-тъ	соп-и-тъ	вис-и-тъ	верт-и-тъ	смерд-и-тъ
терп-и-мъ	вел-и-мъ	соп-и-мъ	вис-и-мъ	верт-и-мъ	смерд-и-мъ
терп-и те	вел-и-те	соп-и-те	вис-и-те	верт-и-те	смерд-и-те
терп-ятъ	вел-ятъ	соп-ятъ	вис-ятъ	верт-ятъ	смерд-ятъ.

Такимъ образомъ, въ этихъ глаголахъ надо имѣть всегда въ виду:
Основу глагольную: терп-, вел-, соп-, вис-, верт-, смерд-...
Основу инфинитива: терпѣ-, велѣ-, сопѣ-, висѣ-, вертѣ-, смердѣ-...
Основу наст. времени: терпи-, вели-, сопи-, виси-, верти-, смерди-...

Кромѣ этого, надо обратить вниманіе *на согласный звукъ, оканчивающій собою глагольную основу*: конечные губные и зубные измѣняются при образованіи личной формы 1-го лица ед. числа такъ, что обнаруживаютъ этимъ измѣненіемъ присутствіе звука *j* между глагольной основой и личнымъ окончаніемъ 1-го лица ед. ч.: п+j+у даетъ пл'у; д, т, с+j+у даютъ: жу, чу, шу. (См. выше образцы и ниже—IV классъ глаголовъ).

Далѣе, надо имѣть въ виду, что глаголъ *рев-ѣ-ть* имѣетъ не *ревѣ-ю* (срв. *совѣ-ю*) и не *ревл'-у* (срв. *терпл'-у*), а: рев-у, рев-е-шь, рев-е-тъ; рев-е-мъ, рев-е-те, рев-утъ. Это потому, что онъ образовался изъ стараго ꙗюти = р'у-ти: р'у = рев- передъ гласнымъ. Вм. ꙗю-ю, ꙗю-ѥ-ши и т. д. образовалось *по аналогіи* съ основой *рев-*: *рев-у* и т. д. См. V-й классъ ниже. Срв. глаголы I кл. **жив-ти* выше, на стр. 129-й.

Примѣчаніе. Надо имѣть въ виду, что школьные учебники учатъ *неправильно,* говоря, что, если у глаголовъ съ примѣтою *ѣ* это *ѣ* не сохраняется въ формахъ настоящаго времени, то глаголъ—2-го спряженія, а если *ѣ* сохраняется здѣсь, то глаголъ 1-го спряженія: терпѣть—терплю—терпишь; но: краснѣть—краснѣю—краснѣешь и под. Выше мы видѣли, что *спряженіе зависитъ отъ способа обра-*

зованія личныхъ формъ настоящаго времени въ глаголахъ этого класса. Стало быть, въ этомъ классѣ сосредоточены *два* спряженія: и 1-е и 2-е.

Такимъ образомъ, весь I-й классъ глаголовъ заключаетъ въ себѣ глаголы *только 1-го спряженія.* Весь II-ой классъ глаголовъ—*тоже только глаголы 1-го спряженія.* Въ III-мъ классѣ—*глаголы и 1-го и 2-го спряженій.* Въ IV-мъ классѣ—*глаголы только 2-го спряженія.*

Въ этомъ III-мъ классѣ глаголовъ надо еще имѣть въ виду слѣдующее: можетъ случиться, что глагольная основа оканчивается не на согласный губной или зубной (см. выше), а на согласный задненебный (г, к, х или съ предшествующимъ имъ звукомъ зубнымъ *з* или *с*: такъ: зг, ск). Тогда для образованія основы инфинитива придется къ этимъ задненебнымъ согласнымъ присоединить звукъ *-ѣ*. Но звукъ *ѣ* фонетически *издавна* не могъ стоять *непосредственно* послѣ задненебныхъ согласныхъ *г, к, х*: онъ измѣнялъ предшествовавшіе ему задненебные согласные въ передне-небные альвеолярные (см. физіологію звуковъ): такъ: *г* въ *ж*, *к* въ *ч*, *х* въ *ш*, а самъ измѣнялся послѣ нихъ въ *а*, т. е. получалось: *жа, ча, ша*; а изъ *зг* въ такомъ положеніи получалось фонетически *зж* ⟹ *жж* + *а* (изъ *ѣ*). Или: изъ *ск* въ такомъ положеніи получалось фонетически *сч* ⟹ *шч*(*щ*) + *а* (изъ *ѣ*). Напр., дрож-а-ть (изъ *дрог-ѣ-ть), крич-а-ть (изъ *крик-ѣ-ть), дыш-а-ть (изъ *дых-ѣ-ть),

дрож-у	крич-у	дыш-у
дрож-и-шь и т. д.	крич-и-шь и т. д.	дыш-и-шь и т. д.

Или: визж-а-ть (изъ *визг-ѣ-ть), пищ-а-ть (изъ *писк-ѣ-ть),

произн.: *вижжать.*	произн.: *пищать.*
визж-у	пищ-у
визж-и-шь и т. д.	пищ-и-шь и т. д.

Легко замѣтить, что тѣмъ самымъ, что *ѣ* измѣняетъ предшествующіе ему задненебные согласные въ передненебные („шипящіе"), и что само *ѣ*, вслѣдствіе этого, измѣняется въ *-а, всѣ глаголы этого образованія имѣютъ примѣту* **-а**, *вмѣсто* **-ѣ**, а, стало быть, они всѣ тогда переходятъ изъ III-го класса въ V-й (см. ниже).

Такимъ образомъ, если глаголъ имѣетъ примѣту (суффиксъ инфинитива въ формѣ этого послѣдняго) *а* въ положеніи послѣ передненебнаго альвеолярнаго („шипящаго") согласнаго и при этомъ основу настоящаго времени на *-и*, т. е. 2-го спряженія, а само настоящее время образуется посредствомъ присоединенія этого тематическаго гласнаго *-и къ глагольной основѣ* (см. выше здѣсь подъ цыфрой *2* въ глаголахъ III класса), то *такой глаголъ будетъ 2-го спряженія.* Напр., глаголъ: *кричать.*

Основа глагольная: крич-	}	корень:	{ пищ-	}
Основа инфинитива: крича-		крик-	{ пища-	корень:
Основа наст. времени: кричи-	}		{ пищи-	} писк-.

и проч. под.

Во всѣхъ этихъ глаголахъ примѣта *а* образовалась изъ *ѣ* послѣ „шипящаго", и, слѣд., эти глаголы восходятъ къ III-му классу въ пер-

воначальномъ своемъ видѣ. На этомъ научномъ наблюденіи основано *школьное правило, вовсе ненаучное, т. к. неизвѣстно, откуда и какъ оно добыто*: именно, что если въ глаголѣ примѣта *а* стоитъ послѣ шипящаго звука, и въ формахъ настоящаго времени это *а* исчезаетъ (?!), то глаголъ принадлежитъ ко 2-му спряженію. (Срв. примѣчаніе къ глаголамъ III-го класса выше). На самомъ дѣлѣ, здѣсь ни *а*, ни *ѣ*—примѣты—не исчезаютъ, а просто это—разныя образованія, отъ различныхъ основъ. (См. выше: глаголы III-го класса видъ 1-й и видъ 2-й).

IV. Глаголы съ примѣтою **-и**. Окончаніе инфинитива *-ть* или *-ти* присоединяется къ глагольной основѣ посредствомъ суффикса (примѣты) *-и*. Основа настоящаго времени оканчивается на *-и*. Напр., глаголъ „*люб-и-ть*“; основа инфинитива *люби-*, основа настоящаго времени—тоже *люби-*. *Глаголы этого (IV-го) класса—всѣ 2-го спряженія*, напр., любл'-у (изъ *люби-у, *любі-у, а-бі дало—бj=бл').

люби-шь
люби-тъ
люби-мъ
люби-те
люб-ятъ

хож-у (изъ *ходи-у, *ході-у; ді дало—дj, а дj—даетъ въ р. яз. *-ж*).

ходи-шь
ходи-тъ
ходи-мъ
ходи-те

ход-ятъ (въ гласномъ этого окончанія не получилось согласнаго j, въ противномъ случаѣ мы имѣли бы здѣсь не *д'*, а—*ж*, какъ въ 1-мъ лицѣ ед. числа. Припомнимъ, что *д* даетъ въ русскомъ языкѣ—*ж*, въ стрсл. яз.—*жд* только въ положеніи передъ согласнымъ *j*, а не передъ гласными передняго ряда. Слѣд., *ж* при *д* указываетъ на присутствіе *j*: сравни: *ходи-шь* и проч., а не *хожи-шь* и проч. См. мой курсъ „Русскій языкъ“, читанный на Пед. Курсахъ при Учеб. Округѣ 1911—1912 г. Каз. 1913 и 1916 г.г.).

Примѣчаніе. Вообще, можно сказать, что въ глаголахъ этого класса только въ формѣ 1-го лица ед. числа присутствуетъ *j*, въ прочихъ же лицахъ его нѣтъ. Это видно изъ измѣненія согласныхъ *губныхъ* и *зубныхъ* (*з, с, т* и *д*), которые только передъ *j* даютъ особые звуки (переходное смягченіе), именно, губные + j даютъ губные + л' (бл', пл', мл', вл', фл'), а зубные *з, с, т* и *д* + j даютъ *ш, ч* и *ж*: люблю, но: любишь, любятъ; шучу, но: шутишь, шутятъ; сужу, но: судишь, судятъ; гашу, но: гасишь, гасятъ и проч.

Сказанное мною въ началѣ этого примѣчанія объ основахъ на зубную согласную имѣетъ силу, конечно, для *глагольныхъ* основъ, оканчивающихся на *любую* изъ зубныхъ согласныхъ, а не только на согласную *д* или *т*. Такъ какъ зубные согласные (см. физіологію звуковъ) суть: *д, т, с, з* (аффрикату *ц* не нужно считать, т. к. она, именно, *аффриката* [см. это въ физіологіи звуковъ], т. е. сложный звукъ: *т* + *с*), то, конечно, и основы глаголовъ *кос-и-ть, нос-и-ть, раз-и-ть,*

воз-и-ть, *тру́с-и-ть* и под.—всѣ даютъ въ формѣ 1-го лица ед. числа переходъ зубныхъ *с* и *з* въ *ш* и *ж*, т. е. обнаруживаютъ этимъ измѣненіемъ звуковъ *с* и *з* *наличность* звука *j* въ формахъ 1-го лица ед. числа, между тѣмъ какъ въ прочихъ лицахъ эти же зубные звуки *с* и *з* остаются безъ измѣненія передъ слѣдующими гласными передняго ряда, т. е. обнаруживаютъ этимъ (отсутствіемъ измѣненія *с* и *з* въ *ш* и *ж*) отсутствіе звука *j* послѣ себя: кос-и́-ть, тру́с-и-ть, воз-и́-ть; сочетанія: *зд* и *ст* въ такомъ же положеніи даютъ *зж* (*жж*) и *сч* (*щ*): напр., гвозд-и-ть, пуст-и-ть и под.

1 л. ед. ч.	кош-у́,	тру́ш-у,	вож-у́,	гвозж-у,	пущ-у
2	ко́с-и-шь,	тру́с-и-шь,	во́з-и-шь	гвозд-и-шь,	пуст-и-шь
3	ко́с-и-тъ,	тру́с-и-тъ,	во́з-и-тъ,	гвозд-и-тъ,	пуст-и-тъ.
1 л. мн. ч.	ко́с-и-мъ,	тру́с-и-мъ,	во́з-и-мъ,	гвозд-и-мъ,	пуст-и-мъ
2	ко́с-и-те,	тру́с-и-те,	во́з-и-те,	гвозд-и-те,	пуст-и-те
3	ко́с-ятъ,	тру́с-ятъ	во́з-ятъ,	гвозд-ятъ,	пуст-ятъ.

Этимъ фонетическимъ закономъ измѣненія губныхъ и зубныхъ согласныхъ передъ j *нужно всегда руководиться, если желаешь узнать, образована-ли форма языка при наличности звука* j, *или безъ этого послѣдняго*. Такъ это будетъ обнаруживаться всегда при словообразованіи: и въ глаголахъ другихъ классовъ, и во всѣхъ словахъ русскаго языка. Напр., глаголъ пис-а-ть (V-го класса) имѣетъ формы наст. времени: пиш-у, пиш-е-шь, пиш-е-тъ, пиш-е-мъ, пиш-е-те, пиш-утъ. Слѣд., *с* измѣнилось въ *ш*, а это измѣненіе можетъ быть только передъ *j* (срв. выше: кос-и-шь...). Значитъ, во всѣхъ лицахъ наст. времени глагола „писать“ между звукомъ основы *с* и личными окончаніями настоящаго времени присутствуетъ звукъ *j*, который и далъ *cj* = *ш*. Срв. гл. „сос-а-ть“: сос-у, сос-е-шь, сос-е-тъ, сос-е-мъ, сос-е-те, сос-утъ. Какъ видимъ, здѣсь звука *j* не находится ни въ одной формѣ. Вотъ это присутствіе звука *j* надо принимать во вниманіе при изученіи образованія формъ настоящаго времени *во всѣхъ глаголахъ*: глаголы съ *j* можно назвать *„jотовыми“* въ отличіе отъ *„безjотовыхъ“*: *сосу*, *пасу*, но: *пишу* и проч. Срв. также: везу, везешь; но: вяжу, вяжешь; несу, несешь; но: пишу, пишешь; ношу, носишь; грожу, грозишь и проч. Срв. также Примѣчаніе при глаголахъ III-го класса выше и при глаголахъ V-го класса ниже.

V. Глаголы съ примѣтою -а. Глаголы этого класса имѣютъ суффиксъ (примѣту) инфинитива *-а*. Слѣдовательно, основа инфинитива оканчивается въ нихъ на *-а*. Въ этомъ классѣ также надо различать по образованію настоящаго времени *два вида*: 1) Тематическій гласный *-е* присоединяется *къ основѣ инфинитива*, оканчивающейся на *-а*: куса-ть, куша-ть, слуша-ть, вѣша-ть, дерга-ть, кида-ть, обижа-ть, полза-ть, тер'а-ть (теря-ть), вита-ть, мыка-ть, пиха-ть, восклица-ть, кача-ть, тоща-ть, таска-ть и проч. *Такіе глаголы—1-го спряженія.*

Основа глагольная: кус-, куш-, слуш-, вѣш-, дерг-, кид-, обиж-, ползз-, тер'-, вит-, мык-, пих-, восклиц-, кач-, тощ-, таск- и под.

Основа инфинитива: куса-, куша-, слуша-, вѣша-, дерга-, кида-,

обижа-, ползa-, тер'а- (теря-), вита-, мыка-, пиха-, восклица-, кача-, тоща-, таска- и под.

Основа наст. времени: кусае-, кушае-, слушае-, вѣшае-, дергае-, кидае-, обижае-, ползае-, тер'ае- (теряе-), витае-, мыкае-, пихае-, восклицае-, качае-, тощае-, таскае- и под.

2) Тематическій гласный—*е* присоединяется *къ глагольной основѣ, причемъ эта послѣдняя можетъ оканчиваться на гласную и согласную.* А) Конечная гласная глагольной основы въ положеніи передъ примѣтой *-а* въ формѣ инфинитива измѣняется *фонетически*, чтобы не было встрѣчи двухъ гласныхъ рядомъ, или по закону чередованія (у-ов; jу(ю)-jов(ев) и под.), или посредствомъ вставки между двумя гласными звука *j* (согласнаго) или і̯ (гласнаго). Напр., сравните: ков-а-ть, сов-а-ть при формахъ наст. времени: ку-j-у, су-j-у (ку-ю, су-ю); или: плев-а-ть, блев-а-ть (пл, бл=пj, бj. См. выше и фонетику) при формахъ настоящаго времени: плю-ю, блю-ю (изъ: *пjу-jу, *бjу-jу). Или: ка-j-а-ть, ма-j-а-ть при формахъ наст. времени: ка-j-у, ма-j-у (ка-ю, ма-ю), ка-j-е-шь, ма-j-е-шь („каешься", „маешься"); вѣ-j-ать и под. при формахъ наст. времени: вѣ-j-у (вѣ-ю, сѣ-ю...), вѣ-j-е-шь, сѣ-j-е-шь и т. д. Значитъ, мы видѣли здѣсь глагольныя основы на гласные: *у*, *'у*, *а*, *ѣ*. Этотъ звукъ *j* между двумя гласными (гласнымъ глагольной основы и гласнымъ—примѣтою *а*) трудно отличить отъ неслогового і̯ (оба звука: и і̯ и j *издавна* совпали въ одномъ), т. к. онъ можетъ являться и послѣ гласнаго звука глагольной основы безъ послѣдующаго согласнаго, *и передъ согласной* послѣ гласнаго звука глагольной основы. Напр., суі̯-ся, суі̯, куі̯... пл'уі̯, бл'уі̯... каі̯-ся, вѣі̯, сѣі̯, сѣі̯-ся и под. Очевидно, въ такихъ случаяхъ *согласнаго j* быть не можетъ; стало быть, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ звукомъ і̯. Въ такомъ случаѣ, этотъ звукъ і̯ надо признать неслоговой частью дифтонга (см. фонетику), образовавшагося изъ гласнаго глагольной основы—у, а, ѣ, и окончанія повел. наклоненія и оканчивающаго собою здѣсь форму 2-го лица ед. числа повел. наклоненія. Такимъ образомъ: і̯ находится въ чередованіи съ *j*, а черезъ этотъ послѣдній и съ *в*: сѣ-і̯-а-ть, вѣ-і̯-а-ть, откуда: сѣ-j-а-ть, вѣ-j-а-ть, сѣ-j-у, вѣ-j-у, а также: сѣ-в-а-ть, вѣ-в-а-ть. Но: сѣ-м'-а и др. Срв. дѣ-j-а-ть, дѣ-в-а-ть; о-дѣ-j-а-н-іе, о-дѣ-в-а-н-іе; о-дѣ-j-а-л-о, раз-дѣ-в-а-л-ьн'-а. Но въ формахъ отъ гл. ка-і̯-у, ку-і̯-у (ка-j-у, ку-j-у) и под. чередованія і̯-j-в мы уже не находимъ. Въ этихъ глаголахъ, очевидно, мы имѣемъ дѣло *только* со вставкою і̯-j, что́ особенно ясно изъ глаголовъ съ глагольною основою на у-ов: ку-і̯ (j)-у, ков-а-ть, но не *ку-в-а-ть*. Замѣтимъ, что древнее „ковать" было: коути т. е. коу-ти Срв. ку-з-н'-а. Но: ков-к-а изъ ков-ък-а. По-польски: *кис'*.

Б) Если же глагольная основа въ глаголахъ этого (V-го) класса оканчивается на согласную, то надо посмотрѣть, на какую́, именно, согласную, т. к. въ этой разновидности глаголовъ V-го класса (V. 2. Б. есть глаголы, образующіе формы наст. времени съ *j* („jотовые") и безъ *j* („безjотовые". См. выше Примѣчаніе къ IV-му классу глаголовъ). А мы уже знаемъ изъ фонетики (смотри мой курсъ „Русскій языкъ",

читанный на Пед. Курсахъ при Округѣ въ 1911—1912 г. Отдѣльное изданіе), что звуки *зубные* (д, т, с, з) и *губные* (б, п, в, м, ф) измѣняются извѣстнымъ образомъ *при слѣдующемъ звукѣ j*, но не измѣняются *такимъ образомъ* при слѣдующихъ гласныхъ передняго ряда; а звуки *задненебные* (г, к, х сами по себѣ и съ предшествующими имъ звуками *з* и *с*) измѣняются извѣстнымъ же образомъ (т. е. въ „шипящіе", какъ и зубные звуки) *и при слѣдующемъ звукѣ j, и при слѣдующемъ гласномъ звукѣ передняго ряда.* Руководясь этимъ фонетическимъ закономъ, мы всегда можемъ *установить, имѣемъ-ли мы дѣло съ образованіемъ формъ настоящаго времени посредствомъ j, или безъ участія этого j.*

Напр., глаголы:

вяз-а-ть	маз-а-ть	пис-а-ть	глод-а-ть
вяж-у	маж-у	пиш-у	глож-у
вяж-е-шь	маж-е-шь	пиш-е-шь	глож-е-шь
вяж-е-тъ	маж-е-тъ	пиш-е-тъ	глож-е-тъ
вяж-е-мъ	маж-е-мъ	пиш-е-мъ	глож-е-мъ
вяж-е-те	маж-е-те	пиш-е-те	глож-е-те
вяж-утъ	маж-утъ	пиш-утъ	глож-утъ

обнаруживаютъ свое образованіе формъ наст. времени *посредствомъ j*, т. к. зубные звуки: *д, з, с, т* измѣняются въ *ж, ш, ч только передъ j.* Также глаголы: низ-а-ть, сып-а-ть, рѣз-а-ть, кап-а-ть, ропт-а-ть, колеб-а-ть, топт-а-ть, и под. Такъ:

сып-а-ть	кап-а-ть	ропт-а-ть	(въ стрсл. и цсл. яз. „ропщу" и т. д.). Срв. *шептать* ниже.
сыпл'-у	капл'-у	ропч-у	
сыпл'-е-шь	капл'-е-шь	ропч-е-шь	
сыпл'-е-тъ	капл'-е-тъ	ропч-е-тъ	
сыпл'-е-мъ	капл'-е-мъ	ропч-е-мъ	
сыпл'-е-те	капл'-е-те	ропч-е-те	
сыпл'-утъ	капл'-утъ	ропч-утъ	

среди которыхъ мы взяли основы и на *губные*, чтобы и на ихъ измѣненіи показать *образованіе съ* -j. Съ другой стороны, глаголы, въ которыхъ глагольная основа оканчивается на задненебную согласную, подтверждаютъ это же научное наблюденіе. Такъ, глаголы: скак-а-ть, плак-а-ть, брызг-а-ть, рыск-а-ть, пах-а-ть и под. образуютъ формы 1-го лица ед. числа и 3-го лица мн. числа настоящаго времени посредствомъ j, что̀ видно изъ слѣдующихъ измѣненій:

скач-у плач-у брызж-у рыщ-у паш-у
скач-утъ плач-утъ брызж-утъ рыщ-утъ паш-утъ...

Что эти же глаголы имѣютъ „шипящіе" звуки: *ч, зж* (*жж*), *ш, щ* и въ прочихъ лицахъ наст. времени, т. е. во 2-мъ и въ 3-мъ лицахъ ед. числа и въ 1-мъ и во 2-мъ лицахъ множ. числа, гдѣ эти звуки (изъ задненебныхъ: *к, зг, ск, х*) стоятъ, повидимому, передъ гласнымъ передняго ряда *-е*, а не передъ *-j*, то стоитъ только сравнить спряженіе этихъ глаголовъ со спряженіемъ глаголовъ съ глагольной основой на *зубной* звукъ, который измѣняется въ „шипящій" *только передъ звукомъ* -j, чтобы убѣдиться, что мы имѣемъ въ такихъ глаголахъ *во всѣхъ формахъ настоящаго времени образованія посредствомъ -j:*

Срв. выше: вяж-у маж-у пиш-у ропч-у колебл'-у глож-у
вяж-е-шь маж-е-шь пиш-е-шь ропч-е-шь колебл'-е-шь глож-е-шь
и т. д. и т. д. и т. д. и т. д. и т. д. и т. д.

Даже и въ томъ случаѣ, если передъ *зубной* согласной (*т* или *д*) стоитъ звукъ *с* или *з*. Напр., свист-а-ть, свищ-у, свищ-е-шь и т. д. свиш-утъ, т. е. *стj=щ*; см. ниже.

Такимъ образомъ, *всѣ глаголы V-го класса* (т. е. съ примѣтою *-а*) *принадлежатъ къ 1-му спряженію*, т. е. имѣютъ основу настоящаго времени на тематическій гласный *-е* при основѣ инфинитива на *-а*. Далѣе, если глаголъ по примѣтѣ (по суффиксу инфинитива) оказался принадлежащимъ къ V-му классу, т. е. имѣетъ примѣту *-а* въ положеніи этого *-а* послѣ „шипящихъ“ (т. е. послѣ *ж, ч, ш, щ, жж→зж*), какъ, напр.,: дрожать (срв. дрог-ну-ть), звучать (ср. звукъ), дышать (срв. дых-ну-ть), пищать (срв. писк-ну-ть), визжать (ср. вз-визг-ну-ть), образовавшихся изъ задненебныхъ (*г, к, х, ск, зг*) передъ послѣдующимъ гласнымъ передняго ряда или передъ *j*, то мы имѣемъ дѣло въ такихъ случаяхъ, собственно говоря, съ глаголами не V-го класса, а III-го класса, т. е. съ примѣтою *-ѣ* (а не *-а*), измѣнившеюся фонетически послѣ такого „шипящаго“ звука въ *-а*. Что мы въ этомъ „ложномъ“ V-мъ классѣ глаголовъ имѣемъ дѣло съ измѣненіемъ задненебныхъ согласныхъ *передъ гласнымъ передняго ряда, а не передъ согласнымъ j*, въ личныхъ формахъ настоящаго времени,—это видно изъ сравненія формъ спряженій настоящаго времени съ глагольной основой на *зубной* согласный, съ одной стороны, и на *задненебный* согласный, измѣнившійся передъ *ѣ* (въ глаголахъ III-го класса),—съ другой стороны. См. III. 2. Примѣчаніе. Выше).

Въ самомъ дѣлѣ:

дрож-а-ть (изъ *дрог-ѣ-ть) и	гляд-ѣ-ть (срв. выше: глод-а-ть)
дрож-у	гляж-у
дрож-и-шь	гляд-и-шь
дрож-и-тъ	гляд-и-тъ
дрож-и-мъ	гляд-и-мъ
дрож-и-те	гляд-и-те
дрож-атъ	гляд-ятъ

(*атъ* вм. *ятъ*—ѧтъ вслѣдствіе поздняго отвердѣнія *ж* въ рус. языкѣ).

Дѣйствительно, еслибы эти оба глагола имѣли образованія *всѣхъ* личныхъ формъ настоящаго времени посредствомъ *j* (а не только формъ 1-го лица ед. числа настоящаго времени), то въ глаголѣ *глядѣть* мы имѣли бы: *гляжишь, гляжитъ* и т. д., т. к. здѣсь сочетается *зубной*, а не *задненебный* звукъ со слѣдующимъ звукомъ, отъ котораго зависитъ измѣнить этотъ *зубной* или оставить его *безъ измѣненія*.

Слѣдовательно, *присутствіе среди глаголовъ V-го класса такихъ, въ которыхъ примѣта -а стоитъ послѣ „шипящихъ“, и основа настоящаго времени которыхъ оканчивается на тематическій гласный -и, т. е.* **указываетъ на 2-ое спряженіе,** *вовсе не колеблетъ нашего заключенія о томъ, что всѣ глаголы V-го класса принадлежатъ къ 1-му спряженію, т. к.* глаголы съ указаннымъ образованіемъ принадлежатъ

собственно къ III-му классу и составляютъ только *фонетическое измѣненіе глаголовъ III-го класса.* (См. III. 2. Примѣчаніе къ глаголамъ, образующимъ настоящее время присоединеніемъ тематическаго гласнаго *-и къ глагольной основѣ*).

Примѣчаніе. Однако слѣдуетъ отдѣльно остановиться здѣсь-же на нѣкоторыхъ образованіяхъ. Это имѣетъ крайне важное *методологическое значеніе.*

Анализъ глаголовъ привелъ насъ по слѣдующему выводу: глаголы *собственно V-го* класса, съ *исконной* примѣтой *-а*, могутъ образовать личныя формы съ *-j* и безъ *-j*. Это видно изъ анализа глаголовъ съ глагольной основой на *зубной* согласный:

пис-а-ть		но: сос-а-ть
пиш-у		сос-у
пиш-е-шь		сос-е-шь
. . .		. . .
пиш-утъ		сос-утъ
глод-а-ть	пря́д-а-ть	(срв. вос-пря-ну-ть)
глож-у	пря́д-у	Не смѣшивать съ гл. I класса:
глож-е-шь	пря́д-е-шь	пряс-ть, какъ: клас-ть
. . .	. . .	пряд-у́ клад-у́
глож-утъ	пря́д-утъ	и проч.
топт-а-ть		Срв. „пря́д-е-тъ ушами“ въ
топч-у		народныхъ сказкахъ и былинахъ.
топч-е-шь		
. . .		
топч-утъ.		

Всѣ такіе глаголы—1-го спряженія; если же они имѣютъ *-j* только въ 1-мъ лицѣ ед. числа, то они имѣютъ примѣту *-ѣ* и принадлежатъ къ III-му классу и ко 2-му спряженію: срв. гляд-ѣ-ть, гляж-у, но: гляд-и-шь и т. д. выше. Съ точки зрѣнія присутствія или отсутствія звука *-j* при образованіи личныхъ формъ настоящаго времени въ глаголахъ V-го класса (съ примѣтою *-а* исконнымъ или вторичнымъ) особенно важно сдѣлать замѣчаніе о слѣдующихъ глаголахъ:

спать, гнать, рвать, ржать, бѣжать.

Что въ этихъ глаголахъ мы имѣемъ дѣло *съ примѣтою* -а, *т. е. суффиксомъ, не принадлежащимъ къ глагольной основѣ*, это видно изъ слѣдующихъ образованій; здѣсь важны только первые *четыре* глагола: *спать, гнать, рвать, ржать*, т. к. въ нихъ только по одному гласному *(а)* въ формахъ инфинитива *въ современномъ русскомъ языкѣ*; слѣд., если это *а* отнести къ глагольной основѣ, т. е. признать за этими четырьмя глаголами принадлежность ихъ къ I-му классу—безприметному,—то этому будетъ противорѣчить: 1) образованіе формъ настоящаго времени, т. к. тогда было бы: спа-ю, гна-ю, рва-ю, ржа-ю; спа-е-шь, гна-е-шь и под. и т. д. и 2) образованіе другихъ словъ, принадлежащихъ къ семейству *корней*, заключающихся въ этихъ четырехъ глаголахъ: именно: спл'-у, гон'-у, рв-у, рж-у, съ одной стороны,

и—за-*сып*-а́-ть, со(п)н-ъ; гон-к-а, гон-ъ; раз-рыв-а-ть, раз-рыв-ъ;—съ другой стороны, или: про-сып-а́-ть-ся, сон-ъ; гон-ен-іе, гон-ю; от-рыв-а-ть, от-рыв-ок-ъ и проч. Слѣдовательно, въ этихъ четырехъ глаголахъ (спать, гнать, рвать, ржать) *а* есть примѣта, т. е. всѣ эти глаголы V-го класса.

А, если это нами теперь доказано, то, руководясь выше изложенной теоріей образованія формъ настоящаго времени въ глаголахъ этого класса, мы будемъ имѣть въ формахъ спряженія настоящаго времени этихъ глаголовъ случай, изложенный выше въ V. 2. Б, т. е. образованіе отъ *глагольной основы на согласную*: *сп-* (древнее: сѣп-), *гн-* (древнее: гѣн-), *рв-* (древнее: ꙑѣв-), *ржс-* (древнее: ꙑѣж-). Здѣсь, какъ мы уже знаемъ, могутъ быть образованія съ *-j* и безъ *-j*: глаголъ *сп-а-ть* въ формѣ 1-го лица ед. числа *спл'-у* „jотовый“ (срв. выше: сы́пать—сыплю), но прочія лица этого глагола идутъ *по другому типу* (какъ выше: соп-ѣ-ть, сопл'-у...). Значитъ, этотъ глаголъ *смѣшаннаго образованія*, т. к. для такого спряженія нужно было бы или: сп-ѣ-ть, спл'-у, сп-и-шь..., или сп-а-ть, спл'-у, спл'-ё-шь... (см. выше). Словомъ, или этотъ глаголъ долженъ бы былъ быть III-го класса съ примѣтой *-ь*, или, если V-го класса, то „jотовый“ во всѣхъ лицахъ: въ первомъ случаѣ онъ былъ бы—2-го спряженія и „jотовый“ только въ 1-мъ лицѣ ед. ч. наст. времени, во второмъ случаѣ онъ былъ бы „jотовый“ во всѣхъ лицахъ, но 1-го спряженія.

Однако мы имѣемъ: сп-а-ть
спл'-у
сп-и-шь
сп-и-тъ
сп-и-мъ
сп-и-те
сп-ятъ.

Не меньше замѣчаній и изслѣдованій требуетъ и другой глаголъ: *гн-а-ть*. Сравнивая спряженіе этого глагола въ настоящемъ времени съ другими глаголами этого же класса и вида (V. 2. Б—выше), напр., съ глаголами: бр-а-ть (древнее: бьр-а-ти), вр-а-ть (срв. за-*вир*-а-ть-ся), жр-а-ть (древнее: жьр-а(ѣ)-ти) и рв-а-ть (срв. с-*рыв*-а-ть), мы видимъ, что это *не „jотовое“* спряженіе: иначе было бы отъ глагола *рвать* такъ: рвл'-у, рвл'-е-шь... рвл'-ютъ (срв. выше: сы́пать, ка́пать и под.). Однако мы имѣемъ: рв-у, рв-е-шь, рв-е-тъ; рв-е-мъ, рв-е-те, рв-утъ. Т. е. какъ: сос-у, сос-е-шь, сос-е-тъ... сос-утъ (см. выше). И такъ же: бер-у, бер-е-шь, бер-утъ; вр-у, вр-е-шь, вр-е-тъ, вр-утъ; жр-у, жр-е-шь, жр-утъ; слѣдовательно, мы ожидали бы и: гн-а-ть: гн-у, гн-е-шь, гн-утъ; однако имѣемъ: *гон'-у, гон-и-шь, гон-и-тъ; гон-и-мъ, гон-и-те, гон-ятъ*. Это спряженіе предполагаетъ собой форму инфинитива: либо: гн-ѣ-ть (срв. вел-ѣ-ть... выше), либо: гн-и-ть. Словомъ, не: *гн-а-ть!* Обратно: спряженіе наст. времени глагола гн-а-ть: гон-и-шь и т. д. предполагаетъ собой форму инфинитива: гон-и-ть (гон-и-ти).

Такъ оно и было въ древне-русскомъ языкѣ! Срв. звон-и-ть,

чин-и-ть (на-чин'-а(ѫ)-ть; под-чин-ен-іе и под. Такъ же: из-гон'-а(ѫ)-ть; гон-ен-іе и под.). *Но въ другихъ глагольныхъ образованіяхъ мы видимъ препятствіе къ предположенію* о томъ, что сохранилась только одна древняя форма гон-и-ти: такъ, мы видимъ: из-гн-ан-іе, из-гн-ан-ъ, и т. под. Эти образованія предполагаютъ глагольную примѣту V-го класса *-а*. Очевидно, остается допустить параллельное существованіе двухъ основъ: древнѣйшей—гони- IV-го класса съ основой на *-и-* и позднѣйшей—гѧн-а- V-го класса съ основой на *-а* (въ инфинитивахъ): спряженіе этихъ двухъ основъ перемѣшалось по ассоціаціи; часть глагольныхъ образованій пошла съ одной основой, а часть—съ другой основой. Этотъ глаголъ, значитъ, тоже *смѣшаннаго образованія*.

Что касается глагола *ржать*: рж-у, рж-е-шь, рж-е-тъ; рж-е-мъ, рж-е-те, рж-утъ, то онъ вызываетъ тоже на анализъ различныхъ образованій: по своему строенію этотъ глаголъ или долженъ бы былъ быть I-го класса, какъ: зна-ю, зна-е-шь..., или—V-го класса, какъ: обижа-ю, обижа-е-шь и проч., или, наконецъ, III-го класса съ примѣтой *-ѣ* (послѣ „шипящихъ" *-а*), какъ: дрож-а-ть (изъ *дрог-ѣ-ть. См. выше). И тогда спряженіе было бы такое: рж-у, рж-и-шь, рж-и-тъ... рж-атъ. Но ни того, ни другого, ни третьяго въ дѣйствительности нѣтъ! Слѣдовательно, ни одно изъ трехъ предположеній не выдерживаетъ научной критики, т. е. всѣ три эти предположенія являются *ненаучными*, т. к. не соотвѣтствуютъ *истинѣ, которую можно обнаружить въ формахъ языка*. Отыскивая въ старомъ русскомъ языкѣ глаголъ ръз-а-ти, соотвѣтствующій современному „ржать", мы видимъ, что въ глагольной основѣ его былъ звукъ не *ж*, а *-з*; такимъ образомъ, здѣсь нѣтъ никакой надобности предполагать примѣту *-ѣ*, измѣнившуюся послѣ „шипящаго" звука въ *-а*, т. к. здѣсь и „шипящаго" звука-то не было. Очевидно, это произношеніе „ржать" *діалектическое* (изъ того говора, гдѣ смѣшиваютъ *ж* и *з*, т. е. изъ центральнаго русскаго говора и сѣверо-западнаго русскаго; такое произношеніе укоренилось и въ литературномъ русскомъ языкѣ въ этомъ словѣ. (См. мое соч. „Къ исторіи великорусскихъ говоровъ". Казань. 1896). А, если такъ, то ржать—рзать идетъ въ спряженіи, какъ глаголъ: рѣз-а-ть: рѣж-у, рѣж-е-шь... рѣж-утъ. (См. V. 2. Б.—выше).

Намъ остается сказать о глаголахъ: *бѣжать, боять-ся* и *стоять*. Опять разсуждаемъ, какъ выше: глаголъ „бѣжать" по своему строенію могъ бы быть или I-го класса, но тогда было бы: бѣжа-ю, бѣжа-е-шь и т. д. (какъ: зна-ю, зна-е-шь...); или V-го класса съ *исконнымъ -а* въ примѣтѣ, но и тогда было бы: бѣжа-ю, бѣжа-е-шь... (какъ: обижа-ю, обижа-е-шь... стрсл. обиждати, обиждѧ-ѭ, обиждѧ-іе-ши... изъ *обид-ја-ти..), или, наконецъ, III-го класса со *вторичнымъ -а* изъ *ѣ* послѣ „шипящаго" звука, который фонетически перевелъ этотъ глаголъ изъ III-го класса въ V-й классъ: тогда онъ изъ *бѣг-ѣ-ть, какъ: дрож-а-ть изъ *дрог-ѣ-ть (см. выше). И тогда было бы спряженіе такое: бѣж-у, бѣж-и-шь, бѣж-и-тъ; бѣж-и-мъ, бѣж-и-те, бѣж-атъ. (Срв. спряженіе наст. времени отъ гл. дрож-а-ть. Выше). Дѣйствительно, такъ оно и было

въ древнемъ языкѣ. (Напр. „отъ лица Твоего камо бѣжу"). Но по спряженію глагола бѣж-а-ть въ наст. времени видно, что въ немъ смѣшались двѣ основы, и потому смѣшалось по ассоціаціи два спряженія: глаголъ *бѣчь* изъ бѣг-ть, какъ: *печь* изъ пек-ть (I-го класса, безпримѣтный), откуда: пек-у, печ-е-шь, печ-е-тъ; печ-е-мъ, печ-е-те, пек-утъ. Значитъ, должно бы быть: *бѣг-ть (бѣчь): бѣг-у, бѣж-е-шь, бѣж-е-тъ; бѣж-е-мъ, бѣж-е-те, бѣг-утъ. Но мы имѣемъ бѣг-у и бѣг-утъ отъ *бѣчь* (основа: бѣг- и *бѣже-), а прочія лица отъ бѣж-а-ть (основа: бѣжа- и бѣжи-; при корнѣ въ обоихъ случаяхъ—*бѣг-*). Слѣдовательно, этотъ глаголъ также *смѣшаннаго образованія.*

Глаголы: *бояться* и *стоять* одинаковы по образованію: въ нихъ глагольная примѣта *-а* (*-ја*) образовалась изъ *-ѣ*, который измѣнился въ *-а* въ положеніи послѣ мягкаго согласнаго *-ј*; слѣд., глаголы эти—III-го класса, перешедшіе *фонетически* въ V-й классъ. Вообще звукъ *ј* оказывалъ такое же вліяніе на слѣдующій за нимъ *-ѣ*, какъ и согласные (когда-то *мягкіе ж* и *ш* и звуки *ч* и *щ*, оставшіеся и до сихъ поръ мягкими въ литературномъ русскомъ произношеніи). Такое образованіе этихъ глаголовъ бо-ј-а-ть-ся и сто-ј-а-ть изъ * бо-ј-ѣ-ть-ся и *сто-ј-ѣ-ть подтверждается и спряженіемъ формъ настоящаго времени:

бо-ј-у	-сь	сто-ј-у
бо-ј-и-шь	-ся	сто-ј-и-шь
бо-ј-и-т(ъ)		сто-ј-и-тъ
бо-ј-и-м(ъ)		сто-ј-и-мъ
бо-ј-и-те	-сь	сто-ј-и-те
бо-ј-атъ	-ся	сто-ј-атъ

Какъ: дрож-у, крич-у и под. см. выше III. 2. Примѣчаніе и V. 2. Б.

Подводя итогъ всему обозрѣнію глаголовъ V-го класса (съ примѣтою *-а*), мы должны прежде всего въ этомъ классѣ различать, *ложный*-ли это V-й классъ (фонетически образовавшійся изъ III-го съ примѣтой *-ѣ*), или—*дѣйствительный* (съ *исконной* примѣтою *-а*). Общій законъ будетъ формулированъ такъ: Если звукъ *ј* участвуетъ въ образованіи *всѣхъ* личныхъ формъ настоящаго времени глаголовъ V. 2. Б., или не участвуетъ *ни въ одной* личной формѣ наст. времени этого типа глаголовъ, то такіе глаголы всѣ—1-го спряженія и дѣйствительно V-го класса. Если же звукъ *ј* участвуетъ *только* въ образованіи личной формы 1-го л. наст. времени, то глаголъ будетъ III-го класса съ примѣтой *ѣ* (или послѣ смягченной согласной *-а*, т. е. *ложно* 5-го класса) и при этомъ—2-го спряженія. Наконецъ, онъ въ такомъ случаѣ, если звукъ *ј* участвуетъ *только* въ образованіи 1-го лица ед. числа наст. вр., можетъ быть глаголомъ IV-го класса—2-го спряженія.

VI. *Глаголы съ примѣтами -ова, -ева, -ыва, -ива.* О такихъ глаголахъ слѣдуетъ замѣтить, что они по примѣтамъ своимъ ясно раздѣляются на два разряда: А и Б. Суффиксы (примѣты инфинитива) разряда А. глаголовъ: именно, суффиксы *-ова* и *-ева* образуютъ одинъ

разрядъ этого класса. А. Особенностью его образованія служитъ то, что въ немъ самъ суффиксъ *-ова* или *-ева* распадается морфологически на двѣ части: 1) *-ов* и *-ев*, которыя принадлежатъ *именнымъ* основамъ, и 2) *-а*, которая составляетъ уже знакомую намъ *глагольную* примѣту V-го класса. (См. выше). Первая часть этихъ двухъ глагольныхъ суффиксовъ VI-го класса (*-ов-* и *-ев-*) встрѣчается въ образованіяхъ падежей отъ именъ существительныхъ со старою основою на *-у* (*-ју,—ју*) и въ образованіяхъ именъ прилагательныхъ: напримѣръ, дом-ъ, дом-оу, дом-ов-ъ; вол-ъ, вол-оу, вол-ов-ъ; мѣд-ъ, мѣд-оу, мѣд-ов-ъ; пол-ъ, пол-оу, пол-ов-ъ и *по аналогіи* съ такими: край (*крај-ъ), крај-оу, крај-ев-ъ, или: пол'е, пол'-ев-ъ; ден'-ь, дн'-у, дн-ев-ъ (въ древн. русскихъ памятникахъ встрѣчаются формы род. п. мн. ч. и: коневъ, мужевъ и под.) и друг. под. Въ именахъ прилагательныхъ: дом-ов-ый, сад-ов-ый, плод-ов-ый, верх-ов-ой, пол-ов-ой, мед-ов-ой и мед-ов-ый, вол-ов-ый; крај-ев-ой, пол-ев-ой, дн-ев-н-ой, меж-ев-ой, нож-ев-ый, и мн. др. под. Вторая часть этихъ двухъ глагольныхъ суффиксовъ *-ова* — и *-ева*—VI-го класса, т. е. часть *-а* (*ов-а*, *ев-а*), образуетъ форму инфинитива и всѣ глагольныя формы, образующіяся отъ основы инфинитива, такъ, что къ *именной* основѣ на *-ов*, *-ев* присоединяется суффиксъ инфинитива *-а* и вмѣстѣ съ нимъ образуетъ глагольный суффиксъ (составной) *-ов-а*, *-ев-а*, который, въ свою очередь, уже образуетъ *основу инфинитива* на *-ова* и- *ева*. Форма инфинитива получается чрезъ присоединеніе къ этой основѣ окончаній *-ть* или *-ти*. Такъ, именная основа: *имен-*, именной суффиксъ *-ов*, примѣта *-а* (вмѣстѣ съ именнымъ суффиксомъ *-ова*), окончаніе инфинитива *-ть*: *именовать*. Или: брак-ова-ть, верб-ова-ть, об-раз-ова-ть, с-добр-ова-ть (корень: доб-; срв. доб-а, у-доб-н-ый и проч.), треб-ова-ть, вор-ова-ть, танц-ова-ть, колес-ова-ть; ноч-ева-ть, гор-ева-ть, пол-ева-ть, дн-ева-ть, меж-ева-ть, корч-ева-ть и друг. под. *Всѣ такіе глаголы образуютъ формы настоящаго времени отъ именной основы только съ первой частью глагольнаго суффикса -ова и -ева, т. е. съ частью -ов и -ев, значитъ, съ суффиксомъ именъ, а чисто глагольный суффиксъ* (примѣта) *-а не участвуетъ въ образованіи личныхъ формъ настоящаго времени глаголовъ этого* (VI-го) *класса.* Сравните образованіе формъ наст. времени въ глаголахъ V-го класса выше (V. 1): тамъ мы видѣли присоединеніе тематическаго гласнаго *-е* къ *глагольной основѣ* на *-а* для образованія формъ настоящаго времени: обиж-а-е-шь, кус-а-е-шь, слуш-а-е-шь, ляг-а-е-тъ, пад-а-е-те, погиб-а-е-шь, терз-а-е-тъ, хром-а-е-шь и под. Основы настоящаго времени: обижае-, кусае-, слушае-, лягае-, падае-, погибае-, терзае-, хромае-, и под. Основы иифинитива тамъ: обижа-, куса-, слуша-, ляга-, пада-, погиба-, терза-, хрома-, и т. под.

Кромѣ того, въ глаголахъ VI-го класса (съ суф. *-ова*, *-ева)* именной суффиксъ, участвующій въ образованіи основы настоящаго времени, т. е. суффиксъ *-ов-* и *-ев-* измѣняются въ положеніи передъ личными окончаніями въ *-у* и *-'у (ју)*, т. к. всѣ эти глаголы „јотовые", т. е. образуютъ формы настоящаго времени посредствомъ звука *ј* пе-

редъ гласнымъ звукомъ личныхъ окончаній 1-го лица ед. числа и 3-го лица множ. числа и передъ тематическимъ гласнымъ *-е* въ прочихъ лицахъ формы наст. времени. Такъ:

	имен-ов-а-ть	вор-ов-а-ть	гор-ев-а-ть	дн-ев-а-ть
	(имен-ова-ть)	(вор-ова-ть)	(гор-ева-ть)	(дн-ева-ть)
наст. вр. 1.	имен-у-j-у	вор-у-j-у	гор-'у-j-у	дн-'у-j-у
2.	имен-у-j-е-шь	вор-у-j-е-шь	гор-'у-j-е-шь	дн-'у-j-е-шь
3.	имен-у-j-е-тъ	вор-у-j-е-тъ	гор-'у-j-е-тъ	дн-'у-j-е-тъ
1.	имен-у-j-е-мъ	вор-у-j-е-мъ	гор-'у-j-е-мъ	дн-'у-j-е-мъ
2.	имен-у-j-е-те	вор-у-j-е-те	гор-'у-j-е-те	дн-'у-j-е-те
3.	имен-у-j-утъ	вор-у-j-утъ	гор-'у-j-утъ	дн-'у-j-утъ.

Что въ образованіи всѣхъ этихъ формъ участвуетъ согласный *-j*, это видно изъ того, что часть (именная) глагольнаго суффикса *-ова*, т. е. часть *-ов (-ев)*, участвующая въ образованіи формъ настоящаго времени измѣняется въ *-у* и въ *'у* (-iу): а это бываетъ *только передъ согласнымъ*, т. к. передъ гласнымъ, наоборотъ, *у* и *'у* измѣняются въ *-ов* и *-ев*. Сравни выше V. 2. А. Слѣдовательно,

воров-а-ть	воров-а-л-ъ	воров-а-в-ш-ій и проч.	
днев-а-ть	днев-а-л-ъ	днев-а-в-ш-ій и проч.	Но:
вору-j-у	вору-j-ущ-ій	вору-j-а и проч.	
дн'у-j-у	дн'у-j-ущ-ій	дн'у-j-а и проч.	

Итакъ, глаголы VI-го класса съ примѣтою *-ова*, *-ева*, во-первыхъ, всѣ I-го спряженія, т. е. съ тематической гласной *-е*; во-вторыхъ, всѣ образуютъ настоящее время отъ основы настоящаго же времени, безъ участія глагольнаго суффикса *а*, образующаго вмѣстѣ съ именнымъ суффиксомъ *-ов* (*-ев*) глагольную примѣту VI-го класса, а, стало быть, и основу инфинитива. Т. е. воруе-, горюе-,... а не: воровае-, горевае-, какъ мы видѣли въ V-мъ классѣ: кусае-, хромае- и т. п.

Примѣчаніе. Чтобы четко отличать по образованію глаголы I-го класса типа: зна-ю, зна-е-шь.., глаголы V-го класса типа: куса-ю, куса-е-шь... и глаголы VI-го класса, надо представлять себѣ отчетливо способъ образованія основъ настоящаго времени и основъ инфинитива. Это имѣетъ громадное *методологическое* значеніе, т. к. поможетъ намъ указать мѣсто и такимъ глаголамъ, какъ: *одолѣвать*, *ослабѣвать*, *засѣвать*, *заболѣвать*, *омертвѣвать*, *обуревать*, наконецъ, *плевать*, *блевать* и проч. Въ самомъ дѣлѣ: разберемся въ ихъ морфологическомъ составѣ. *По формѣ инфинитива* всѣ эти группы и примѣры, какъ будто, легко смѣшать, именно, во всѣхъ нихъ форма инфинитива, говоря *вообще*, т. е. безъ расчлененія на морфологическія части, оканчивается на „*-ать*“: *знать*, *кусать*, *горевать*, *одолѣвать*, *ослабѣвать*, *засѣвать*, *заболѣвать*, *омертвѣвать*, *обуревать*, *плевать* и *блевать*, равно, конечно, и прочіе подобные. Но, какъ только мы начнемъ анализъ морфологическаго состава приведенныхъ и подобныхъ имъ примѣровъ, такъ замѣтимъ, во-первыхъ, что I-й классъ глаголовъ („безпримѣтный“) не имѣетъ глагольнаго суффикса („примѣты“) между глагольной основой и окончаніемъ инфинитива; иначе говоря, здѣсь

совпадаетъ глагольная основа съ корнемъ, поскольку, конечно, послѣдній опредѣляется нами, какъ *корень прарусской эпохи:* глагольная основа и корень—*зна-*, основа настоящаго времени—*знае-*. Во-вторыхъ, здѣсь *глагольная основа*, совпадая съ корнемъ, *является односложною* (кромѣ основъ *полногласнаго* типа, для которыхъ намъ приходится возстановлять *корень эпохи праславянскаго единства*, вслѣдствіе фонетическихъ измѣненій, происшедшихъ *уже на русской почвѣ*. Къ этому односложному корню присоединяется и тематическій гласный *-е* для образованія основы настоящаго времени. Такъ, коло-ть изъ *kol-ti; кол-е-шь и проч. Корень—*kol-*, глагольная основа—*кол-*, основа инфинитива—*коло-*, основа настоящаго времени—*коле-*). Слѣдовательно, если глаголъ на *-„ать“* (въ инфинитивной формѣ) является *односложнымъ*, то, стало быть, звукъ *а* здѣсь принадлежитъ основѣ—корню, а потому глаголъ *безприм'ѣтный, т. е. I-го класса.*

Нѣсколько труднѣе разбираться въ морфологическомъ составѣ глаголовъ прочихъ классовъ, т. к. *всѣ они имѣютъ „прим'ѣты“*, т. е. въ нихъ основы инфинитива (а иногда и основы настоящаго времени) *не односложныя и, слѣдовательно, уже не могутъ совпадать съ корнемъ.* Такъ, сравнивая глаголы *куса-ть* и *горева-ть* по образованію формъ настоящаго времени, мы видимъ, что въ первомъ изъ нихъ тематическій гласный *-е* присоединяется къ основѣ инфинитива *куса-*, а во второмъ—нѣтъ: *здѣсь глагольная прим'ѣта, входящая въ составъ основы инфинитива, не участвуетъ въ образованіи основы настоящаго времени*, и тематическій гласный *-е* присоединяется къ глагольной основѣ, да еще фонетически видоизмѣненной въ положеніи передъ согласнымъ *-j*, посредствомъ котораго здѣсь образуются личныя формы настоящаго времени. Такимъ образомъ, выходитъ: куса-j-у, куса-е-шь... Но не: горева-j-у, горева-j-е-шь, а: *гор'у*-j-у, *гор'у*-j-е-шь и т. д. Слѣд., въ глаголѣ V-го класса *кусать* основа инфинитива и основа глагольная *одинаковы*, именно, *куса-*; корень —*кус-*; основа настоящаго времени—*кусае-*. Въ глаголахъ же VI-го класса, какъ *горевать*, основа инфинитива (*горева-*) и глагольная основа (гор'у—горев-) *различны*. Корень—*гор-*, основа настоящаго времени—*горюе-*. Стало быть, и глаголы VI-го и V-го класса на *-„ать“* легко различить другъ отъ друга по особенностямъ образованія формъ настоящаго времени: *для глаголовъ V-го класса характерна возможность сохраненія глагольной прим'ѣты* **-а** *въ формахъ настоящаго времени и отсутствіе фонетическаго изм'ѣненія* **ов** *и* **ев** *въ* **у** *и* **ю** *передъ личными окончаніями настоящаго времени*, но не въ составѣ корня; *для глаголовъ же VI-го класса характерна невозможность сохраненія глагольной прим'ѣты* **-а**, *являющейся лишь частью прим'ѣтъ* **ова** *и* **ева**, *въ формахъ настоящаго времени, и обязательность фонетическаго изм'ѣненія* **ов** *и* **ев** *въ* **у** *и* **ю** *передъ личными окончаніями настоящаго времени, тоже не въ составѣ корня.* (О корнѣ см. выше).

Теперь передъ нами глаголы: *одол'ѣвать, ослабѣвать, засѣвать забол'ѣвать, омертвѣвать* и *обуревать*. Займемся анализомъ ихъ обра-

зованія. Образуемъ сперва отъ этихъ глаголовъ формы инфинитива однократнаго вида: *одолѣть, ослабѣть, заснять, заболѣть, омертвѣть* и ? (Какъ эта форма отъ гл. „*обуревать*“? Срв. „*горевать*“. Какъ форма инфинитива однократнаго вида отъ него?). Ясно, что по образованію всѣ приведенные глаголы сами собой распадаются на *три* группы: 1) Глаголы, представляющіе по образованію формы инфинитива разновидность глаголовъ III-го класса съ примѣтою *-ѣ* (разновидность со значеніемъ многократности и начинательности). Такіе глаголы III-ьяго класса въ образованіи формъ настоящаго времени идутъ по типу: III. 1. (см. выше). Это: *одолѣть, ослабѣть, заболѣть, омертвѣть* и под. Въ такихъ глаголахъ при образованіи формъ инфинитива со значеніемъ многократности и начинательности берется основа инфинитива глаголовъ III-го класса 1-го вида: *одолѣ-, заболѣ-, ослабѣ-, омертвѣ-*... и присоединяется къ ней примѣта V-го класса *-а*, а между гласными *ѣ* и *а* для избѣжанія стеченія гласныхъ вставляется звукъ *-в*: *одолѣ-в-а-ть, ослабѣ-в-а-ть, заболѣ-в-а-ть, омертвѣ-в-а-ть* и под., и тогда спряженіе идетъ по типу V. 2. А. (см. выше): одолѣ-в-а-ю заболѣ-в-а-ю
одолѣ-в-а-е-шь заболѣ-в-а-е-шь
и т. д. и т. д.

Срв. образованіе основъ V-го класса отъ глаголовъ 1-го класса:

дѣ-ть дѣ-в-а-ть
дѣ-е-шь дѣ-в-а-е-шь
и т. д. и т. д.

и образованіе различныхъ основъ въ V-мъ классѣ глаголовъ:

сѣ-j-а-ть вѣ-j-а-ть... сѣ-в-а-ть вѣ-в-а-ть
сѣ-j-е-шь вѣ-j-е-шь сѣ-в-а-j-у (jу=ю) вѣ-в-а-j-у (jу=ю)
и т. д. и т. д. и т. д. и т. д.

См. выше V. 2. А. При глаголѣ I-го класса *дѣ-ть*, мы однако *не имѣемъ* глагола I-го класса *сѣ-ть* или *вѣ-ть* и проч., а только—V-го класса: *сѣ-j-а-ть, вѣ-j-а-ть*. Формы же *настоящаго времени* отъ глаголовъ *дѣ-ть* и *дѣ-j-а-ть* или *сѣ-j-а-ть, вѣ-j-а-ть* смѣшались по ассоціаціи другъ съ другомъ: именно, формы: сѣ-j-е-шь и т. д., вѣ-j-е-шь и т. д. предполагаютъ собой инфинитивъ не *сѣ-j-а-ть, вѣ-j-а-ть*, а *сѣ-ть, вѣ-ть*. Срв. *дѣ-ть, дѣ-ю, дѣ-е-шь* и т. д. *Спѣ-ть, спѣ-ю, спѣ-е-шь* и т. д. Словомъ, въ такихъ глаголахъ произошло смѣшеніе основъ I-го и V-го класса, что видно изъ глагольныхъ образованій со значеніемъ многократности и начинательности:

сѣ-в-а-ть за-сѣ-в-а-ть вѣ-в-а-ть от-вѣ-в-а-ть
сѣ-в-а-ю за-сѣ-в-а-ю вѣ-в-а-ю от-вѣ-в-а-ю
и т. д. и т. д. и т. д. и т. д.

Слѣдовательно, въ такихъ глаголахъ, какъ: *одолѣвать, ослабѣвать* и под. мы имѣемъ не примѣту VI-го класса, которая измѣнилась бы въ формахъ настоящаго времени по типу: гор-ева-ть, гор-ю, а *двѣ примѣты*: примѣту III-го класса *-ѣ* и примѣту V-го класса *-а*, которая и перевела всѣ такіе глаголы, образованные отъ основъ инфинитива III-го класса, въ V-й классъ.

2) Вторая группа глаголовъ, это—*засѣвать* и под., это—глаголы V-го класса, только образованные не отъ основы инфинитива III-го класса на *-ѣ*, какъ: *болѣ-ть*, откуда—*(за)-болѣ-в-а-ть*, а отъ основы V-го же класса, съ чередованіемъ *j—в*: *сѣ-j-а-ть* и *сѣ-в-а-ть*, *за-сѣ-в-а-ть*; а объ этихъ основахъ мы уже говорили выше: онѣ предполагаютъ собой исчезнувшія основы I-го класса *сѣ-ть (сѣ-м'-а*; срв. выше *дѣ-ть*) и под.

3) Наконецъ, третья группа глаголовъ, это—*обуревать*. Едва-ли есть еще хоть одинъ такой глаголъ въ русскомъ языкѣ по образованію его формъ: онъ—глаголъ *отыменный* (какъ глаголы VI-го класса), образованный отъ имени—„*буря*“, слѣдовательно, надо предполагать въ немъ примѣту *-ева-* (глагольный суффиксъ инфинитива) и ожидать ея измѣненія въ формахъ настоящаго времени по типу: ев-'у (jу, ю), т. е. ожидать основу настоящаго времени *обурюе-* (см. выше VI-й классъ глаголовъ). Однако мы имѣемъ:

о-бур'-ева-j-у о-бур'-ева-j-е-шь о-бур'-ева-j-е-тъ о-бур'-ева-j-е-мъ о-бур'-ева-j-е-те о-бур'-ева-j-утъ	какъ въ глаголахъ, образующихъ многократный видъ отъ глаголовъ III-го класса съ примѣтой *-ѣ*: о-дол-ѣ-в-а-ю о-дол-ѣ-в-а-j-е-шь и т. д. См. выше.

Въ виду этой аномаліи въ образованіяхъ этого глагола надо думать, что въ нихъ участвовала какая-нибудь *аналогія*: или по типу глаголовъ *о-дол-ѣ-в-а-ть*, *о-слаб-ѣ-в-а-ть* (Срв. *одолѣть*, *ослабѣть*—III-го класса), или, быть можетъ, мы неправильно пишемъ: „*обуревать*“ вм. „*обурѣвать*“ (отъ „*обурѣть?*“ Срв. „*одурѣть*“, „*одурѣвать*“ отъ именной основы: *дур-*, откуда: дур-а, дур-н-ой, дур-ак-ъ, дур'-ь и проч.).

Что же касается двухъ оставшихся глаголовъ: *плев-а-ть* и *блев-а-ть*, то мы о нихъ уже говорили выше—см. V. 2. А.—именно, въ нихъ примѣта только *-а* (V-го класса), а слогъ *-ев* принадлежитъ основѣ настоящаго времени (въ то же время и корню): *плев-* и *блев-*, гдѣ эта основа въ положеніи передъ *j*, посредствомъ котораго образуются здѣсь формы настоящаго времени съ тематическимъ гласнымъ *-е* (см. выше), измѣняется фонетически въ *плю-*, *блю-* изъ **пjу-*, **бjу-*:

пл'у-j-у	бл'у-j-у
пл'у-j-е-шь	бл'у-j-е-шь
и т. д.	и т. д.

Передъ гласнымъ же *-а* (примѣтою) появляется опять слогъ *-ев*: *плев-а-ть*, *блев-а-ть* и проч. формы отъ этой основы инфитива. Этимъ фонетическимъ измѣненіемъ эти глаголы сближаются съ глаголами VI-го класса, но въ тѣхъ *-ева-* примѣта, и фонетическія измѣненія *ев-ю* происходятъ въ примѣтѣ, а здѣсь—въ основѣ—корнѣ, и слогъ *-ев* не принадлежатъ примѣтѣ, или суффиксу инфинитива.

Такимъ образомъ, *внѣшнія звуковыя совпаденія въ формахъ глаголовъ могутъ насъ смущать лишь только до производства анализа морфологическаго состава глагольныхъ формъ.*

Итакъ, глаголы русскаго языка бываютъ или *нетематическіе (архаическіе)*, или *тематическіе*. Послѣдніе раздѣляются на: глаголы I-го спряженія съ тематическимъ гласнымъ *-е* и глаголы II-го спряженія съ тематическимъ гласнымъ *-и*. Съ помощью этихъ гласныхъ образуются *основы настоящаго времени*. Всѣ тематическіе глаголы *по основамъ инфинитива* раздѣляются на *шесть классовъ;* въ основу этого дѣленія кладется *примѣта*, или *суффиксъ инфинитива*.

Къ I-му спряженію принадлежатъ: всѣ глаголы I-го, II-го, V-го и VI-го классовъ; ко II-му спряженію принадлежатъ всѣ глаголы IV-го класса. А III-ій классъ обнимаетъ собой частью глаголы I-го спряженія, частью—II-го спряженія, смотря по способу образованія формъ настоящаго времени (см. выше). Очевидно, что въ русскомъ языкѣ глаголовъ I-го спряженія гораздо больше, чѣмъ глаголовъ II-го спряженія.

Разрядъ Б. глаголовъ VI-го класса; глагольныя примѣты *-ыва* и *-ива*. Подробное разсмотрѣніе этого разряда VI-го класса глаголовъ нисколько не измѣнитъ нашихъ итоговъ, полученныхъ нами выше изъ анализа всѣхъ шести классовъ русскихъ глаголовъ, за исключеніемъ даннаго одного разряда. Но для полноты классификаціи глаголовъ необходимо разобрать и этотъ разрядъ (VI. Б.).

Прежде всего надо вникнуть въ морфологическій составъ глагольныхъ формъ глаголовъ, относящихся сюда. Возьмемъ два примѣра:

ряж-ива-ть и шуч-ива-ть
или:
суж-ива-ть и мѣч-ива-ть.

Изъ отношенія этихъ глаголовъ попарно къ глаголамъ: *рядить, шутить* и *судить, мѣтить* мы заключаемъ, что примѣта *-ива-* вноситъ въ глагольную основу *значеніе многократности*. А изъ согласныхъ *ж* и *ч* въ глагольныхъ основахъ: ряж-, суж-, шуч-, мѣч-, мы заключаемъ, что эти глаголы съ примѣтою *-ива-* образованы отъ основъ формъ 1-го лица ед. числа наст. времени (т. е. глагольныхъ основъ) глаголовъ IV-го класса: ряжу́, сужу́, шучу́, мѣ́чу. То же самое мы увидимъ и при образованіи другихъ глаголовъ съ примѣтою *-ива-*, т. е. *со значеніемъ многократности*, если только основной глаголъ будетъ IV-го класса, т. е. съ примѣтою *-и*. Въ приведенныхъ примѣрахъ мы видѣли основные глаголы съ основою на *зубной* согласный *д* и *т*: *рядить, судить, шутить, мѣтить* (ряд-и-ть, суд-и-ть, шут-и-ть, мѣт-и-ть: ряж-у, суж-у, шуч-у, мѣч-у: ряж-ива-ть, суж-ива-ть, шуч-ива-ть, мѣч-ива-ть). Теперь приведемъ основы на *губной* согласный въ глаголахъ IV-го же класса:

любл-ю топл-ю ловл-ю кормл-ю
любл-ива-ть тапл-ива-ть лавл-ива-ть кармл-ива-ть.

Выше мы отмѣтили, что такія образованія формъ 1-го лица ед. ч. настоящаго времени указываютъ своими *звуковыми измѣненіями* на присутствіе звука *-j* въ образованіи этихъ формъ. (См. выше IV-ый классъ глаголовъ и Примѣчаніе).

Далѣе мы выше же отмѣтили, что звукъ *j* участвуетъ въ образованіи формы 1-го лица ед. числа наст. времени и глаголовъ III-ьяго

класса съ примѣтою *-ѣ*, если настоящее время здѣсь образуется отъ глагольной основы съ тематическимъ гласнымъ *-и*, т. е. по 2-му спряженію. (См. выше III. 2.).

Такимъ образомъ: если мы найдемъ, что *для значенія многократности* съ примѣтою *-ива-* глаголы VI-го класса образуются *отъ основы 1-го лица настоящаго времени* и въ томъ случаѣ, если основными глаголами, отъ которыхъ намъ нужно образовать VI-й классъ со значеніемъ многократности, будутъ глаголы III-го класса съ тематической гласной въ наст. времени *-и-*, т. е. по III. 2., то мы можемъ сказать вообще, что *въ глаголахъ 2-го спряженія* (*тематич. гласный -и-*) *III-го и IV-го классовъ примѣта -ива для образованія глаголовъ VI-го класса присоединяется къ основѣ 1-го лица ед. ч. наст. времени.*

Въ самомъ дѣлѣ:

сиж-ива-ть	верч-ива-ть	капч-ива-ть	свищ-ива-ть

При сравненіи съ:

	сиж-у	верч-у	копч-у	свищ-у́
При:	сид-ѣ-ть	верт-ѣ-ть	копт-ѣ-ть	свист-ѣ-ть
	сиди-шь и т. д.	верти-шь и т. д.	копти-шь и т. д.	свист-и́-шь ит.д.

оправдываютъ вышеизложенное наше заключеніе, выведенное изъ анализа глаголовъ разсматриваемаго класса. Другой разрядъ глаголовъ III-го класса съ примѣтою *-ѣ*, образующій свои формы по III. 1. (см. выше), *при многократности значенія* пользуется вышеизложенными средствами, т. е. образуетъ изъ основы инфинитива глаголовъ III-го класса глаголы V-го класса съ примѣтою *-а*, вставляя между *-ѣ-* и *-а-* звукъ *-в-*: *-ѣва-*. (См. выше. Примѣчаніе при разрядѣ А глаголовъ VI-го класса). Глаголы же I, II и V-го классовъ образуютъ значеніе многократности съ суф. *-ыва-*, *-ива-*, присоединяя эти послѣдніе суффиксы *къ корню* основныхъ глаголовъ. (Или къ основѣ 1-го лица ед. ч. наст. времени, если эта послѣдняя совпадаетъ по звукамъ своимъ съ корнемъ).

Напр., плет-ыва-ть мет-ыва-ть греб-ыва-ть пек-ива-ть
пад-ыва-ть кал-ыва-ть мал-ыва-ть бѣг-ива-ть
клад-ыва-ть пряд-ыва-ть пар-ыва-ть палз-ыва-ть и под.

Это—глаголы VI-го класса, образованные отъ глаголовъ I-го класса (безпримѣтныхъ) съ помощью примѣтъ *-ыва-* и *-ива-* для значенія многократности. Само собой разумѣется, что эти примѣты VI-го класса могутъ присоединяться къ корню глагола (къ глагольной основѣ въ I-мъ классѣ) только въ томъ случаѣ, если корень—основа оканчивается на *согласный* звукъ.

Именно:

плет-ти	мет-ти	греб-ти	пек-ти
(плет-у)	(мет-у)	(греб-у)	(пек-у)
плет-	мет-	греб-	пек-

Замѣчанія:

Сочетанія: *тт*, *кт*, *бт* измѣняются фонетически въ: плести, мести, печь; но: грести—по аналогіи съ „мести“ черезъ гребти—грети. См. фонетику.

пас-ть	коло-ть	моло-ть	бѣчь	Изъ: пад-ть, *kolti, *melti, бѣг-ть фонетически. См. фонетику и выше.
(пад-у)	(кол'-у)	(мел'-у)	(бѣг-у)	
пад-	кол-	мел-	бѣг-	
клас-ть	пряс-ть	поро-ть	полз-ти	„палзывать“ возможно и отъ гл. V-го класса: ползать—ползаю и т. д. См. ниже.
(клад-у)	(пряд-у)	(пор'-у)	(полз-у)	
клад-	пряд-	пор-	полз-	

Кромѣ того, видно, что примѣты *-ыва-* и *-ива-* образуютъ вообще глаголы *отглагольнаго* типа, слѣдовательно, представляютъ собой какъ-бы несамостоятельный отдѣлъ глаголовъ, т. к. глаголы этого разряда образовались уже на почвѣ глаголовъ другихъ классовъ (см. ниже). Далѣе, примѣта *-ыва-* по существу не отличается отъ примѣты *-ива-*: разница между ними заключается лишь въ томъ, что примѣта *-ыва-*, естественно, присоединяется къ основѣ, оканчивающейся на согласный *твердый, не смягченный*, а примѣта *-ива-*, наоборотъ,—на согласный *мягкій, смягченный*. Само собой разумѣется, что, если глагольная основа (или корень) оканчивается на одинъ изъ задненебныхъ согласныхъ (*г, к, х* или съ предшествующими звуками *з* и *с*. См. выше и фонетику), то за ней слѣдуетъ—примѣта *-ыва-*, а не *-ива-*; и лишь *въ силу условности нашей орѳографіи* мы видимъ на письмѣ *-ива-* вм. *-ыва-* послѣ согласныхъ *г, к, х*. Поэтому и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, слѣдуетъ остерегаться принимать буквенные знаки за выраженіе звуковъ русскаго языка. Напр., мы имѣемъ: *вс-трях-ива-ть* отъ глагола тряс-ти (изъ *трях-ти) при формѣ 1-го лица ед. ч. наст. времени: тряс-у. Въ *литературномъ* (московскомъ) русскомъ произношеніи мы имѣемъ: *вс-трях-ыва-ть, по-трях-ыва-ть* и под., т. е. звукъ *х* звучитъ здѣсь вездѣ *твердо*, хотя гласный послѣ него *редуцированный*, но *задняго ряда*: фонетическое написаніе нашего литературнаго произношенія было-бы: фстр'áхъват' и под.

Еслибы мы имѣли въ этомъ глаголѣ VI-го класса, образовавшемся изъ глагола I-го класса, форму инфинитива съ примѣтою VI-го класса въ образованіи этой послѣдней отъ основы настоящаго времени глагола *тряс-ти*, а не отъ *корня* глагола, то она звучала бы: *вс-тряс-ыва-ть* и под., однако мы имѣемъ *вс-трях-ива-ть* и под., т. е. производство *отъ корня трях-*, (см. о корнѣ выше и мою Этимологію), а *не отъ основы тряс-*. Наконецъ, надо имѣть въ виду, что всѣ глаголы VI-го класса разряда Б. ведутъ свое спряженіе формъ настоящаго времени по типу глаголовъ V-го класса 1-го вида (см. выше), т. е. образуютъ формы настоящаго времени присоединеніемъ тематическаго гласнаго *-е къ основѣ инфинитива* даннаго глагола VI-го класса съ примѣтою *-ыва-* (*-ива-*). Такъ:

1 л. ед. ч.	об-суж-ива-ю	вы-шуч-ива-ю	про-тапл-ива-ю
	об-суж-ива-е-шь	вы-шуч-ива-е-шь	про-тапл-ива-е-те
	об-суж-ива-е-те...	вы-шуч-ива-ютъ	про-тапл-ива-ютъ...
	вс-кармл-ива-ю	про-сиж-ива-ю	за-капч-ива-ю
	вс-кармл-ива-е-шь	про-сиж-ива-е-шь	за-капч-ива-е-шь,
	вс-кармл-ива-е-тъ	про-сиж-ива-е-тъ	за-капч-ива-е-тъ

1 л. мн. ч. вс-кармл-ива-е-мъ про-сиж-ива-е-мъ за-капч-ива-е-мъ
вс-кармл-ива-е-те про-сиж-ива-е-те за-капч-ива-е-те
вс-кармл-ива-ютъ про-сиж-ива-ютъ за-капч-ива-ютъ

Ед. за-мет-ыва-ю вы-клад-ыва-ю вы-пар-ыва-ю на-мал-ыва-ю
за-мет-ыва-е-шь вы-клад-ыва-е-шь вы-пар-ыва-е-шь на-мал-ыва-е-шь
за-мет-ыва-е-тъ вы-клад-ыва-е-тъ вы-пар-ыва-е-тъ на-мал-ыва-е-тъ
Мн. за-мет-ыва-е-мъ вы-клад-ыва-е-мъ вы-пар-ыва-е-мъ на-мал-ыва-е-мъ
за-мет-ыва-е-те вы-клад-ыва-е-те вы-пар-ыва-е-те на-мал-ыва-е-те
за-мет-ыва-ютъ вы-клад-ыва-ютъ вы-пар-ыва-ютъ на-мал-ыва-ютъ

Ед. вс-трях-ива-ю и проч. под.
вс-трях-ива-е-шь
вс-трях-ива-е-тъ
Мн. вс-трях-ива-е-мъ
вс-трях-ива-е-те
вс-трях-ива-ютъ. Точно такъ и всѣ прочіе глаголы этого класса и этого разряда.

Теперь намъ остается еще показать образованія глаголовъ VI-го класса разряда Б. *со значеніемъ многократности* отъ глаголовъ II-го класса и глаголовъ V-го класса.

II-й классъ характеризуется примѣтою *-ну*. (См. II-й классъ). Замѣчательно, что эта примѣта совершенно не входитъ въ образованіе глаголовъ VI. Б. Такъ:

пуг-ну-ть крик-ну-ть пих-ну-ть дрог-ну-ть вз-визг-ну-ть
шеп-ну-ть лиз-ну-ть хлеб-ну-ть кол'-ну-ть храп-ну-ть
хром-ну-ть *обман-ну-ть топ-ну-ть ныр-ну-ть пис-ну́-ть
свис(т)-ну-ть маз-ну́-ть и друг. под.

Соотвѣтствующіе глаголы VI. Б класса *со значеніемъ многократности* будутъ:

пуг-ива-ть крик-ива-ть пих-ива-ть драг-ива-ть вз-визг-ива-ть
шепт-ыва-ть лиз-ыва-ть хлеб-ыва-ть кал-ыва-ть храп-ыва-ть
храм-ыва-ть обман-ыва-ть топ-ыва-ть ныр-ива-ть пис-ыва-ть
свист-ыва-ть маз-ыва-ть и под. друг.

Здѣсь мы остановимся на образованіи глаголовъ VI. Б класса слѣдующихъ:

(вз)др*а*г-ива-ть при (вз)др*о*г-ну-ть и дрож-а-ть
шепт-ыва-ть при шеп-ну-ть и шепт-а-ть
к*а*л-ыва-ть при кол'-ну-ть и коло-ть
хр*а*п-ыва-ть при храп-ну-ть и храп-ѣ-ть
обман-ыва-ть при обма(н)-ну-ть
св*и*ст-ыва-ть при свис(т)-ну-ть и свист-а-ть

Во-первыхъ, коренное *о* чередуется часто (*но не всегда въ современномъ* русскомъ языкѣ при образованіи глагола со значеніемъ многократности суффиксомъ *-ыва-*, *-ива-*. Прежде въ русскомъ языкѣ, *въ эпоху дѣйствія закона чередованія гласныхъ звуковъ*—см. мою Этимологію, отдѣлъ Фонетики—чередованіе *о* съ *а* было обязательнымъ въ строго опредѣленныхъ случаяхъ, но глаголы VI. Б класса съ при-

мѣтами *-ыва-, -ива-* почти не были извѣстны древнему русскому языку: эти глаголы со значеніемъ многократности представляютъ *новообразованіе* въ русскомъ языкѣ. Слѣдовательно, въ ту эпоху, когда въ русскомъ языкѣ появились *новообразованія* съ глагольными суффиксами *-ыва-* и *-ива- при значеніи многократности*, законъ *стараго* чередованія гласныхъ *о—а* уже потерялъ свое дѣйствіе и свою обязательную силу) со звукомъ *-а* въ этихъ глаголахъ: *дрог- драг-, кол-кал-, хром- храм-*; однако: топ-ну-ть: топ-ыва-ть и тап-ыва-ть...

Во-вторыхъ, глаголы: шепт-ыва-ть, свист-ыва-ть и друг., собственно говоря, *не даютъ точныхъ указаній* въ пользу того, что они образованы, именно, отъ глаголовъ II-го класса, т. е. отъ глаголовъ съ примѣтою *-ну-*. Въ самомъ дѣлѣ, въ нихъ примѣты *-ыва-* и *-ива-* могутъ присоединяться и къ глагольнымъ основамъ (или къ корнямъ глаголовъ) глаголовъ V-го класса „полно-јотоваго“ типа или „безјотоваго“ типа, т. е. *V-го класса 1-го спряженія*. Именно:

шепт-а-ть или	свист-а-ть	
шепч-у	свищ-у	
шепч-е-шь	свищ-е-шь	
и т. д.	и т. д.	См. выше.

Такимъ образомъ, *въ формахъ инфинитива* съ примѣтами *-ыва-* и *-ива-* мы находимъ *указаніе лишь на то, что такія формы* образуются безъ участія примѣты *-ну-* II-го класса и примѣты *-а-* V-го класса, т. е. *образуется прямо отъ глагольной основы или отъ корня глагола* и, *образовавъ уже новую основу инфинитива съ примѣтами* **-ыва** *или* **-ива-**, *отъ этой новой основы инфинитива образуютъ формы настоящаго времени присоединеніемъ къ этой новой инфинитивной основѣ тематическаго гласнаго* **-е**, *т. е. становятся всѣ глаголами I-го спряженія.* (См. образцы выше).

Ясное дѣло, что, такъ какъ глагольная основа (а еще того болѣе—корень глагола) по своимъ звукамъ бываетъ одинакова и въ глаголахъ II-го класса и въ глаголахъ V-го класса: напр., *свис(т)*-ну-ть и *свист*-а-ть, *шеп(т)*-ну-ть и *шепт*-а-ть и под., то никогда нельзя на основаніи морфологическаго анализа категорически рѣшить *въ такихъ случаяхъ*, отъ какой, *именно*, глагольной формы *съ указанною основой* образованъ глаголъ VI. Б. класса *со значеніемъ многократности. Однако есть очень интересные случаи, которые своимъ образованіемъ основъ инфинитива* VI. Б. *класса даютъ намъ достовѣрное указаніе и на источникъ своего образованія.* Напр., *вз-драг-ива-ть* имѣетъ фонетически видоизмѣненный (*о—а*) корень (основу): *драг-*. Сравнивая между собой глаголы *дрог-ну-ть* II-го класса и *дрож-а-ть* V-го класса по основамъ (по корнямъ) съ точки зрѣнія ихъ звукового состава, мы видимъ, что глаголъ *вз-драг-ива-ть* VI-го класса не можетъ быть образованъ отъ глагольной основы V-го класса въ глаголѣ *дрож-а-ть*, т. е. не можетъ быть образованъ отъ основы *дрож-*, т. к. въ такомъ случаѣ было бы *вз-драж-ива-ть* (или: *вз-дрож-ива-ть*. См. о коренномъ *о—а* выше. Срв. также: *суж-ива-ть* выше). Слѣдовательно, остается вывести заключеніе,

что глаголъ VI-го класса *вз-драг-ива-ть* образованъ отъ основы (корня) *дрог-*, которую мы имѣемъ въ глаголѣ II-го класса: *дрог-ну-ть*.

Равнымъ образомъ: глаголъ *по-храп-ыва-ть* могъ быть образованъ *только* отъ глагола II-го класса: *храп-ну-ть*, т. к. только въ образованіи этого глагола мы находимъ ту глагольную основу (она же въ данномъ случаѣ и—корень глагола, именно: *храп-*), которая легла въ основаніе образованія и глагола VI-го класса со значеніемъ многократности, именно, въ основаніе образованія глагола: *по-храп-ыва-ть*. Въ самомъ дѣлѣ, *изслѣдованіе морфологическаго состава глагольныхъ формъ русскаго языка привело насъ въ предыдущихъ отдѣлахъ настоящаго нашего труда къ заключенію о возможности построить теорію образованія шести глагольныхъ классовъ, и мы эту теорію построили выше. она оказалась вѣрною, т. к. выдержала провѣрку при образованіи каждой новой формы въ каждомъ изъ шести классовъ русскаго глагола.*

Въ виду не только научной важности такой постоянной провѣрки, но и ея высокаго интереса, мы займемся провѣркою нашего вывода относительно образованія формы инфинитива въ глаголѣ: *по-храп-ыва-ть*.

Во-первыхъ, въ образованіи этой формы, согласно вышесказанному, не должна участвовать примѣта *-ну*: ея и нѣтъ въ этой формѣ.

Во-вторыхъ, отъ основы *храп-* нѣтъ въ русскомъ языкѣ глагола V-го класса съ примѣтою *-а*. Слѣдовательно, наша форма не могла образоваться при посредствѣ глагольной формы инфинитива V-го класса.

Въ-третьихъ, на основаніи предыдушаго же пункта остается сдѣлать заключеніе, что и при посредствѣ глаголовъ I-го, IV-го и VI-го класса рязряда А, слѣдовательно, не могла образоваться наша форма *по-храп-ыва-ть*.

Наконецъ, въ-четвертыхъ, остается сдѣлать провѣрку образованій глаголовъ нашего разряда Б класса VI-го по глаголамъ III-го класса: III-й классъ отъ нашей основы *храп-* въ русскомъ языкѣ *есть*, именно, *храп-ѣ-ть*: храпл-ю, храпи-шь, храп-ятъ и проч. Но наша форма *храп-ыва-ть* исключаетъ всякую возможность производить ее отъ основы 1-го лица ед. ч. наст. времени *храпл'-* или отъ основы настоящаго времени *храпи-* (см. III. 2.—выше), такъ какъ въ такомъ случаѣ мы имѣли бы: *по-храпл'-ива-ть*, а не *по-храп-ыва-ть*. Срв. *терп-ѣ-ть*: терпл-ю, терпи-шь, терп-ятъ и проч. при: *вы-терпл'-ива-ть*.

Остается, слѣдовательно, заключить, что нашъ глаголъ VI-го класса разряда Б. (а мы должны помнить, что всѣ такіе глаголы—*отглагольнаго* образованія. См. выше), именно, глаголъ *по-храп-ыва-ть* образованъ при посредствѣ глагола *храп-ну-ть*. Если же мы допустимъ (противъ нашей теоріи), что данный нашъ глаголъ образованъ *непосредственно*, т. е. минуя всѣ глагольныя образованія всѣхъ прочихъ классовъ, отъ корня *храп-*, то и это не измѣнитъ по существу нашего заключенія объ образованіи глагола *по-храп-ыва-ть*, т. к. и самъ глаголъ *храп-ну-ть*, черезъ посредство котораго мы ведемъ форму *по-храп-ыва-ть* тоже образованъ отъ корня *храп-*, а, мы знаемъ, что примѣта *-ну-* не принимаетъ участія въ образованіи отглагольныхъ

глаголовъ VI. Б класса. (См. выше). Кромѣ того, если бы мы на минуту *допустили*, что нашъ глаголъ *по-храп-ыва-ть* могъ образоваться *непосредственно* отъ корня, минуя всѣ глагольныя образованія прочихъ классовъ, то мы натолкнулись бы на фактъ языка, который доказалъ бы намъ *невозможность такого, хотя бы и минутнаго, допущенія*: именно, глаголъ: *рас(ис, пере)-толк-ов-ыва-ть* ясно доказываетъ, во-первыхъ, что онъ образованъ *при посредствѣ* глагола VI. А. класса *толк-ова-ть*, т. к. въ немъ сохраняется даже примѣта этого класса и разряда *-ов-*, а, во-вторыхъ, не менѣе ясно мы видимъ по образованію такихъ глаголовъ, какъ: *рас-толк-ов-ыва-ть* и под., что въ нихъ къ одной примѣтѣ VI. А. класса присоединяется *для означенія многократности* еще другая примѣта того же VI-го класса, только разряда Б. Въ-третьихъ, ясно видно, что при соединеніи въ одной формѣ инфинитива двухъ примѣтъ VI-го класса разныхъ разрядовъ (А + Б) общая ихъ звуковая часть, именно, *а*—примѣта V-го класса—не повторяется, а сокращается (исчезаетъ) въ первомъ слагаемомъ *-ов* + *а-* (*-ова-*), сохраняясь во второмъ *-ыв* + *а-* (*-ыва-*), такъ что при сочетаніи получается *ов-ыва*. Кромѣ того, этотъ примѣръ еще разъ подтверждаетъ и то выше отмѣченное положеніе, что глаголы этой разновидности VI-го класса образуютъ форму инфинитива не отъ основы настоящаго времени (*толку-* и *толкуе-*), а *отъ глагольной основы* (въ данномъ случаѣ не совпадающей съ корнемъ: *толков-*). Глагольная основа въ глаголѣ *толк-ов-а-ть* (*толк-ова-ть*) будетъ: *толков-*, основа инфитива—*толк-ова-*, а корень—*толк-*. Сравни спряженіе: *толку*-j-у, *толку*-j-е-шь и проч., съ одной стороны,—и спряженіе: *толковыва*-j-у, *толковыва*-j-е-шь и проч., съ другой. Не надо смѣшивать такія образованія VI-го Б. класса *съ двойной примѣтой*, сложенной *изъ двухъ примѣтъ обоихъ разрядовъ* класса VI-го (ова + ыва = ов + ыва = овыва), съ такими образованіями, какъ: за-сов-ыва-ть, рас-ков-ыва-ть, вы-плев-ыва-ть, вы-блев-ыва-ть и под., въ которыхъ вовсе не двойная примѣта, а только одна *-ыва-*; слоги же *-ов-*, *-ев-* передъ примѣтою *-ыва-* принадлежатъ въ такихъ глаголахъ *корню* (см. выше. V. 2. А): сов//су, ков//ку, плев//пл'у, блев//бл'у и проч. Слѣдовательно, въ такихъ образованіяхъ мы имѣемъ дѣло лишь *съ случайными совпаденіями* съ образованіями, состоящими изъ двойной примѣты обоихъ разрядовъ VI-го класса; такія образованія, повторяю, представляютъ одну примѣту VI-го класса разряда Б, т. е. примѣту *-ыва-*.

Возьмемъ, съ цѣлью провѣрки нашихъ теоретическихъ положеній, еще примѣры: *образ-ов-ыва-ть, под-тас-ов-ыва-ть, от-меж-ов-ыва-ть, вы-танц-ов-ыва-ть* и мн. др.; всѣ эти глагольныя образованія только подтверждаютъ наши положенія и вышеприведенные выводы, не внося въ нихъ ничего новаго. Поэтому мы считаемъ возможнымъ ограничиться этими примѣрами и высказать убѣжденіе, что наша теорія вѣрна, потому что оправдывается фактами языка и ихъ анализомъ.

Теперь перейдемъ къ оставшимся не разобранными примѣрамъ,

(см. выше) и посмотримъ образованіе формы *вз-визг-ива-ть*. Имѣя глагольныя формы: *визжать* (произн. *вижжать*. См. выше V-й классъ) и *визгнуть* (см. выше II-й классъ), мы, на основаніи вышеприведеннаго нашего наблюденія, можемъ теперь утверждать, что глаголъ *вз-визг-ива-ть* образованъ отъ (или черезъ посредство) формы *визг-ну-ть*, а не *визж-а-ть*; срв. *трещ-а-ть*, *трес(к)-ну-ть*, *по-треск-ива-ть*; онъ также образованъ отъ формы *трес-ну-ть* (изъ *треск-ну-ть)*, а не отъ *трещ-а-ть*. Эти глаголы собственно III-го класса съ примѣтою *-ѣ*: изъ **визг-ѣ-ть*, **треск-ѣ-ть* и под. (См. выше III. 2 и V. 2. Б и Примѣчаніе). Срв. также глаголъ V-го класса *иск-а-ть* (см. выше V. 2. Б, Примѣчаніе и итогъ): ищ-у, ищ-е-шь и проч. Образованіе *со значеніемъ многократности* по типу VI. Б. будетъ: *иск-ива-ть*, какъ и слѣдовало ожидать, а не *ищ-ива-ть*, п. ч. это образованіе идетъ отъ *корня* (глагольной основы), и въ немъ не участвуетъ примѣта *-а-* V-го класса. (См. выше).

При разсмотрѣніи этихъ и подобныхъ глагольныхъ образованій мы наталкиваемся на тѣ звуковыя измѣненія, которыя наблюдаемъ передъ примѣтой *-ну*. Въ самомъ дѣлѣ, очень интересно всмотрѣться въ образованіе слѣдующихъ глаголовъ: *крик-ну-ть*, *пис(к)-ну-ть*, *визг-ну-ть*, *дрог-ну-ть*, *дви(г)-ну-ть*, *тро(г)-ну-ть*, *пих-ну-ть*, *сох-ну-ть*, *глот-ну-ть*, *вя(д)-ну-ть*, *сты(д)-ну-ть*, *мот-ну-ть*, *шеп(т)-ну-ть*, *свис(т)-ну-ть*, *мет-ну-ть*, *ки(д)-ну-ть*, *бод-ну-ть*, *руб-ну-ть*, *лоп-ну-ть*, *кив-ну-ть*, *кол'-ну-ть*, *обма(н)-ну-ть*, *то(п)-ну-ть* и *топ-ну-ть*, *п(ь)(н)-ну-ть*, *гиб-ну-ть*, *г(ъ)(б)-ну-ть* и друг. Группируя эти глаголы по тѣмъ согласнымъ, которые находятся въ положеніи передъ примѣтой *-ну-*, мы можемъ расположить матеріалъ въ такомъ порядкѣ:

1. *задненебные* передъ *-ну-*: *крикнуть*, *дрогнуть*, *двинуть*, *тронуть*, *сохнуть*;

2. *задненебные съ предшествующими з* и *с* передъ *-ну-*: *пис(к)нуть*, *визгнуть;*

3. *зубные передъ -ну-*: *глотнуть*, *вя(д)нуть*, *сты(д)нуть*, *мотнуть*, *метнуть*, *ки(д)-нуть*, *боднуть*, *обма(н)нуть*, *п(н)нуть;*

4. *Сочетанія согласныхъ, оканчивающіяся на зубной* т *передъ* -ну-: *свис(т)нуть*, *шеп(т)нуть*.

5. *Губные передъ -ну-*: *рубнуть*, *лопнуть*, *кивнуть*, *топнуть*, *то(п)нуть*, *гибнуть*, *г(б)нуть*.

Во всѣхъ этихъ пунктахъ, кромѣ 4-го пункта, гдѣ встрѣчаемъ стеченіе согласныхъ: *ст*, *зд*, *пт* передъ *-ну-*, которое (быть можетъ) и препятствуетъ произношенію группъ звуковъ: *стн*, *здн*, *птн*, мы находимъ одинаково какъ *случаи сохраненія согласныхъ задненебныхъ*, *зубныхъ и губныхъ* передъ примѣтою *-ну-*, *такъ и случаи исчезновенія* (послѣ процесса ассимиляціи, конечно,—) *этихъ же согласныхъ передъ примѣтою* -ну-. Кажется, только сочетанія *ск*, *(зг?)*, *ст* и *зд*, а также *пт* довольно устойчиво теряютъ задненебные и зубные передъ *-ну-*, причемъ въ сочетаніи *пт* мы имѣемъ дѣло со старой утратой гласнаго *ъ* между *п* и *т*: др. р. шьпъть и тъпъть, современное „шопотъ“, „то-

потъ", причемъ род. п. ед. ч. долженъ быть: шьп(ъ)та, тъп(ъ)та, откуда: „шептать", топтать", и, конечно, отъ этой основы было бы: „шепотнуть", „топотнуть" со звукомъ *о* передъ *т+н,* вслѣдствіе чего не было бы стеченія согласныхъ *птн.* Срв. у *Пушкина.* (Кап. Дочка. Глава V.) „по шепту" произнесъ... У него же (Рославлевъ): по-шепту и др.

Такимъ образомъ, *нельзя, кажется, причислять къ исконнымъ и основнымъ особенностямъ русскаго языка въ отличіе его отъ западнославянскихъ языковъ утрату звука* д *передъ* н: срв. выше у насъ: *бод-ну-ть* при *бод-а-ть*: древнее бости. (См. у *Соболевскаго*: «Лекціи по исторіи русскаго языка". М. 1907. Изд. 4-е. Стр. 22).

Указанія діалектологіи русскаго языка чрезвычайно важны и въ данномъ отношеніи: въ виду нашего литературнаго „*глотнуть*" при народномъ *глону́ть,* а также въ виду народнаго „*попа́нетъ*" (Ряз.-Скоп.) при литературномъ „*попадётъ*", можно установить утрату *зубного н* передъ *-ну-* и въ образованіяхъ: *обма(н)-ну-ть* и *п(н)-ну-ть* при *обман-ыва-ть* и *пин-а-ть.* При этомъ припомнимъ, что глагольной примѣты *-у-* вовсе нѣтъ. (См. выше). Діалектическое казанское „*пинну́лъ ногой*" произносится съ *долгимъ* (двойнымъ) звукомъ *н.* Діалектическая форма „*попа́нетъ*" (=*попадётъ*) образована фонетически совершенно правильно: *пасть* (изъ пад-ть): *па́д-а-ть;* корень (основа) *-пад-*; настоящее время: *пад-у́, пад-е́-шь;* и проч. Съ примѣтой *-ну-*: *па(д)-ну-ть* (срв. *вя(д)-ну-ть*); *па́-н-у, па́-н-е-шь, па́-н-е-тъ* и т. д. со значеніемъ будущаго времени. Срв. др.-русское втечѣть—наст. время = „втекаетъ": а днѣпръ втечѣть в понетьское море жереломъ еже море словеть руское (Повѣсть вр. лѣтъ по Лавр. списку. Фототип. изд. Археогр. Комиссіи. СПБ. 1872 г. Стр. 5—6). И донынѣ многіе говорятъ (въ особенности семинаристы) такъ: „Куда *впадётъ* Волга"? спрашиваетъ учитель географіи (изъ семинаристовъ) ученика. Ученикъ отвѣтилъ: „Волга *впадаетъ* въ Каспійское море". (Фактъ! Въ моихъ записныхъ книжкахъ много подобныхъ примѣровъ). Ясно, что въ тѣхъ діалектахъ русскаго языка, гдѣ (повсемѣстно въ Ряз. губерніи) существуетъ форма „*попа́нетъ*", „*впа́нетъ*", она имѣетъ значеніе *будущаго* времени, а при ней формы: *падётъ, впадётъ* служатъ *дѣйствительнымъ настоящимъ временемъ,* какъ и должно быть исторически: срв. выше втечѣть. То же мы имѣемъ и у Пушкина. (См. мой „Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина. Вып. III. Глаголъ. СПБ. 1904. Стр. 24).

Что касается оставшагося еще глагола „*кол'-ну-ть*" при „*коло-ть*" (изъ *kolti = кол-ть. См. выше), то его палатализованное („мягкое") *л'* какъ-будто указываетъ на то, что этотъ глаголъ II-го класса образованъ отъ глагольной основы (=основы 1-го лица ед. ч. наст. времени) *кол'-*: срв. кол'-у, кол'-е-шь, кол'-утъ. Но глагольное образованіе *со значеніемъ многократности: кал-ыва-ть,* въ свою очередь, указываетъ своимъ *твердымъ л* на образованіе отъ корня *кол-* (*кол-ть, кол-ти*). Срв. *кал-и-ть* и *за-ка́л-ива-ть*; но: *поло-ть* (*пол-ть): *за-пал-ыва-ть*; *поро-ть* (*пор-ти, *пор-ть): *за-пар-ыва-ть* при наст. времени *пор'-у, пор'-е-шь, пор'-утъ* и проч. Вотъ мы и ожидали бы, что, если

при образованіи глагола VI-го Б класса имѣетъ значеніе *качество корневого согласнаго*, то *при твердомъ корневомъ согласномъ глаголъ, образованный отъ корня, долженъ сохранять этотъ твердый корневой согласный и въ формѣ инфинитива съ примѣтой VI. Б класса, т. е. имѣть примѣту* **-ыва-**, *а не* **-ива-**. Однако стоитъ только сравнить глагольныя образованія: *по-гляд-ыва-ть* и *по-сиж-ива-ть* (а не *по-сид-ыва-ть!)* при *гляд-ѣ-ть* и *сид-ѣ-ть*: *гляж-у*, *сиж-у*; *гляд-и-шь*, *сид-и-шь*; *гляд-ятъ*, *сид-ятъ* и проч., чтобы задаться вопросомъ: *„почему это такъ?“* Въ самомъ дѣлѣ, если глаголъ *„посиживать“* образованъ отъ *jотовой* основы 1-го лица наст. времени *сиж-*, то почему глаголъ *„поглядывать“* образованъ не отъ такой же основы *гляж-* (наст. вр. 1-е лицо ед. ч. *гляж-у...)*, а отъ корня *гляд?* Мы ожидали бы или въ обоихъ случаяхъ: *„посиживать“*, *„погляживать“*, или въ обоихъ случаяхъ: *„посидывать“*, *„поглядывать“!* Само собой разумѣется, что, *на основаніи всей выставленной выше теоріи, такія образованія VI, Б класса, какъ* **„поглядывать“**, *убѣдительно и настойчиво указываютъ на посредство глаголовъ II-го класса съ примѣтою* **-ну-** *при образованіи глаголовъ VI. Б. класса, т. е. на глаголы* **гля(д)-ну-ть** *и проч.* Но если такихъ глаголовъ нѣтъ? Напр., отъ глагола *сид-ѣ-ть* нѣтъ образованія съ примѣтой *-ну-*, т. е. *сид-ну-ть!* Очевидно, тогда глаголъ VI Б класса образуется *для означенія многократности не отъ корня* глагола, *а отъ основы 1-го лица ед. ч. наст. времени: про-сиж-ива-ть.*

Значитъ, въ итогѣ мы добыли слѣдующій **законъ**: *глаголы II-го и V-го классовъ при образованіи отъ нихъ глаголовъ VI Б класса со значеніемъ многократности выдѣляютъ для этой цѣли* **корень** (*который сохраняется въ чистотѣ звуковой и въ глаголахъ II-го класса съ примѣтою* **-ну-**); *и лишь только тѣ глаголы, которые не имѣютъ образованій съ примѣтой* **-ну-**, *образуютъ глагольныя формы VI Б класса непосредственно отъ корня и становятся глаголами не отглагольнаго образованія, а корневого, т. е. минуютъ посредствующія глагольныя образованія*: *иск-а-ть* (V-го класса): *за-иск-ива-ть*, *иск-ива-ть*. (См. выше). А не: *ищ-ива-ть*, п. ч. глагола *иск-ну-ть* нѣтъ.

Но и разобравши всѣ эти виды образованій, мы приходимъ къ заключенію, что форма *кол'-ну-ть* вмѣсто *кол-ну-ть* имѣетъ *не органическое л' мягкое, т. е. не оправдываемое закономъ. Я думаю, что здѣсь такъ же, какъ и въ другихъ случаяхъ*, (см. мою Грамматику. Этимологія. Изд. 4-е. М. 1914 г. Стр. 27), *эту аномалію надо объяснять особымъ свойствомъ и особой исторіей звука л въ русскомъ языкѣ*: срв. *стрѣл'-ну́-ть*, *у-хмыл'-ну-ть-ся*, *вил'-ну-ть* (при: *стрѣлять*, *ухмыляться*, *вилять*). Однако: *ныр-ну-ть* (при: *нырять*) и под.

ИТОГИ. На этомъ я предполагаю пока закончить свой трудъ, ожидая отзыва объ немъ со стороны компетентной критики. Я лично считаю себя до нѣкоторой степени удовлетвореннымъ уже тѣмъ, что

мнѣ удалось (какъ мнѣ кажется) построить теорію глагольныхъ образованій и пролить нѣкоторый свѣтъ на систему склоненій именъ существительныхъ въ современномъ русскомъ языкѣ, а также научно освѣтить главнѣйшіе отдѣлы синтаксиса русскаго языка. Я старался приложить свои научныя познанія къ дѣлу изслѣдованія школьнаго матеріала по отечественному языку въ интересахъ присоединенія нашей средней школы къ университетской наукѣ въ такой исключительно важной научной дисциплинѣ, какъ родной языкъ, который въ средней школѣ еще до сихъ поръ, къ несчастью нашего просвѣщенія, не имѣлъ ни общихъ съ наукой понятій, ни общаго съ наукою языка, ни ясно сознанныхъ научныхъ цѣлей. Я задавался цѣлью доказать, что наука о русскомъ языкѣ по содержанію и задачамъ—одна и та же во всѣхъ категоріяхъ школы. Назначаю я свой трудъ въ пособіе для преподавателей русскаго языка, получившихъ уже университетское образованіе.

Вмѣсто предисловія.

Многолѣтній преподавательскій опытъ такого дѣятеля школы, который имѣлъ счастье въ своей жизни соединять учебную и ученую дѣятельность въ качествѣ учителя средней школы и профессора Университета по своему любимому предмету, по своей спеціальности, кладетъ неизгладимый, выгодный для дѣла, слѣдъ на всей духовной личности этого дѣятеля. Дѣло въ слѣдующемъ: учитель средней школы, за обиліемъ своихъ прямыхъ обязанностей, въ особенности *по русскому языку*, не имѣетъ ни времени, ни силъ слѣдить за наукою и продолжать свои университетскія научныя занятія, если онъ въ то-же время не остается при Университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Онъ погружается въ изученіе *школьнаго* учебника и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отходитъ отъ научнаго міровоззрѣнія.

Школьные учебники помочь учителю не могутъ, т. к. школьные учебники *по русскому языку* представляютъ изъ себя такой пережитокъ, который, въ интересахъ образованія и просвѣщенія, нельзя терпѣть: съ теченіемъ времени прóпасть между университетской наукой о языкѣ и между школьными понятіями о русскомъ языкѣ настолько углубилась, что средняя школа и наука стали говорить совершенно на разныхъ языкахъ *объ одномъ и томъ же предметѣ*, не понимая другъ друга. Такъ, напр., *для науки* слово современнаго русскаго языка: „столъ“ оканчивается на согласный *л*, при склоненіи оно не имѣетъ падежного окончанія въ формѣ имен. пад. ед. числа; далѣе, оно представляетъ собою *чистую основу* въ склоненіи. А *для школы, для учителя средней школы*, это же слово современнаго русскаго языка оканчивается на ъ, имѣетъ падежное окончаніе въ формѣ им. п. ед. числа -ъ; для полученія основы склоненія въ этомъ словѣ надо отбросить окончаніе ъ. Такимъ образомъ, средняя школа и ея дѣятели—учителя видятъ и указываютъ въ словѣ русскаго *языка* то, *чего въ немъ нѣтъ*, т. е. принимаютъ *видимый знакъ за принадлежность языка, за звукъ языка*, и на этомъ недоразумѣніи строятъ всю систему склоненій въ *современномъ* русскомъ языкѣ, и это недоразумѣніе проходитъ красною нитью чрезъ всѣ „учебники русскаго языка“ *по всѣмъ отдѣламъ*. Школа распространяетъ превратныя понятія о языкѣ, и въ результатѣ является *полное смѣшеніе языка съ орѳографіей* и у учителей школы, и у учениковъ, и въ публикѣ...

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ раздаются въ печати совершенно справедливые голоса о томъ, что надо сблизить основныя положенія

различныхъ наукъ въ средней школѣ и въ высшей, что ненормально, если высшая школа отвергаетъ то, чему учитъ средняя школа и наоборотъ, что *школа въ государствѣ по научному содержанію преподаваемыхъ въ ней предметовъ должна быть единой* и проч.

Въ „русскомъ языкѣ“ взаимныя противорѣчія научныхъ положеній и школьныхъ ученій рѣзче всего бросаются въ глаза.

И, конечно, если въ среднюю школу попадаетъ *ученый* преподаватель своего предмета, то это *счастье* для школы: она можетъ духовно расти и подниматься *въ смыслѣ разсадника настоящаго просвѣщенія!* Само собой разумѣется, что если учитель средней школы можетъ критически отнестись къ учебнику русскаго языка и дать ученикамъ тѣ объясненія и поправки къ рутинному учебнику, которыя представятъ предметъ языковѣдѣнія въ надлежащемъ научномъ, правильномъ освѣщеніи, то учебникъ превратится въ обезвреженный матеріалъ, но если нѣтъ... Тогда—невѣжество и обскурантизмъ! Голоса *ученыхъ* борцовъ за оздоровленіе средней школы въ смыслѣ научной постановки преподаванія отечественнаго языка стали раздаваться все чаще и чаще, и вотъ теперь уже есть нѣсколько учебниковъ, *научно составленныхъ*, по русскому языку для средней школы. Въ настоящее время это уже сознано и Министерствомъ Нар. Просвѣщенія (см. „Матеріалы по реформѣ средней школы“. Журн. Мин. Нар. Просв. 1915 г. № 11), которое искренне стремится поднять дѣло преподаванія русскаго языка. (См. мою статью въ Журн. „Русская Школа“ 1901 г. Мартъ. „Грамматика русскаго литературнаго языка въ Университетѣ и въ средней школѣ“. Срв. *Пѣшковскаго:* „Школьная и научная грамматика“. М. 1914 г. и др.). Вотъ почему тотъ ученый языковѣдъ, спеціалистъ по русскому языку, который близко знакомъ и съ учебниками для средней школы, и съ постановкой преподаванія въ ней, и съ научными задачами школы, *въ нѣкоторомъ смыслѣ нравственно обязанъ придти на помощь средней школѣ.*

Какъ онъ можетъ придти на помощь средней школѣ? Какимъ путемъ онъ можетъ *на практикѣ* содѣйствовать распространенію и насажденію научно-правильныхъ представленій о фактахъ и явленіяхъ роднóго языка и тѣмъ поднимать уровень *настоящаго* просвѣщенія въ своемъ отечествѣ? Прежде всего, конечно, *своимъ преподаваніемъ* въ средней и низшей школѣ! Но отъ этого, въ лучшемъ случаѣ, получится *подъемъ только той школы*, въ которой состоитъ преподавателемъ *ученый* человѣкъ. Но опять таки это бываетъ крайне рѣдко, т. к. *въ Россіи ученыхъ представителей русскаго языка не хватаетъ даже для Университетовъ.* Остается одно: распространять путемъ печатанія руководствъ и пособій для учителей, для средней школы и для самообразованія научныя положенія о языкѣ и тѣмъ содѣйствовать развитію просвѣщенія и *сознательнаго* чувства привязанности къ оригинальнымъ и интереснымъ особенностямъ родного языка. До недавняго времени и этотъ путь былъ ненадеженъ, т. к. средняя школа подъ вліяніемъ всей системы средняго образованія намѣренно отстранялась отъ

университетской науки и ея научныхъ пособій, замыкаясь въ какую-то кастовую организацію, въ которой умышленно избѣгались представители науки съ ихъ естественными вліяніями, которыя они несли съ собой въ среднюю школу лично или при посредствѣ своихъ учебниковъ. Результаты такой школьной политики—налицо! Нѣтъ, кажется, ни одной научной дисциплины, въ которой бы такъ далеко разошлись дороги средней и высшей школы, какъ онѣ разошлись въ наукѣ объ отечественномъ языкѣ! Въ результатѣ—поразительное невѣжество русскихъ интеллигентныхъ слоевъ общества въ своемъ русскомъ языкѣ! Но все на свѣтѣ проходитъ; прошла, кажется, и эпоха насильственнаго приспособленія школьнаго изложенія русскаго языка къ изложенію мертвыхъ классическихъ языковъ! Мало-по-малу дружнымъ голосомъ всѣхъ наукъ былъ выставленъ *принципъ изученія страны, народа, его исторіи и его языка въ нихъ самихъ, въ ихъ особенностяхъ и въ ихъ проявленіяхъ*. При такомъ принципѣ и русскій языкъ представился совершенно оригинальнымъ явленіемъ русской культуры и своеобразнымъ обнаруженіемъ общеиндоевропейскихъ чертъ въ преломленіи русской среды, русской національности. Національные пошибы мысли развернулись въ русскомъ языкѣ и мало-по-малу отбросили въ сторону стремленія искать въ русскомъ языкѣ повтореній тѣхъ отличій, которыя характеризовали когда-то давно мертвые нынѣ языки.

Изученіе русскаго языка въ немъ самомъ доказало, что исторія русскаго языка сама насъ убѣдила, что древній русскій языкъ есть языкъ мертвый сравнительно съ современнымъ *живымъ* русскимъ языкомъ, который и требуетъ къ себѣ вниманія науки: явилась сравнительная и историческая діалектологія русскаго языка, русскій литературный языкъ представился однимъ изъ живыхъ нарѣчій русскаго языка съ особой звуковой физіономіей, черты которой пришлось глубоко проанализировать. Все это вмѣстѣ взятое, начиная съ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, обнаружило собой отсталость нашихъ учебниковъ по русскому языку отъ дѣйствительнаго положенія вещей, раскрытаго наукой. Но, не смотря на это движеніе въ наукѣ, *средняя школа* съ ея учебниками русской грамматики (этимологіи и синтаксиса) *осталась въ сторонѣ отъ научнаго движенія и до сей поры продолжаетъ пользоваться учебниками, по содержанію принадлежащими къ до-научному періоду*. Такое состояніе русскаго языкознанія въ средней школѣ не можетъ не отражаться крайне невыгодно на всѣхъ понятіяхъ русскаго общества, на всѣхъ его представленіяхъ о языкѣ своей страны, своего народа, своей литературы... Душа русскаго ученаго языковѣда не могла не скорбѣть отъ такого положенія средней школы, черезъ которую проходятъ ряды всѣхъ будущихъ дѣятелей на поприщѣ интеллигентнаго труда. Душевная скорбь представителей науки дошла и до Министерства, которое ревностно занимается теперь реформою преподаванія и постановки русскаго языка въ русской средней школѣ. Настоящая книга и является попыткою принести посильную помощь средней школѣ въ дѣлѣ постановки препо-

даванія отечественнаго языка, попыткою со стороны представителя науки. Если преподаватели русскаго языка и общество возьметъ изъ этой моей книги хотя бы новыя мысли и получитъ болѣе яркое представленіе о состояніи „русскаго языка“ въ нашей средней школѣ, то уже и это одно будетъ собой гарантировать будущее наступленіе лучшихъ временъ *для истиннаго просвѣщенія* въ русской средней школѣ. *Авторъ настоящаго труда будетъ и этимъ чрезвычайно доволенъ, независимо отъ того, что и въ какомъ объемѣ будетъ взято въ обиходъ средней школы по русскому языку изъ этого труда.*

Авторъ провелъ черезъ сферу своего опыта и научнаго пониманія *не всѣ вопросы и не всѣ отдѣлы* (см. выше. Итоги.) школьной грамматики русскаго языка: у него есть еще готовые матеріалы для другихъ вопросовъ и отдѣловъ, и, если компетентная критика и время оправдаютъ надежды автора, то онъ займется въ слѣдующемъ томѣ своего труда обработкою методологіи и оставшихся отдѣловъ русскаго языкознанія.

Профессоръ Евгеній Будде.

Казань 1916 г.
23 августа.

Библіографическій отдѣлъ.

(Здѣсь перечислены только нѣкоторые важнѣйшіе, по мнѣнію автора, труды на русскомъ языкѣ, въ которыхъ можно найти указанія, важныя въ *методологическомъ* отношеніи).

Фортунатовъ Ф. Ѳ. „О залогахъ русскаго глагола". СПБ. 1899.

Его-же. „О преподаваніи грамматики русскаго языка въ средней школѣ". (Труды перваго съѣзда преподавателей русскаго языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. СПБ. 1903. Приложеніе).

Тимоѳеевъ М. И. „Азбука для обученія грамотѣ по естественному методу съ изображеніями видимыхъ органовъ рѣчи и съ рисунками по американской системѣ".

Мищенко Леонидъ. „Звуковая сторона родного языка". Ф. З. 1915. Вып. IV.

Ягичъ. „Четыре критико-палеографическія статьи"... СПБ. 1884.

Гильдебрандъ. „О преподаваніи родного языка въ школѣ". Перев. *Якушкина.* 2-е изданіе. М. 1916.

Потебня А. А. „Изъ записокъ по русской грамматикѣ". I—III. Харьковъ. 2-е изданіе. 1889 и 1899 г.г.

Фортунатовъ Ф. Ѳ. „Старославянское тъ въ глаголѣ". СПБ. 1908.

Его-же. „Составъ Остромирова Евангелія". СПБ. 1908.

Будде Е. Ѳ. „Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина". I. СПБ. 1901.

Его-же. „Грамматика русскаго литературнаго языка въ средней школѣ и въ Университетѣ". Русская Школа. 1901. Мартъ.

Его-же. „Учебникъ грамматики русскаго языка". 4-е изданіе. М. 1914. Этимологія. Синтаксисъ. М. 1913 г.

Соболевскій А. И. „Лекціи по исторіи русскаго языка". 4-е изданіе. М. 1907.

Ушаковъ Д. Н. „Русское правописаніе. Очеркъ его исторіи"... М. 1911.

Шахматовъ А. А. Рецензія на трудъ *Н. М. Каринскаго*: „Говоръ города Пскова въ XV в." Ж. М. Н. Пр. 1912.

Его-же. „Къ вопросу о различеніи *j* и *i* въ слав. языкахъ". Р. Ф. В. 1903. №№ 3—4.

Его-же. „Введеніе въ курсъ исторіи русскаго языка". Птг. 1916.

Ильинскій Г. А. „Звукъ *ch* въ славянскихъ языкахъ." (Изв. II отд. А. Н. 1915 и 1916 г.г.).

Будде Е. Ѳ. „Очеркъ исторіи русскаго литературнаго языка", (Энциклопедія слав. филологіи. Вып. 12. СПБ. 1908).

Шахматовъ А. А. „Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка". (Энц. сл. фил. Вып. 11. Птг. 1915).

Пѣшковскій. „Русскій синтаксисъ въ научномъ освѣщеніи". М. 1914.

Будде Е. Ѳ. Рецензія на трудъ Пѣшковскаго. (Ж. М. Н. Пр. 1914. № 12).

Пѣшковскій. „Школьная и научная грамматика“. М. 1914.

Будде Е. Ѳ. „Основы синтаксиса русскаго языка“. Казань. 3-е изд. 1914.

Его-же. „Основы синтаксиса русскаго языка“. Р. Ф. В. 1910 г. №№ 3 и 4. 1913 г. № 4.

Его-же. „Русскій языкъ“. Лекціи, читанныя на Педагогическихъ Курсахъ при Управленіи Казанскаго Учебнаго Округа въ 1911—1912 уч. году. Казань. 1916 г. 3-е изданіе.

Алферовъ. „Родной языкъ въ средней школѣ“. Опытъ методики. М. 1916 г. 3-е изданіе.

Потаповъ. „Къ вопросу о введеніи въ курсъ средней школы исторіи русскаго языка“. Одесса 1916.

Вилинскій. „Къ вопросу о постановкѣ преподаванія русскаго языка“... Одесса. 1916 г.

Будде Е. Ѳ. Рецензія на „Руководство по исторіи русскаго языка“ г-жи *Истриной*“. Ж. М. Н. Пр. 1915 г. № 8.

Державинъ. „Основы методики преподаванія русскаго языка“... Птг. 1917.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

Содержаніе.

I. Методика и методологія.
II. „Русскій языкъ“ въ средней школѣ.
III. Учебники грамматики русскаго языка для средней школы.
IV. Требованія отъ школьнаго учебника, указываемыя методологіей науки.
V. Методологически-правильная постановка различныхъ отдѣловъ русскаго языкознанія и результаты такой постановки.
а) Отдѣлъ словообразованія.
б) Отдѣлъ фонетики.
Важность языковыхъ представленій.
Звукъ языка и буква азбуки.
Звуковой методъ. Звуковыя и зрительныя представленія.
Звуковые законы, ихъ установленіе и историческое изученіе.
Методологическое значеніе діалектологіи русскаго языка.
Отношеніе языковѣда къ письменнымъ памятникамъ.
Индукція и дедукція.
в) Отдѣлъ психологіи рѣчи. Явленія не фонетическихъ измѣненій.
Методы изысканій и постановки вопроса.
Звуковая аналогія.
Морфологическая аналогія.
Семазіологическая аналогія.
Историческое прошлое даннаго явленія и его діалектическое развитіе.
Какъ составляется грамматика языка?
Синтактическая аналогія.
г) Отдѣлъ предложеній и ихъ сочетаній.
Роль причастныхъ формъ.
Условія научнаго представленія объ особенностяхъ каждаго языка въ отдѣльности.
Придаточное предложеніе въ его исторіи.
Роль инфинитива.
Сложное предложеніе въ его исторіи.
VI. Два направленія въ изученіи синтаксиса.
Форма и значеніе слова. Ихъ взаимное отношеніе.
Интонація рѣчи, какъ формальный элементъ ея.
Письменная и устная рѣчь.
Смерть значенія и жизнь формы.
Форма управленія словъ, какъ основа классификаціи синтактическихъ отношеній.
Система вопросовъ, какъ единственно-правильный научно-методологическій пріемъ опредѣленія этихъ отношеній.
Согласованіе и управленіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.
Основной принципъ анализа языковыхъ явленій.

Вредъ догматизма въ изложеніи при изученіи языковыхъ явленій *живого* языка.

а) Дѣленіе именъ на склоненія.

б) Опредѣленіе частей рѣчи.

в) Ученіе о „безличныхъ“ предложеніяхъ.

1. Классификація именъ существительныхъ по склоненіямъ.

Выводы.

2. Опредѣленіе частей рѣчи.

Новая теорія и ея критика.

Опредѣленіе частей рѣчи по формальнымъ отличіямъ.

Выводы.

3. Ученіе о „безличныхъ“ предложеніяхъ.

Три эпохи въ исторіи этихъ предложеній.

VII. О „профессорскихъ“ учебникахъ по русскому языку.

VIII. „Матеріалы по реформѣ средней школы“. (Ж. М. Н. Пр. 1915. № 11).

IX. Объ опредѣленіи предложенія вообще и его членовъ.

„Учителя“ и учебники. Состояніе знаній въ средней школѣ.

Школьная теорія сокращенія предложеній.

Признаки научности опредѣленій и теорій вообще.

X. Ученіе о залогахъ глагола. Есть-ли формы залоговъ въ русскомъ языкѣ?

Залоги глагола въ учебникахъ.

Залоги глагола въ наукѣ.

XI. О формахъ глагольныхъ временъ и о спряженіяхъ.

Ихъ количество и признаки.

Первое и второе спряженія. Ихъ признаки.

Классификація глаголовъ:

а) По основамъ инфинитива,

б) По основамъ наст. времени.

„Архаическое“ спряженіе глаголовъ.

I-й классъ глаголовъ. Примѣчанія.

II-й классъ глаголовъ.

III-й классъ глаголовъ. Примѣчанія.

IV-й классъ глаголовъ. Примѣчанія.

V-й классъ глаголовъ. Участіе звука *j* въ образованіи формъ настоящаго времени этого класса глаголовъ сравнительно съ III-мъ и IV-мъ классами. Примѣчанія.

VI-й классъ глаголовъ.

а) Глаголы съ примѣтами *-ова-* и *-ева-*. Участіе звука *j* въ образованіи формъ этихъ глаголовъ.

б) Глаголы съ примѣтами *-ыва-* и *-ива-*. Примѣчанія.

в) Участіе глаголовъ II-го класса съ примѣтою *-ну-* при ихъ образованіи.

Итоги.

Вмѣсто предисловія.

Библіографическій отдѣлъ.

Содержаніе.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
15.	7 св.	*существеннный*	*существенный*
18.	13 св.	измѣри-ніяхъ	измѣре-ніяхъ
19.	18 св.	предоженіи	предложеніи
27.	2 св.	жизии	жизни
29.	1 св.	тихъ	этихъ
38.	22 сн.	рѣчи	рѣчи,
38.	4 сн.	на живымъ	надъ живымъ
60.	4 св.	син-тическое	син-тактическое
61.	4 св.	розсматриваться	разсматриватьс:
64.	23 сн.	ифанитива	инфинитива
64.	16 сн.	инфинатива	инфинитива
106.	17 св.	грамматики	грамматики,
137.	4 сн.	(V. 2. Б.	(V. 2. Б.)
146.	2 сн.	*засъвать*	*засъвать*,

